

Л. В. ЗАБОРОВСКИЙ

Россия,
Речь Посполитая
и Швеция
в середине
XVII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

Л. В. ЗАБОРОВСКИЙ

Россия,
Речь Посполитая
и Швеция
в середине

XVII в.

Из истории
международных отношений
в Восточной
и Юго-Восточной Европе

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1981

В книге исследован и обобщен материал по истории политических, экономических и дипломатических отношений России, Речи Посполитой и Швеции в период освободительной войны украинского народа, начала русско-польской и кануна Первой Северной войны (середина XVII в.); использованы иноязычные документы и публикации, что позволило ввести в научный оборот новые данные и сделать ряд важных научных выводов.

Ответственный редактор
В. Д. КОРОЛЮК

© Издательство «Наука», 1981 г.

3 — 10603-175
042(02)-81 74-81 0504030000

Задачи исследования. Обзор источников и литературы

Последняя четверть XVI — начало XVII в.— важный этап в истории политических взаимоотношений России и Речи Посполитой. Правящие круги этих стран стремились тогда к разрешению межгосударственных противоречий не только на путях конфронтации, но и пытались достичь взаимоприемлемого соглашения, в частности нацеленного против общих противников — Османской империи и Швеции. Эта линия политического развития была прервана вмешательством польско-литовских феодалов во внутренние дела России в начале XVII в.¹ В результате неудачи в Ливонской войне и особенно событий начала XVII в. Русское государство потеряло не только свои позиции в Прибалтике, но и Смоленщину, Северщину, Черниговщину. Возвращение последних стало первоочередной задачей русской внешней политики. Вслед за ликвидацией последствий кризиса первых десятилетий XVII в. царь Михаил Федорович старался использовать ситуацию в Европе, сложившуюся в ходе Тридцатилетней войны, чтобы вернуть русские, часть украинских и белорусских земель в рамках антипольского союза со Швецией (Смоленская война 1632—1634 гг.). Однако из-за своекорыстной политики шведских правящих кругов, особенно после смерти Густава-Адольфа, данный союз остался неосуществленным². Это был урок, который русская дипломатия оценила должным образом. Поляновский мирный договор 1634 г. привел лишь к отказу Владислава IV от прежних претензий на русский трон, в остальном довоенное положение оставалось почти неизменным.

Не забывали в Москве и о другой важной внешнеполитической задаче: благоприятном решении балтийского вопроса. В этой связи показательно, что в самом конце Тридцатилетней войны русские политики попытались воспользоваться ее возможной затяжкой, чтобы методами дипломатического давления добиться от шведского правительства фактического изменения условий Столбовского до-

говора 1617 г. по одному из острых вопросов — о массовом переходе в Россию населения захваченных шведскими феодалами русских владений. Несмотря на важность самого дела, гораздо существеннее был факт стремления русских дипломатов внести корректизы в договор, что создавало прецедент на будущее,— именно так расценили данный эпизод в Стокгольме³. Очевидно, уже в то время царский двор учитывал возможность таких изменений и готов был ради них идти при благоприятных обстоятельствах на риск ухудшения отношений со Швецией. В данном случае цель не была достигнута из-за скорого завершения Тридцатилетней войны, и Стокгольмский договор 1649 г. стабилизировал русско-шведские отношения компромиссным путем.

После Поляновского мира 1634 г. Речь Посполитая ориентировалась на сохранение статус-кво во взаимоотношениях с восточным соседом. Изменения принесла активизация планов антитурецкой войны в последние годы правления Владислава IV. В качестве первого шага предусматривалась война с Крымским ханством, причем имелось в виду привлечь к общей акции Россию. Такой курс имел реальную основу, отвечал интересам обоих государств и мог стать базой для их сближения. Соответствующие переговоры велись в 40-х годах XVII в. Они дали некоторые практические результаты, а в августе 1647 г. был выработан проект оборонительного соглашения. Однако с началом в 1648 г. освободительной войны украинского народа все эти начинания потеряли значение, поскольку русское правительство отвергло попытки польской стороны побудить его к действиям одновременно против Крыма и Украины⁴.

Следующий этап связан именно с названной войной и особенно с воссоединением Украины с Россией, которое в международном плане, принимая во внимание обострение внутреннего кризиса Речи Посполитой, означало начало превращения России в ведущую державу Восточной Европы⁵. Новый восточноевропейский политический и военный кризис опять выдвинул на первое место противоречия между Русским государством и Речью Посполитой. Однако их разрешение было затруднено вмешательством Швеции, имевшим целью захват ее новых позиций на Балтике и в особенности изменение в пользу шведских феодалов всего положения в Восточной Европе. Поэтому дальнейшее развитие восточноевропейского конфликта

оказалось теснейшим образом взаимосвязано с результатами предпринятой шведским правительством акции. Воспользовавшись дальнейшим ослаблением Речи Посполитой вследствие неудачно для нее протекавших боевых действий 1654—1655 гг. в Белоруссии и на Украине, шведские армии вторглись летом 1655 г. в Литву и Польшу. Началась Первая Северная война — один из крупнейших конфликтов общеевропейского значения в XVII в., в который постепенно в той или иной мере включились многие страны континента. Восточноевропейский кризис приобрел более широкий характер. В считанные месяцы, почти без сопротивления, шведские войска промаршировали от Балтики до Krakова и скорее путем переговоров, чем силой оружия, заняли большую часть Речи Посполитой. Но уже с конца 1655 г. в последней началось массовое сопротивление захватчикам, и вскоре завоевания шведских феодалов были существенно ограничены. Почти одновременно нарастали русско-шведские разногласия, в мае 1656 г. русские войска двинулись к Риге. В центре внешней политики России вновь оказался балтийский вопрос.

Все это стало базой для кардинального изменения расстановки политических сил на восточноевропейской арене: наметилось русско-польское сближение на антишведской основе, были предприняты, прежде всего русской и польской дипломатией, попытки организовать направленную против Швеции коалицию. Правящие круги России и Речи Посполитой искали пути к преодолению сохранявшихся между ними серьезных противоречий. Правда, стабилизация польско-русских отношений оказалась неустойчивой и сравнительно недолгой, но она сыграла положительную роль в 1656—1657 гг. и еще более в перспективе, так как отныне правительства обеих стран неизменно учитывали подобную возможность при продолжавшихся переговорах.

Итак, середина 50-х годов XVII в. была важным этапом дальнейшего развития Восточной Европы. И дело не в драматизме происходивших тогда событий, столь привлекавших прежнюю историографию. Именно в тот период наметились изменения в положении и взаимоотношениях главных участников борьбы в Восточной Европе и на Балтике, России, Речи Посполитой и Швеции, оказавшие серьезное влияние на политическую жизнь региона во второй половине XVII — начале XVIII в.

Не удивителен постоянный интерес к истории той поры на протяжении более чем 300 лет, начиная от многочислен-

ных сочинений современников и кончая исследованиями наших дней. Многие проблемы изучены достаточно полно. В марксистской историографии нашей страны и народной Польши углубленно разрабатывались многие стороны социально-экономической, внутри- и внешнеполитической жизни трех названных государств, их взаимоотношения, подводились общие итоги их развития к середине XVII в. Эта многолетняя исследовательская деятельность обобщена в крупных коллективных трудах⁶.

Серьезному изучению был подвергнут период конца 40-х — первой половины 50-х годов XVII в., причем немало внимания уделялось историографической стороне дела⁷. Последнее дает возможность, не останавливаясь на персоналиях, показать основные результаты проделанной моими предшественниками работы.

Много сделано для исследования генезиса и развития важнейшего события тех лет в Восточной Европе — свободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. вплоть до акта Переяславской рады, их влияния на обстановку в регионе, политики Украины в целом и ее отношений с Россией и Речью Посполитой в особенности. Анализировалась подготовка (в том числе в военной сфере) к русско-польской и Первой Северной войнам участников этих конфликтов, ход боевых действий. В польской, русской дореволюционной и советской историографии рассматривались основные черты внутреннего и международного положения Речи Посполитой, причины польско-литовских военных неудач 1654—1655 гг. Одна из тем, вызывавших неизменный интерес исследователей,— деятельность различных групп правящего класса Речи Посполитой, не только королевского лагеря, но и оппозиционных течений в 40—50-е годы XVII в. Она весьма нелегка для расшифровки из-за скучности данных, особенно при анализе неофициальной политики, и до сих пор не выяснена с желательной полнотой, хотя очень важна для понимания реальной картины событий тех лет. Совершенно недостаточно изучены альтернативные внешнеполитические программы, выдвигавшиеся оппозиционными группировками польско-литовских феодалов в 1648—1655 гг. Несколько больше исследованной является официальная внешняя политика Речи Посполитой в названный период, в том числе ее двусторонние отношения с Россией, Швецией, Османской империей и ее вассалами, с некоторыми другими государствами. Но международное положение

Речи Посполитой в те годы не оценено в комплексе, не подведены политические итоги деятельности ее дипломатии, включая особо важный вопрос о возможности предотвратить, затруднить или отсрочить дипломатическими средствами шведское нападение. Внешнеполитические акции Речи Посполитой на юго-востоке рассматриваются изолированно, без достаточного учета активности русско-украинской дипломатии, без корреляции русскими архивными материалами, что иногда создает не вполне правильное представление о достигнутых в этом районе варшавским двором реальных результатах.

Для шведской историографии проблематика войн Карла X почти столь же традиционна, как Тридцатилетней и Северной 1700—1721 гг. войн. Основой такого интереса является стремление изучить эпоху великодержавия Швеции и понять причины его недолговечности. В этом смысле Северная война 1655—1660 гг. важна и потому, что она стала первой серьезной неудачей шведской великодержавной программы.

Шведские (частью и советские) историки посвятили много усилий анализу разных сторон внутренней ситуации в Швеции в 40—50-х годах XVII в. В ряде работ подвергнута изучению внешняя политика Швеции накануне и после заключения Вестфальского мира 1648 г., включая ее взаимоотношения с Россией, Речью Посполитой и другими государствами. В шведской историографии сложились давние и весьма устойчивые традиции, своего рода штампы в оценке внешней политики страны 1649—1655 гг., отнюдь не всегда представлявшие эту политику в реальном свете. Постоянно подчеркивалось стремление Швеции к нормализации отношений со всеми державами, а с момента возникновения англо-голландской морской войны 1652—1654 гг.— курс на вооруженный нейтралитет как основную линию шведской политики. При характеристике последней доказывалось решающее значение в ней западного сектора сравнительно с восточным, утверждалось, что во взаимоотношениях с Речью Посполитой правящие круги стремились лишь к сохранению статус-кво и только с появлением на шведском троне Карла X Густава и началом русско-польской войны произошла коренная перемена в сторону постепенной подготовки вмешательства в восточноевропейский конфликт.

При установлении причин нападения Швеции на Речь Посpolitую летом 1655 г. и времени принятия в Стокголь-

ме соответствующего решения шведские историки неизменно указывали на значение «русского фактора» в определении направления внешней политики Швеции в середине 1654 — первой половине 1655 г. Однако этот тезис, в целом справедливый и доказательно обоснованный, нередко приводил к вольному или невольному затушевыванию шведскими авторами агрессивных, направленных именно против Речи Посполитой целей, которые преследовало правительство Карла X, развязывая войну с ней. Но лишь в 1956 г. натурализовавшийся в Швеции исследователь, украинец по происхождению, Б. Кентржинский попытался обосновать положение о подготовке Карлом X превентивной войны против России и шведско-польском антирусском союзе как главных целях шведской внешней политики во второй половине 1654 — первых месяцах 1655 г. По мнению данного автора, только из-за нежелания польского короля пойти на серьезные переговоры со стокгольмским двором эти задачи не были выполнены и возникла война между Швецией и Речью Посполитой⁸. Такой взгляд был подвергнут критике в советской исторической науке (А. С. Каном⁹), не привился он и в шведской историографии, главным образом из-за недостаточности и ошибочной в ряде случаев интерпретации Б. Кентржинским источников.

В конце 60-х—70-х годах XX в. шведские исследователи приступили к пересмотру отдельных элементов изложенных тенденциозных представлений¹⁰. Но сделано было в этом направлении явно недостаточно. Более того, в 1973 г. А. Стаде на новой основе, с привлечением свежего архивного материала, с исправлением прежних ошибок повторил и развил основные тезисы Б. Кентржинского. Работа А. Стаде по своей источниковой базе, конкретным наблюдениям и отдельным выводам представляет значительную ценность, но гипотезу Б. Кентржинского она не сделала более убедительной. Аргументация А. Стаде не была пока предметом основательного разбора, которого она требует. Недостаточным представляется решение в шведской историографии вопроса о конкретных политических и военных целях, которыеставил перед собой Карл X до начала войны с Речью Посполитой (в последние годы этой темой плодотворно занимался Л. Терсмедин)¹¹. В частности, большинство авторов неоправданно разделяют при анализе источники военно-оперативного и дипломатического характера. В целом новое изучение на основе всей

совокупности данных внешней политики Швеции в 1649—1655 гг., и особенно в 1654—1655 гг., является весьма актуальной задачей ввиду большой роли, которую сыграла Первая Северная война в жизни Восточной Европы XVII в.

Как уже отмечалось, в историографии, прежде всего советской, много сделано для всестороннего исследования развития России в 40—50-х годах XVII в., в том числе ее внешней политики, связей с Украиной в разных сферах, политических отношениях с Речью Посполитой, Швецией, другими европейскими государствами и т. д. Крупным достижением советской историографии стало изучение значимости в жизни России XVII в. экономической, стратегической, военной, внешнеполитической сторон балтийского вопроса. Было высказано мнение (впервые — О. Л. Вайнштейном), что русско-польская война 1654—1667 гг. на ее начальном этапе имела целью не только воссоединение Украины и Белоруссии, но и приобретение значительных позиций в Прибалтике, а в перспективе — благоприятное для России решение балтийского вопроса. При таком подходе кругой поворот русской внешней политики в конце 1655 — начале 1656 г. в сторону антишведского курса и сближения с Речью Посполитой рассматривается рядом советских исследователей как целесообразная политическая линия, попытка осуществления в новых условиях прежних планов закрепления на Балтике.

Но в нашей историографии имеется и противоположная характеристика основных целей русской внешней политики в конце 40-х — 50-х годах XVII в., согласно которой главной и единственной правильной задачей России была борьба с Речью Посполитой за воссоединение украинских и белорусских земель при естественном отказе от всяких усилий вернуть уступленные Швеции балтийские земли (в наиболее крайней форме подобное представление защищал Б. Ф. Поршинев). Сторонники данного взгляда полагают, что в начальный период русско-польской войны 1654—1667 гг. московский двор стремился к возвращению утраченных русских территорий и к воссоединению Украины и Белоруссии с Россией, а шведско-русский конфликт 1656—1661 гг. считают вызванным случайными причинами — ошибкой царской дипломатии. Разумеется, высказывались и промежуточные точки зрения. Столы серьезные разногласия объясняются в немалой

мере тем, что документальный материал по данной теме, отложившийся в советских архивохранилищах, разбросан по разным фондам и до сих пор не использован в полном объеме. Отдельные стороны русской внешней политики 50-х годов XVII в., оказавшие существенное влияние на развитие восточноевропейского конфликта, исследованы недостаточно, например взаимоотношения России (и Украины) с Османской империей. Даже некоторые важные вопросы, фактическая сторона которых в общих чертах известна, не прояснены полностью. Это относится и к широкой, европейского размаха, акции русско-украинской дипломатии накануне и в начале русско-польской войны 1654—1667 гг. Упомянутый вопрос рисуется нередко изолированно, по частям, не дается общей картины, важный вопрос о тесной координации деятельности русской и украинской дипломатических служб в данном случае не разработан с должной убедительностью.

В целом необходимо комплексное изучение действий русско-украинской дипломатии, осуществленных в связи с возникновением войны между Россией и Речью Посполитой, на основе максимально полного использования источников из советских архивов. Лишь тогда можно объективно и доказательно судить о действительных внешнеполитических целях, которые преследовало царское правительство, вступая в борьбу с Речью Посполитой. Наконец, требует дополнительного рассмотрения позиция Османской империи, Крымского ханства, Трансильванского и Дунайских (Молдавского и Валашского) княжеств по отношению к воссоединению Украины с Россией и польско-русскому конфликту.

В предлагаемой монографии предметом исследования является политический и военный кризис, возникший в Восточной Европе после начала в 1654 г. войны между Россией и Речью Посполитой. Обрисованное в общих чертах состояние историографии диктует автору выбор проблематики работы. Из большого круга вопросов, связанных с данной темой, берется ее сравнительно менее изученный и особенно острый, наиболее спорный, как это видно из предшествующего изложения, аспект, а именно — история международных отношений в регионе. В центр внимания ставится анализ внешней политики трех главных участников конфликта — Речи Посполитой, России и Швеции (последней постольку, поскольку она была одной из основных сторон в восточноевропейском кризисе).

Предполагается рассмотреть не все аспекты внешней политики названных государств, а лишь имевшие важное значение для исхода противоборства в Восточной Европе: их дипломатические взаимоотношения между собой, а также со странами, располагавшими возможностями активного воздействия на восточноевропейские события и оказавшимися поэтому в сфере внешнеполитической активности России, Речи Посполитой, Швеции. В книге затрагивается внешняя политика многих государств Юго-Восточной, Центральной, Северной и Западной Европы, что естественно при существовавшей в XVII в. неразрывной связи международной жизни в разных частях континента, но принимаются в расчет лишь моменты, определявшие их позиции по отношению к кризису в Восточной Европе. Очень важно при этом преодолеть традиционную «двустворонность» изучения внешнеполитических проблем, придая ему возможно более комплексный характер.

Небольшие размеры монографии вынуждают автора жестко ограничить ее хронологические рамки преимущественно временем непосредственной подготовки польско-русского столкновения (т. е. 1653 г.), с одной стороны, и возникновением Первой Северной войны (т. е. серединой 1655 г.) — с другой, когда завершился начальный этап восточноевропейского кризиса и усилилось его постепенное перерастание в конфликт более широкого, общеевропейского значения.

В конкретные задачи работы входит исследование четырех основных групп вопросов, взаимосвязанных с проблемой кризиса в Восточной Европе в указанные годы. Во-первых, намечено показать положение Речи Посполитой на всем протяжении периода, как внутреннее, так и по преимуществу международное; проследить деятельность дипломатии страны на разных направлениях, и в особенности дать комплексную оценку итогов этой активности; кроме того, реконструировать, насколько позволяют имеющиеся документальные материалы, внешнеполитические программы, предлагавшиеся оппозиционными кругами польско-литовского правящего класса. Во-вторых, исследовать и дать реальную оценку внешней политики Швеции в послевестфальскую пору, главным образом в 1654—1655 гг., обращая особое внимание на восточный сектор этой политики и позицию шведского правительства в отношении Речи Посполитой и России; выяснить причины нападения шведских феодалов на Речь Посполитую и кон-

крайние политические и военные цели, планируемые ими до начала боевых действий. В-третьих, охарактеризовать основные внешнеполитические цели России в связи с войной между нею и Речью Посполитой, показать многостороннюю деятельность русско-украинской дипломатии с конца 1653 г. и оценить достигнутые результаты; отметить те изменения русской внешней политики, которые принесла растущая угроза вмешательства Швеции в восточноевропейский конфликт. И наконец, в-четвертых, дать представление о переменах во внешнеполитической линии государств Юго-Восточной Европы (Османской империи и ее европейских вассалов), вызванных возникновением и развитием восточноевропейского кризиса.

Решение поставленных задач возможно благодаря наличию широкой источниковой базы, преимущественно архивных документальных материалов. По ходу изложения уже приходилось отмечать ценность русских архивных источников при анализе разных сторон внешней политики не только России, но и других держав. Именно они дают основной материал для исследования. Это прежде всего хранящаяся в ЦГАДА обширная документация многочисленных фондов Посольского приказа: по отношениям России с Польшей, Швецией, Францией, Голландией, Данией, Австрией (основная часть опубликована), Пруссией, Курляндиею, Молдавией и Валахией (немало материалов издано), Крымом; фонды «Малороссийские дела» и «Донские дела» (документы их много раз публиковались). Обычно каждый из этих фондов состоит из четырех крупных частей: книги, дела, грамоты и договоры. Использовались и фонды других приказов — Тайных дел, Разрядного (и его материалов, отложившихся в фонде Сибирского приказа), Малороссийского (многое издано). Привлекались также некоторые источники по теме, сохранившиеся в государственных архивах Швеции и Дании (из Хранилища микрофотокопий ЦГАОР СССР). Внимательно учтены и публикации документальных материалов.

Использованные в монографии источники делятся на следующие основные группы:

1. *Материалы высших органов государственной власти.* Это дневники и конституции польских сеймов, королевские инструкции и универсалы на сеймики, инструкции и постановления сеймиков; протоколы заседаний и решения шведских риксдагов; материалы русских земских соборов; дополнительно привлечены документы провинциальных

собраний и генеральных штатов Нидерландов, имперского рейхстага. Сюда же относятся протоколы заседаний и другие материалы высших совещательных органов — шведского риксрода, польских сенаторских рад, императорского и бранденбургского тайных советов, крымского и турецкого диванов.

2. *Межгосударственная переписка и договорные акты*: переписка правителей, высших государственных учреждений, ведущих политических деятелей и т. д.

3. *Правительственные документы внутреннего характера* (кроме отмеченных в разделе 1): универсалы и официальная переписка польского короля, гетманов, а также Б. Хмельницкого; грамоты, указы, официальная переписка царя, приказов, русских государственных деятелей и военачальников и пр.

4. *Переписка государей, ведущих политических руководителей и их доверенных лиц — внутренняя (в том числе и семейная), а также зарубежная неофициального характера*. Источники этого рода, очень важные для нашей темы, почти не сохранились в русских архивохранилищах; несравненно лучше обстоит дело с польскими и шведскими материалами. Кроме них, использована переписка украинских, трансильванских, бранденбургских, нидерландских, французских, английских, австрийских политиков.

5. *Материалы посольств*. Один из главных по ценности для изучения внешней политики разделов, а при анализе русской — ведущий (ввиду малого количества или отсутствия документов в 1-й, 4-й, 6-й группах). Здесь — инструкции, мемориалы, резолюции, наказы, указы посольствам и переписка с ними; реляции, рапорты, докладные записки, отписки, отчеты, журналы, дневники посольств; мемориалы, заявления, письма посольств высшим государственным учреждениям страны их пребывания и ответные резолюции, письма, протоколы переговоров; переписка некоторых посольств между собой. В русской дипломатической практике значительная часть делопроизводства по каждому из своих и приезжавших из-за рубежа посольств объединялась, важным элементом первого были статейные списки — фактически дневники посольств.

6. *Материал резидентов* (сходны с разделом 5). В XVII в. данный институт был уже очень широко развит и охватил почти все основные пункты Европы. Ценным дополнением к ним служат документы осведомителей из

разных слоёв местного населения, в частности русских на Востоке, в Белоруссии, на Украине и в Любеке.

7. *Эпистолография* (кроме отмеченной в предыдущих группах) частная, полу- и официального характера и сходная с ней пресса XVII в., когда для Европы показателен «информационный голод», настоящая «охота за информацией», а последняя прямо влияла на политику (это хорошо известно на примере Швеции и Бранденбурга). Письма; сообщения, «листовки», авизы, «вестовые письма», отписки воевод и пр., «распросные речи», газеты, издания типа «Theatrum Europeum» и др. восполняли потребность в сведениях. Сбор их нередко был организован в государственном масштабе, особенно в Швеции, России.

8. *Нarrативные источники*: дневники, мемуары, описания путешествий, польские «хроники» XVII в. и т. п.

- 1 *Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в.* М.: Наука, 1978.
- 2 *Арзыматов А. А. К вопросу о русско-шведских отношениях в 1618—1648 гг.* — Скандинавский сб., 1956, № I, с. 72—100; *Поршинев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства.* М.: Наука, 1976.
- 3 Грамота посольству в Швецию во главе с Б. И. Пушкиным от 28 марта 1649 г.— Шведские дела, 1649 г., № 2, л. 198—199; *Кан А. С. Стокгольмский договор 1649 г.* — Скандинавский сб., 1956, № I, с. 101—117. Здесь и далее даты — по новому стилю.
- 4 *Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 328—331, 363—367; *Czapliński W. Władysław IV i jego czasy.* Wyd. 2. Warszawa, 1976, s. 357—379.
- 5 Этот тезис, имея в виду весь период русско-польской войны 1654—1667 гг., неоднократно подчеркивал З. Вуйцик (*Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674—1679: Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej.* Wrocław etc., 1976, s. 5—8).
- 6 Гісторыя Беларускай ССР. Мінск: Навука і тэхніка, 1972. Т. 1; История Литовской ССР: С древнейших времен до наших дней. Вильнюс: Мокслас, 1978; История Молдавской ССР. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1965. Т. 1; История СССР: С древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1966—1967. Т. 2—3; Очерки истории СССР: Период феодализма XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955; История Польши. М.: Изд-во АН СССР, 1956, Т. 1; 2-е изд., доп.; История Швеции. М.: Наука, 1974; Исторія Української РСР. Київ: Наукова думка, 1979. Т. 1, кн. 2; Т. 2; *Dzieje Polski.* Wyd. 2. Warszawa, 1978; *Historia Polski.* Wyd. 5. Warszawa, 1969. Т. I, cz. 2; *Polska XVII wieku:* Państwo. Społeczeństwo. Kultura. Wyd. 3. Warszawa, 1977; *Zarys historii Polski.* Warszawa, 1979, и др. Шведские историки подготовили многотомное исследование по истории своей страны, очень традиционное по взглядам. См.: *Den Svenska Historien.* Stockholm, 1967. Т. IV, V.

⁷ Бухало Г. В. Сучасна польська історіографія про возз'єднання України з Росією.— Український історичний журнал, 1976, № 6, с. 130—133; Вайнштейн О. Л. Русско-шведская война 1655—1660 годов: Историографический обзор.— Вопр. истории, 1947, № 3, с. 53—72; Галактионов И. В. Из истории русско-польского сближения в 50—60-х годах XVII в.: Андрусовское перемирие 1667 г. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1960, с. 4—9, 26—42; Голобуцкий В. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев: Госполитиздат УССР, 1962, с. 3—33; Поршинев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970, с. 43—44, 210—211, 238—243, 246, 248—249; Heymowski A. Karl X Gustav och den polska historieskrivningen.— KFÄ, 1957, s. 31—44; Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655—1660. Warszawa, 1957, t. I, s. 83—88; Stade A. Geneza decyzji Karola X Gustawa o wojnie z Polską w 1655 r.— In: Studia i materiały do historii wojskowości, 1973, t. XIX, cz. 2, s. 19—91; Ibid., 1971, t. XVII, cz. 2, s. 229—234; Åsard B. Upp-takten till Karl X Gustafs anfall mot Polen 1655: Till frågan om krigets mål och medel.— KFÄ, 1970, s. 7—9, 20—21.

⁸ Kentrschynskyj B. Karl X Gustav inför krisen i öster 1654—1655.— KFÄ, 1956, s. 7—140.

⁹ История СССР, 1957, № 3, с. 221—223.

¹⁰ См.: Заборовский Л. В. Политика Швеции накануне Первой Северной войны: вторая половина 1654 — середина 1655 г.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М.: Наука, 1973, с. 205—229.

¹¹ Tersmeden L. Karola X Gustawa plan kampanii polskiej 1655 r.: Powstanie planu i jego przeprowadzenie.— In: Studia i materiały do historii wojskowości, 1973, t. XIX, cz. 2, s. 93—123.

II

Политическая ситуация в Европе в начале 50-х годов XVII в. Балтийский вопрос

Вестфальские трактаты не принесли на континент долгожданного мира. Продолжался испано-французский конфликт, осложненный фактическим вмешательством австрийских Габсбургов. Острым оставалось положение в Германии (серезные шведско-бранденбургские противоречия в померанском вопросе и др.). Англо-нидерландская морская война 1652—1654 гг. значительно усилила политическую роль Англии, тем более что Франция из-за внутренних внешнеполитических трудностей временно ослабела. Произошел постепенный распад прежней антигабсбургской лиги. Испания сблизилась с Нидерландами, Англией (до 1655 г.) и Швецией, а Австрия, хотя и осторожно,— с последней¹. Напротив, исчезло франко-шведское единство, а нидерландско-шведские отношения стали напряженными. Османская империя, связанная трудной Кандийской войной с Венецией, не говоря уже о тяжелой внутренней ситуации, вынуждена была сосредоточиться почти исключительно на средиземноморском театре своей внешней и военной политики. Возможности активного вмешательства Порты в дела Восточной Европы заметно уменьшились, ограничиваясь преимущественно мерами дипломатического порядка. Поэтому для России и Речи Посполитой «восточный вопрос» временно сводился прежде всего к взаимоотношениям с Крымом.

В целом в конце 40-х—50-х годах XVII в. (до 1656—1658 гг.) все ведущие державы Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы могли воздействовать на столкновения в других частях континента в основном лишь дипломатически. Насколько существенным был этот фактор легко понять, припомнив историю заключения Копенгагенского и Оливского договоров 1660 г., когда западные державы фактически продиктовали борющимся сторонам условия мира, причем в обстановке военных неудач шведов. Но сейчас борьба интересов в Восточной и Северной

Европе могла проявиться в чистом виде, а исход противоборства России, Швеции и Речи Посполитой определялся прежде всего соотношением их сил. В данном районе имелось два главных узла противоречий. Первый — балтийский вопрос. Острота его объяснялась исторически сложившимся неравноправием разных стран в балтийской коммерции. Монопольное положение морских держав-посредников (особенно Голландии) в торговле на Балтике тормозило развитие государств региона ². Из последних в более выгодной ситуации оказались Дания и Швеция. Первая, владея проливами, перекладывала в свой карман часть прибылей при помощи пошлин и т. п. Самой активной и агрессивной силой на Балтике стала Швеция. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. наметились четыре основных направления ее экспансии: против России, Речи Посполитой, Дании и Германии. Общая задача внешней политики Швеции состояла в превращении Балтики в «шведское озеро» и переносе туда торговли России с Западом ³. Вместе с эксплуатацией колониальных владений, обеспечением свободы мореплавания и транзитной торговлей с Востоком через Русское государство осуществление такой цели принесло бы значительные выгоды шведской казне, позволив выправить одно из самых узких мест программы великодержавия Швеции — проблему финансирования ⁴. Несмотря на крупные успехи, достигнутые шведскими феодалами на разных направлениях своей агрессии в первой половине XVII в., эта задача была далека от разрешения. Отсюда планы дальнейшей шведской экспансии на Балтике, изложенные в инструкции А. Оксеншерны коммерц-коллегии (1 сентября 1651 г.) и в мемориале шведского резидента в Дании М. Дюрея королеве (20 октября 1651 г.): предусматривался контроль (вплоть до прямого захвата) Швеции над всеми гаванями и прилегающим побережьем от Ревеля (Таллина) и Риги до Висмарса и Стаде при наиболее выгодном для нее режиме в датских проливах ⁵.

В самом неблагоприятном положении на Балтике находились Россия и Речь Посполитая: первая потеряла свои прибалтийские позиции (Столбовский договор 1617 г.), вторая — почти всю Лифляндию (Альтмаркское перемирие 1629 г.). Очень важно подчеркнуть, что уже с 20-х годов XVII в. все более ясным становилось не только экономическое, но и стратегическое, военное значение балтийского вопроса. Для главных государств региона

проблема все более обстояла так, что ослабление или усиление их позиций на Балтике оказывалось равнозначным соответственным колебаниям боевой мощи.

Речь идет в первую очередь о существенном усилении роли военного флота. Если в начале XVII в. превосходство Швеции на море над Речью Посполитой не играло еще большой роли, поскольку польские армии с успехом могли противостоять шведским на суше, то уже со времени Тридцатилетней войны положение изменилось: военные реформы Густава-Адольфа, базировавшиеся и на развитии в стране горнometаллургической промышленности мануфактурного типа, привели к изменению соотношения сил; с этих пор шведы в основном удачно действовали против поляков. В подобных условиях отсутствие у Речи Посполитой флота приобретало почти решающее значение: страна оказалась открытой для шведского вторжения.

Уже неудача осады Риги в 1656 г. прояснила, насколько отсутствие у России своего хотя бы небольшого флота, которое вызывалось в немалой мере именно полным оттеснением от Балтики, пагубно отражается на общей боеспособности русских сил. Но созданный шведскими феодалами прибалтийский барьер был тяжелым препятствием для прогресса России еще и потому, что при желании они всегда могли перекрыть балтийское направление ее связей с Западом или повредить таким контактам, причем это прямо влияло на военный потенциал страны⁶. В итоге справедлив следующий тезис: приблизительно со второй четверти XVII в. для ведущих государств Восточной и Северной Европы балтийский вопрос в его разных аспектах — экономическом, стратегическом, военном — стал одной из главных проблем в их международных отношениях. Представляется также, что после Тридцатилетней войны произошло постепенное закрепление русско-шведского антагонизма, как решающего элемента борьбы на Балтике, ибо Речь Посполитая осталась фактически пассивной⁷.

Второй комплекс противоречий в этом ареале был связан с длительной борьбой главных славянских стран, России и Речи Посполитой⁸, благодаря чему могла более или менее беспрепятственно усиливаться Швеция. Натиск польско-литовских феодалов на восток был более сложным явлением, чем это иногда представлялось в прежней историографии. Именно на полях Украины и Белоруссии в определенной степени решался вопрос о перспективах

русско-польского соперничества. Данное направление политики поддерживали не только двор, немалая часть креевой магнатерии и клир, оно имело массовую базу, получив и соответствующее идеологическое обоснование⁹. Но правильная оценка влияния восточной экспансии на исторические судьбы Речи Посполитой требует учета всех факторов: каждый шаг вперед здесь неизбежно встречал противодействие крепнущего Русского государства; социально-экономические, внутриполитические, конфессиональные и другие ее аспекты встретили упорное сопротивление широких масс украинского и белорусского народов. Наконец, рассчитывая на успехи в этом районе, Речь Посполитая принесла неоправданно большие жертвы, нес совместимые с ее национальными интересами и статусом великой державы, на других важных направлениях политики: вспомним Силезию, Поморье, отказ на долгий срок от серьезной активности на Балтике, укрепление в Восточной Пруссии бранденбургских Гогенцоллернов¹⁰.

Правда, в первой трети XVII в. восточная экспансия дала Речи Посполитой значительные территориальные приращения. Но одновременно страна оказалась чуть ли не в перманентном состоянии войны вследствие грозных восстаний на Украине, что было особенно опасно из-за невозможности обеспечить сколько-нибудь прочный мир на востоке. Для Русского государства борьба с Речью Посполитой становилась необходимостью¹¹. Не меняли дела отказ Речи Посполитой от дальнейшей агрессии на востоке после Поляновского мира 1634 г., стремление к стабилизации на границе с Россией. Не мир, а вооруженное перемирие — вот краткая характеристика взаимоотношений двух держав. Такое положение было невыгодно обеим сторонам, крайне затрудняя возможность сближения и в тех пунктах, где имелись общие интересы, т. е. по шведскому и восточному вопросам.

¹ Поддержка шведского правительства была нужна Фердинанду III для решения главной (примерно с осени 1651 г.) задачи австрийской политики: избрания римским королем еще при жизни императора его старшего сына (достигнуто 31 мая 1653 г.), а после смерти последнего (9 июля 1654 г.) — второго сына, Леопольда.

² Именно монополия, так как само по себе активное участие их в балтийской торговле являлось положительным фактором.

³ История Швеции. М.: Наука, 1974, с. 167—168, 188; Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л.: Наука, 1964, с. 24, 209.

- ⁴ Последняя определяла и военный потенциал страны, в том числе с учетом важной роли наемных армий в ту эпоху.
- ⁵ Lindqvist A. Politiska förbindelser mellan Sverige och Danmark 1648—1655. Lund, 1944, s. 72—75; Olofsson S. J. Efter Westfaliska freden: Sveriges ytter politik 1650—1654. Stockholm, 1957, s. 179—181, 253—254, 527.
- ⁶ Два характерных примера в связи с очень важными для русских закупками оружия за рубежом в 50-х годах XVII в. см.: Польские дела, 1655 г., № 7, лл. 186—187; Курц Б. Г. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914, с. 56, 137—138, 142, 242, 244.
- ⁷ Следует учесть, что морские державы и Франция стремились здесь не к захватам, а к обеспечению выгоднейших условий для своей торговли, проявляя не прямую, а своего рода косвенную агрессию. Дания с середины 40-х годов XVII в. не была уже одним из главных факторов, а Бранденбург не обладал еще достаточной мощью.
- ⁸ Восточный вопрос временно потерял прежнее значение (см. выше).
- ⁹ Polska XVII wieku: Państwo. Społeczeństwo. Kultura. Wyd. 3. Warszawa, 1977, s. 42—45, 247—271.
- ¹⁰ З. Вуйчик убедительно развивает последнюю тему, но не объясняет причин этой крупной неудачи польской политики (Polska XVII wieku..., s. 17, 27—28, 30—33). Ср., напротив: Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970, с. 210—211, 218—222 и др.
- ¹¹ Подчеркивая этот бесспорный факт, никак не могу, однако, согласиться со схемой Б. Ф. Поршнева (Поршнев Б. Ф. Франция..., с. 239—243, 322—326 и др.), согласно которой «генеральной и прогрессивной» задачей внешней политики России до начала XVIII в. была борьба со «странным историческим образованием», Речью Посполитой, составной частью реакционного габсбургско-католического лагеря, за возвращение белорусско-украинских земель. Такой курс требовал отказа царского правительства от всяких попыток вернуть позиции на Балтике и даже союза со Швецией. По Б. Ф. Поршневу, все, что противоречило указанной цели, было прежде временно, а следовательно, вредно для коренных интересов России. Мне кажется, что все элементы данной схемы сомнительны, во всяком случае для периода после Тридцатилетней войны.

III

Военные и дипломатические неудачи Речи Посполитой.

Конфронтация королевской власти и магнатско-шляхетской оппозиции (1648—1653 гг.)

После Вестфальского мира 1648 г. одним из факторов, в немалой мере определявшим политику государств Восточной и Северной Европы, стала освободительная война украинского народа¹. В ходе ее гораздо заметнее проступали недостатки внутреннего развития Речи Посполитой, обострилась и международная ситуация в районе. Резко ухудшилось военное и финансовое положение страны. Вопрос о формировании и пополнении армии являлся для ее руководящих кругов главной задачей — нелегкой при неизменной нехватке средств в государственной казне, особенно с разорением и утратой наиболее важных для получения налогов украинских земель. Хроническая невыплата жалования войску, снижение его боеспособности, постоянная угроза конфедераций стали обычным явлением².

Опасный для Польско-Литовского государства характер приобрела борьба различных группировок правящего класса. В 1652—1654 гг., в условиях войны, было сорвано два сейма из пяти! Противоречия существовали между позицией феодалов различных районов страны: политическое влияние наиболее агрессивной силы, украинских магнатов и шляхты, слабело; велико- и малополяне, не затронутые боевыми действиями, старались решать возникающие проблемы с возможно меньшими жертвами и были более склонны к миру; литовские феодалы ограничивали свое участие в войне подавлением освободительного движения в Белоруссии и борьбой с проникавшими сюда казацкими отрядами, редко выходя за пределы княжества, и проявляли большее стремление к соглашению с Войском Запорожским, надеясь таким способом уберечь свои владения³. Другой круг противоречий разделял регалистов (сторонников короля) и их оппонентов. В политике Яна Казимира следует отметить два существенных элемента: во-первых, примерно со второй половины 1650 г.— желание решить

украинскую проблему силой оружия, что нашло немало сторонников; во-вторых, попытки укрепить королевскую власть в стране. Последнее и стало яблоком раздора, а в центре схватки оказалась так называемая проблема вакансий. Речь шла об упорном стремлении короля сохранить в своих руках либо передать более зависимым от него кандидатам ряд важнейших государственных должностей, прежде всего посты коронных гетманов⁴.

Но особо опасным для Речи Посполитой было сочетание проявлений военного, финансового и внутриполитического кризиса с весьма необеспеченной ситуацией на международной арене. Освободительная война украинского народа с самого начала не стала чисто внутренним делом Речи Посполитой: в 1648 г. было заключено нечто наподобие крымско-казацкого пакта о взаимопомощи⁵; позже в конфликт постепенно частично включились (к выгоде Речи Посполитой) Дунайские и Трансильванское княжества⁶. Варшавский двор, сознавая важность привлечения на свою сторону или хотя бы нейтрализации России, что имело шансы на успех еще в конце 1650 г. да и позже, не сделал для этого ничего существенного. Такому курсу нельзя отказать в последовательности, ибо соглашение с правительством Алексея Михайловича вело к уступкам на востоке. Но он требовал нормализации отношений со Швецией, не урегулированных перемирием в Штумсдорфе 1635 г. Это было особенно важно с учетом смягчения русско-шведских противоречий после Стокгольмского договора 1649 г.⁷ и безрезультатности польских обращений за помощью к императору⁸.

Прежде чем осветить состояние польско-шведских взаимоотношений, вкратце отмечу основные черты положения Швеции после 1648 г. Превращение ее в великую державу сопровождалось ростом промышленности и торговли раннекапиталистического характера, а вместе с тем укреплением позиций дворянства, в том числе его аристократической верхушки, особенно из-за массовой раздачи земель и других источников доходов Густавом II Адольфом и Кристиной. Постоянно увеличивалось налоговое бремя, главным образом с податных сословий. Усиление феодальной эксплуатации привело к резкому обострению классовой борьбы, проявившемуся также в активных антифеодальных выступлениях недворянских сословий на риксдагах, где знаменем стало требование редукции коронных земель и рент. После Тридцатилетней войны заметно ухуд-

шилось финансовое положение Швеции. Существенной чертой внутренней ситуации в стране был своего рода кризис верхов, вызванный проектом отречения Кристины.

В сфере международных отношений обращает на себя внимание весьма активная торговая политика стокгольмского двора в послевестфальский период. В западном секторе шведская внешняя политика имела два ориентира: стремление укрепиться на Балтике, более всего за счет ослабления роли Нидерландов и Дании — отсюда сближение с Англией; желание упрочить свои позиции в германских землях, главным образом с выгодой решить вопрос о Восточной Померании и спор с г. Бременом. Но в целом политика Швеции отличалась здесь осторожностью. Показателен ее нейтралитет в англо-нидерландской войне — она не взяла на себя широких политических обязательств перед Англией, не говоря уже о Габсбургах ⁹. Такой курс объяснялся не только сохранявшимися противоречиями с ними, но и ситуацией в Восточной Европе и характером отношений с Речью Посполитой.

Серьезные попытки добиться «вечного мира» между двумя державами относились к концу Тридцатилетней войны. Правительство Кристины выдвигало два главных условия урегулирования: отказ Речи Посполитой от потерянной ранее большей части Лифляндии и отречение польской линии дома Ваза от прав на шведский престол. Дальнейший ход дела был тесно связан с развитием освободительной войны украинского народа, которую стокгольмский двор рассчитывал использовать для достижения выгодного соглашения с Речью Посполитой по спорным вопросам ¹⁰. Однако Владислав IV, а затем Ян Казимир не приняли предложенных условий, поэтому и предварительные переговоры, и первый Любекский конгресс (июль — октябрь 1651 г.) не дали результатов ¹¹. В конце 1651 — первой половине 1652 г. это привело к появлению в действиях шведских феодалов антипольских мотивов: готовность вооруженной рукой поддержать Гданьск в споре с королем ¹², явно одобренные стокгольмским двором обращения обосновавшегося в Швеции бывшего коронного подканцлера И. Радзейевского к Б. Хмельницкому, выдвинувшего идею общего шведско-украинского нападения на Речь Посполитую ¹³. Но не был закрыт и путь контактов с Варшавой. Инструкции посланцу на предварительные переговоры в Митаве Л. Кантерстену (от 29 июля 1652 г.) показывают, что в то время прави-

тельство Кристины желало соглашения с Польско-Литовским государством. В этих документах предусматривалась выплата Яну Казимиру денежной компенсации за отказ от его прав на корону Швеции, заключение военного союза двух держав и предоставление Речи Посполитой, в случае нападения на нее других государств, шведского корпуса в 4000 человек¹⁴. Две причины вызвали проявленную шведским двором умеренность: опасения в связи с растущей угрозой вступления России в войну против Речи Посполитой¹⁵, которое было бы сильно затруднено при осуществлении проекта, и осложнение обстановки на западе из-за англо-нидерландской войны.

Но правительство Яна Казимира, готовясь к очередной схватке на Украине, не воспользовалось этим шансом, что не улучшило взаимоотношений сторон. Второй Любекский конгресс (ноябрь 1652 — начало марта 1653 г.) окончился безрезультатно¹⁶, а риксдаг в октябре — декабре 1652 г., аргументируя неудовлетворительностью отношений с Речью Посполитой и Данией¹⁷, принял долгосрочную программу усиления армии и флота, которую считали шагом к войне¹⁸. Таким образом, шведская угроза Речи Посполитой не была предупреждена. Внешнеполитическая изоляция и внутренний кризис — таково было ее положение в 1652 г. Но не изменилось ли оно в преддверии русско-польского столкновения?

Ситуация на международной арене оказалась двойственной. В конечную фазу вступили приготовления России к войне, примерно с весны в Речи Посполитой считали конфликт почти неизбежным, речь шла лишь о сроках¹⁹. Но из-за обострения бременского вопроса и англо-нидерландской войны, отвлекавших внимание стокгольмского двора на запад, угроза Речи Посполитой ослабла²⁰. В планы Яна Казимира, как и ранее, входило решение украинского вопроса силой оружия еще до вмешательства России, чтобы таким образом воздействовать на ее позицию, а заодно и на Швецию. Но проба сил весной 1653 г. оказалась безрезультатной. Все надежды возлагались на новый крупный поход на Украину, первоначально намеченный на лето. Однако его осуществлению мешал ряд обстоятельств. Хотя со второй половины 1652 г. положение внутри страны несколько стабилизировалось²¹, оппозиция регалистам не исчезла. Так, начало указанного похода пришлось передвинуть на осень из-за задержки с выплатой денег армии, вызванного фактическим бойкотом

в ряде воеводств, особенно великопольских, сеймовых решений о сборе податей ²². Это помешало объединению и совместному выступлению польских и литовских отрядов, тем более что виленские политики, особенно Я. Радзивилл, вообще предпочитали оставить свои полки в княжестве и держаться оборонительно ²³.

Значительные надежды возлагались в Варшаве на поддержку извне в войне с Украиной. Но обращения Яна Казимира к императору и рейхстагу во второй половине 1652 — летом 1653 г. с просьбой о помощи оказались напрасными ²⁴. Тем большее значение получила идея организовать лигу Речи Посполитой с Дунайскими и Трансильванским княжествами. С этим планом в немалой степени оказалась связанной польская внешняя политика с весны 1653 г. ²⁵ Имелось в виду, что после урегулирования дел в Молдавском княжестве варшавский двор к лету — осени 1653 г. получит в свое распоряжение значительную часть войск новых союзников. Но действительность оказалась скромнее: для Жванецкой операции князья прислали лишь сравнительно небольшой отряд. Объяснить это можно значительными политическими разногласиями, выявившимися между сторонами во время переговоров летом — в октябре 1653 г.

Таким образом, внутренняя обстановка не вполне благоприятствовала осуществлению королевских планов, а поиски помощи за рубежом не дали ожидаемых результатов. У правительства Речи Посполитой появился еще один шанс — возможность сближения с Бахчисараем, так как под влиянием известий об интенсификации русско-украинских переговоров о воссоединении курс ханства стал меняться. Получив серьезные данные об этом летом 1653 г., Ислам Герей тотчас предупредил Б. Хмельницкого, что такое развитие событий приведет к разрыву союза и даже к совместному с Речью Посполитой нападению на Войско Запорожское ²⁶. Видимо, он был склонен к договоренности с Речью Посполитой ²⁷, но не нашел тогда отклика в Варшаве. Поэтому крымским феодалам пришлось маневрировать. Располагая в конце лета — начале осени 1653 г. новой информацией о предстоящем воссоединении Украины с Россией, интенсивной военной подготовке русских, их скором выступлении против Речи Посполитой, хан повторил свое летнее заявление украинскому гетману ²⁸. С другой стороны, 7 сентября везир Сефер Гази-ага и хазинедар Субхан Гази-ага сделали от имени хана посольству Д. Хо-

мякова и Е. Клочкова предложение об участии татарских сил в нападении на Речь Посполитую²⁹. Позже крымцы помогли казакам в боевых действиях на Украине, примерно в середине ноября старались лишить польскую армию помощи от Дьердя Ракоци II и Георгия Штефана³⁰. Эта двойная игра объяснялась неопределенностью обстановки.

В Варшаве планировали другой путь воздействия на Крым, а именно посольство в Стамбул (намечено в апреле 1653 г. на Брестском сейме)³¹. Но участие польских войск в боевых операциях в Молдавском княжестве на стороне нового господаря Георгия Штефана и сведения о недовольстве Порты такими действиями затормозили осуществление этого плана³². Между тем украинская дипломатия проявила в 1653 г. значительную активность в столице османов с целью упрочить союз с Крымом³³, старалась также нормализовать отношения с княжествами. Это подчеркнуло медлительность, проявленную двором Яна Казимира в контактах со Стамбулом и Бахчисараем. Польские политики стремились решить проблемы, стоявшие перед страной, преимущественно военными средствами, не форсировали переговоры с Портой и Крымом, а одного плана добиться широкой помощи от трех князей оказалось во внешнеполитической сфере явно недостаточно. Правительство Речи Посполитой не сумело сколько-нибудь существенно улучшить международное положение государства.

Варшавский двор пытался достичь и мирного урегулирования с Войском Запорожским, прибегнув в конце 1652—начале 1653 г. к посредничеству молдавского господаря В. Лупу³⁴. Ключевой фигурой в этой акции был Я. Радзивилл, как родственник воеводы, а также из-за несколько особой позиции Литвы в вопросе об отношениях с Украиной. Польский гетман имел в виду разрешение украинского вопроса в рамках государственного организма Речи Посполитой путем предоставления Б. Хмельницкому и его семье магнатского статуса, а также значительных личных привилегий старшинской верхушке³⁵. Расплачиваться за это должны были «хлопы», так как польские феодалы восстановили бы свое прежнее положение на Украине. Я. Радзивилл рассчитывал таким путем усилить собственные позиции в стране, но соглашение с украинской старшиной устроило бы и польско-литовских феодалов в целом. Такой курс был нереален, ибо игнорировал мас-

совую базу восстания, а перемена на молдавском престоле прекратила переговоры в самом начале³⁶.

В целом причин для неудачи Жванецкого похода, с которым Ян Казимир связывал серьезные политические расчеты, накопилось достаточно³⁷. Это был оглушительный провал, сильно повлиявший на обострение внутренней борьбы в стране в 1654 г. Положительные с точки зрения интересов польских феодалов аспекты событий — ухудшение крымско-украинских отношений, более отчетливая ориентация ханства на сближение с Речью Посполитой — на первых порах особой роли не сыграли, ведь под Жванцем не заключили договора с обязывающим сторонам политическим содержанием. Это была только заявка на будущее, шаг к единению. В 1654 г. Речь Посполитая вступила во многих смыслах гораздо хуже подготовленной, чем год назад.

¹ Поршинев Б. Ф. К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов.— Вопр. истории, 1954, № 5, с. 44—58; *Kentrschynskyj B. Till den karolinska Ukraina-politikens förhistoria.* — KFA, 1959, s. 124—137, 153—179.

² Czapliński W. Dwa sejmy w roku 1652. Wrocław, 1955, s. 21—26; Wojna polsko-szwedzka 1655—1660. Warszawa, 1973, s. 38—52.

³ Воссоединение, т. III, с. 144, 245, 264—266, 306, 322; Czapliński W. Dwa sejmy..., s. 41—42, 55—56, 75—76, 81, 121, 139—142, 146—147, 172, 174.

⁴ Czapliński W. Dwa sejmy..., s. 15—18, 31—35, 41—42, 45, 54, 64—65, 79—87, 118—191; Opolskie Towarzystwo Przyjaciół nauk. Wydział nauk historyczno-społecznych. Ser. A, № 3. Sprawozdania, 1965, s. 33—35, 37—40, 47—51.

⁵ Оценку его и в целом политики сторон см.: Исторія Української РСР. Київ: Наукова думка, 1979, т. 2, с. 22, 24—25; Заборовский Л. В. Крымский вопрос во внешней политике России и Речи Посполитой в 40-х — середине 50-х годов XVII в.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М.: Наука, 1979, с. 264—266; Новосельский А. А. Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков.— Доклады и сообщения/ Институт истории АН СССР, 1954, вып. 2, с. 17—19; Przegląd Historyczny, 1948, t. 37, s. 276—288.

⁶ История Молдавской ССР. 2-е изд., перераб. и доп. Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1965, т. 1, с. 246—247; Заборовский Л. В. Канун и начало русско-польской войны и позиции государств Юго-Восточной Европы (50-е годы XVII в.).— В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев: Штиинца, 1975, с. 248—251.

⁷ Кан А. С. Стокгольмский договор 1649 г.— Скандинавский сб., 1956, № 1, с. 101—117; Курсков Ю. В. Русско-шведские отношения в 40—50-х годах XVII в.: Межевые съезды 1642, 1652, 1654 гг.— Скандинавский сб., 1958, № III, с. 149—163.

- ⁸ Жерела, т. XII, с. 96, 104, 108—110, 112—116, 146—149, 151—158, 160—161, 176.
- ⁹ История Швеции. М.: Наука, 1974, с. 180—184, 192—200, 206—227, 237—243; Den Svenska Historien, т. IV: Gustav Adolfs och Kristinas tid. 1611—1654. Stockholm, 1967, с. 247—256; Olofsson S. J. Efter Westfaliska freden: Sveriges yttre politik 1650—1654. Stockholm, 1957, с. 66—82, 89—176, 389, 411—533.
- ¹⁰ SRP, д. 12, с. 380, 401; Kentrzchynskyj B. Till den karolinska..., с. 132—134, 157—163, 168—169.
- ¹¹ Kamieński B. (W. Kalinka). Negocjacje ze Szwecją o pokój 1651—1653.—Czas, 1857, т. 5, чок 2, styczeń—marzec, с. 570—575, 583—584, 587, 592, 594—596; Kentrzchynskyj B. Till den karolinska..., с. 166—167; Olofsson S. J. Efter Westfaliska freden..., с. 190—191, 202.
- ¹² UA, Bd. 6, S. 657—659; Olofsson S. J. Efter Westfaliska freden..., с. 183—184, 202—203, 211.
- ¹³ Письма от 28 мая 1652 г. Киев. Памятники, т. III, 2-е изд., с. 161—166. См. также: Документы, с. 652—654; Olofsson S. J. Efter Westfaliska freden..., с. 391—392. Они имели целью и оторвать Украину от ориентации на Россию предложением шведско-украинского союза.
- ¹⁴ Olofsson S. J. Efter Westfaliska freden..., с. 202, 212, 390—392, 528.
- ¹⁵ Курц Б. Г. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914, с. 49—56, 58—71, 78—83, 89—95, 109—113.
- ¹⁶ Pufendorf S. Commentariorum, р. 1009—1022; UA, Bd. 6, S. 660, 675—676; Kamieński B. Negocjacje..., с. 605—608; Olofsson S. J. Efter Westfaliska freden..., с. 393—396, 398—408.
- ¹⁷ Но при нежелании Речи Посполитой быстро отказаться от претензий к шведам, она рассматривалась скорее как первоочередная цель возможного нападения.
- ¹⁸ UA, Bd. 6, S. 661; Åsard B. Upptakten till Karl X Gustafs anfall mot Polen 1655: Till frågan om krigets mål och medel.—KFA, 1970, с. 11—14.
- ¹⁹ Польские дела, 1653 г., № 1, л. 226—227, 289, 408—410, 583; Польские книги, № 83, л. 63 об.—69 об., 334; № 84, л. 39—40, 60, 69—72 об., 74 об., 520—524; Документы, с. 641, 668—671.
- ²⁰ Olofsson S. J. Efter Westfaliska freden..., с. 407—408, 526—530, 534.
- ²¹ Киев. Памятники, т. III, 2-е изд., с. 174—180.
- ²² Документы, с. 668—671; ASWKr., т. II, ф. 2, с. 474—476; Sajkowskij A. Krzysztof Opaliński wojewoda poznański. Poznań, 1960, с. 213—214. К осени армия оставалась сильно недоукомплектованной.
- ²³ Воссоединение, т. III, с. 437, 440; Документы, с. 685—688, 714—717.
- ²⁴ Жерела, т. XII, с. 177—184, 187—188, 190, 192—194, 197—198, 227—228, 238—240, 244; UA, Bd. 6, S. 177, 181—185, 250—251, 253—255, 263—264.
- ²⁵ Зaborowski L. B. Канун и начало русско-польской войны..., с. 250—252; Он же. Борьба русской и польской дипломатии и позиции Османской империи в 1653—1654 гг.—В кн.: Освободительные движения на Балканах. М.: Наука, 1978, с. 67—69.
- ²⁶ Крымские книги, № 34, л. 180 об.—182; Novoselskyj A. A. Совместная борьба..., с. 19.

- ²⁷ Молдавский господарь Георгий Штефан, хорошо информированный о крымских делах, считал реальным осуществление этой задачи при своем посредничестве (Документы, с. 680—682, 697—698, 717—719; Жерела, т. XII, с. 252—253, 271, 274—275; DAMT, в. X, р. 268—269, 272—277).
- ²⁸ Крымские дела, 1653 г., № 18, л. 5—7. Давление было оказано и в начале октября (АМГ, т. II, с. 343; Воссоединение, т. III, с. 401).
- ²⁹ Крымские дела, 1653 г., № 18, л. 2—3, 7—15. Получено в Москве 12 ноября 1653 г.
- ³⁰ Жерела, т. XII, с. 261, 272—274; DAMT, в. X, р. 269—270; Jakuba Michałowskiego, s. 697—698, 701—702, 713; Kubala L. Wyprawa Żwaniecka.— In: Szkice historyczne. Ser. 2, wyd. 4. Warszawa; Kraków, 1901, s. 265—266, 278—284.
- ³¹ Документы с. 748; Stanisława Temberskiego roczniki, p. 227.
- ³² Сообщения П. Дони-П. Видони от августа-ноября 1653 г. См.: Томашівський С. До історії перелому Хмельниччини: Листи королівського секретаря Паоло Дони до римського нунція П'єтро Відоні.— В кн.: Юбілейний збірник на пошану академіка Дмитра Івановича Багалія. Київ: Українська АН, 1927, с. 541—545, 551, 564—566, 574.
- ³³ Первое украинское посольство прибыло в Стамбул 12 марта 1653 г., принято великим визиром 14 марта, задержано в связи с его смертью (20 марта); обсуждение предложений посланцев в диване 8 апреля; ответ дан, возможно, 12 апреля (не исключено, что было два посольства, может быть, одно несколько раньше). Следующая миссия от Б. Хмельницкого во главе с С. Богдановичем (Зарудным) отправлена в Порту в 20-х числах мая, появилась в столице османов 12 июня, получила аудиенцию 19 июня, в Стамбуле задержана целиком или частью в связи с действиями казаков в княжествах (возможно, было два посольства). Еще одно украинское посольство прибыло 8 июля, отпущено 30 июля без приема у падишаха, а другое выехало с Украины около 5—6 июля (Зaborowski L. B. Борьба русской и польской дипломатии..., с. 65).
- ³⁴ АМГ, т. II, с. 313; Документы, с. 283—284; Жерела, т. XVI, 1 с. 151—152; Radziwiłł A. S., т. IV, р. 275—277; Rudawski W. J., т. I, с. 217—218.
- ³⁵ Воссоединение, т. III, с. 264—266 (перевод «статьей» Я. Радзивилла молдавскому послу). Документ не датирован; относится примерно к началу февраля 1653 г. (АМГ, т. II, с. 313; Жерела, т. XII, с. 194). Он не использован до сих пор в историографии.
- ³⁶ Документы, с. 664—668; Жерела, т. XII, с. 194, 201—205; Documente, suppl. II, в. III, f. 1, р. 43.
- ³⁷ О перипетиях его и содержании польско-крымского соглашения от 15 декабря 1653 г. см.: Kubala L. Wyprawa..., s. 171—284; Kersten A. Stefan Czarniecki 1599—1665. Warszawa, 1963, s. 187—192.

IV

Начало международного кризиса в Восточной Европе

Решение Земского собора об объявлении войны Речи Посполитой (11 октября 1653 г.) и акт Переяславской рады 18 января 1654 г. означали кардинальное изменение обстановки в Восточной Европе¹. Они открыли начальный этап восточноевропейского внешнеполитического и военного кризиса, когда на историческую авансцену вновь выдвинулся комплекс противоречий Русского государства и Речи Посполитой, а конфликт между ними стал оказывать решающее воздействие на всю систему внешнеполитических отношений в регионе. Первое, что требует выяснения, это цели и задачи войны со стороны России. В связи с этим мы должны проследить и сопоставить ряд разрозненных данных. Вначале осветим широкую дипломатическую акцию, предпринятую Алексеем Михайловичем на западе и совместно с Б. Хмельницким — на юго-востоке². Это позволит получить представление о некоторых элементах политического курса, выработанного тогда русскими и украинскими дипломатами, а также понять реакцию европейских держав на конфликт.

1. Деятельность русской дипломатии на Западе³

Первые шаги в рамках намеченной программы действий на международной арене Посольский приказ осуществил в последней трети 1653 г., до полного завершения подготовки к войне. Предпринятая русской дипломатией акция охватила ряд ведущих держав континента, в которые послали специальные миссии. Ясно, что в Москве придавали особое значение их отношению к войне. Первоначально, видимо, планировалось направить все посольства сразу после Земского собора⁴. Однако раньше поехали гонцы М. Васильев в Швецию и Г. С. Головнин в Нидерланды с особо срочной просьбой о значительных закупках оружия (грамоты от 26 октября)⁵. К тому времени в Европе знали, против кого оно предназначалось⁶, поэтому

такой шаг имел и политический характер, предполагая благожелательный к России курс этих стран в связи с близящейся войной.

Основную часть гонцов (К. Г. Мачехина во Францию, С. С. Евского — в Швецию, М. И. Поливанова — в Нидерланды, А. А. Кокошкина — в Данию) послали позже⁷. Эти страны в недалеком прошлом — участники антигабсбургского союза. Правда, в начале 50-х годов XVII в. их политика (кроме Франции) не ориентировалась на борьбу с Габсбургами. Но факт обращения в первую очередь именно к ним показывает, что данную группу государств считали в Москве доброжелательнее настроенными к русским интересам. Учитывалась также возможность оказать косвенное давление на особо заинтересованные в торговле с Россией державы и использовать для достижения своих целей сложное положение Швеции и Франции, о котором говорила имевшаяся у Алексея Михайловича информация⁸.

Октябрьские посольства формально не несли политических функций, а в декабре преобладали именно такие задачи. Имелось в виду дать как бы правовое объяснение причин разрыва «вечного мира» с Речью Посполитой, обеспечив тем самым определенное международное признание данного шага. Таким образом, эти миссии были важным этапом дипломатической подготовки к войне. Показательно, что материал для них собирался долго и тщательно. Большую часть необычно обширных грамот составляло подробное изложение официальной точки зрения московского двора на «причины» войны. В проектах грамот во Францию и Нидерланды содержалась просьба оказывать России всяческую поддержку и, напротив, не помогать ничем Речи Посполитой, но в окончательный текст она не вошла; подобный пассаж отсутствовал даже в предварительном варианте грамот в Швецию и Данию. Это показывает, что в Москве довольно отчетливо представляли вероятную реакцию названных держав на подобное обращение, равнозначное требованию дружественного нейтралитета, и потому проявили дипломатическую гибкость: его было бы трудно выполнить и тем из них, кто на практике готов был, как оказалось, предоставить России помощь⁹.

Другой задачей посольств был сбор информации. Для всех шести миссий выработали сходную программу поисков «вестей» (составлена не позже 26 октября 1653 г.).

Анализ ее позволяет понять, какие моменты в политической жизни Европы считали в Москве важными для перспектив русско-польской войны и чего в этом смысле опасались. Значительная часть вопросов касалась Швеции. Надлежало выяснить результаты польско-шведских переговоров о заключении «вечного мира», состояние и вероятную эволюцию взаимоотношений двух стран; осветить шведскую политику в целом, особенно отношения стокгольмского двора с императором и Данией. Второй крупный комплекс вопросов относился к основным европейским конфликтам и их развитию: войнам Англии с Нидерландами, Франции с Испанией, Венеции с Османской империей. Немало места уделялось положению в Англии, ее взаимоотношениям с Соединенными провинциями, перспективам реставрации Карла II Стюарта¹⁰. Приведенные данные в известной мере отражают представление царских дипломатов осенью 1653 г. о ситуации в Европе. Она была довольно благоприятной с точки зрения русских политиков: международное и внутреннее положение большинства европейских государств исключало возможность их вмешательства в русско-польский конфликт¹¹. Основные опасения вызывала позиция Швеции, что понятно при возраставшей угрозе польско-шведского противоборства, о которой в Москве знали.

В целом царь Алексей, не строя особых иллюзий относительно реакции западных держав на польско-русское столкновение, полагал, что общеевропейская обстановка не позволит им проявить серьезной антируссской активности¹². Он надеялся даже получить от этих стран (кроме Франции) поддержку оружием, военными припасами и т. п., пусть и без официального одобрения действий России. Важно и другое: помочи иного рода он не искал ни у кого, тем более не говорил о союзе против Речи Посполитой, в том числе и с таким естественным, казалось бы, партнером, как Швеция. Такая линия объяснялась планами войны, которую намеревались начать русские феодалы. Итак, из приведенного материала можно сделать следующий вывод: в сентябре-декабре 1653 г. Русское государство не стремилось вести с кем-либо на Западе антипольские дипломатические переговоры, а видело предстоящий конфликт локальным, по возможности изолированным от серьезного вмешательства западных государств, искало фактически их нейтралитета. Такова была одна из целей русской политики.

К каким результатам привели октябрьско-декабрьские миссии русских посланцев? Вначале вернулись из Швеции М. Васильев и С. С. Евский¹³. Королева согласилась предоставить оружие, но не сразу, а по частям, так как заказ был крупный (20 тыс. мушкетов)¹⁴. Шведский ответ на сообщение о войне с Речью Посполитой был хотя и осторожным, но наиболее благоприятным для России из всех: в нем отсутствовало даже формальное неодобрение этого конфликта, содержавшееся в грамоте Нидерландов¹⁵. Это понятно, если учесть напряженность польско-шведских отношений¹⁶ и сложное внутри- и внешнеполитическое положение Швеции в первые месяцы 1654 г.¹⁷

В августе 1654 г. А. А. Кокошкин вернулся из Дании¹⁸, Г. С. Головнин и М. И. Поливанов — из Нидерландов¹⁹. Ответ Фредрика III не вызвал удовлетворения в Посольском приказе: указывалось, что начавшийся конфликт неприятен копенгагенскому двору, который желает мира между двумя государствами, «чтобы ваши общие враги не радовались» (прозрачный намек на Швецию!). В продаже мушкетов отказали, отметив, что оружие может понадобиться самим датчанам²⁰. В условиях датско-шведского антагонизма²¹ Фредрика III не могла радовать перспектива дальнейшего ослабления Речи Посполитой, вероятного союзника против шведов. Это и вызвало такую реакцию датского короля на сообщение А. А. Кокошкина.

Гораздо благоприятнее оказался ответ Нидерландов. Правда, в Гааге заявили, что «не рады» войне, хотят мира между Россией и Речью Посполитой, но одновременно пожелали царю победы. Сходные мысли развивались в грамоте, в которой было обещано и впредь выполнять русские «пожелания». Вопрос о поставках мушкетов, пороха, свинца довольно быстро решили положительно²². Таким образом, несмотря на официально выраженное неодобрение русско-польского столкновения, в Гааге пошли навстречу практическим просьбам царской дипломатии, даже дальше, чем в Стокгольме. Столь благожелательное отношение Нидерландов к просьбам Алексея Михайловича диктовалось значительной заинтересованностью республики в экономических связях с Россией (в частности, очень важны были для нее поставки селитры и корабельного леса).

Последним вернулся К. Г. Мачехин из Франции. В Париже заявили, что Людовик XIV желает мира между царем и Яном Казимиром. В ответной грамоте короля ука-

зывалось, что известие о русско-польской войне принято с неудовольствием, предлагалось согласиться на урегулирование, если польско-литовская сторона пойдет на это, давалось обещание воздействовать на варшавский двор в аналогичном смысле. Выдвигалась идея французского посредничества, если обе державы склонятся к мирным переговорам²³. Такая реакция была понятна не только в рамках давней французской политики создания антигабсбургского «восточного барьера» (Швеция, Речь Посполитая, Османская империя). Она зависела и от конкретной ситуации 1654 г.: трудная война с Испанией, неустойчивые отношения с Англией делали положение Франции затруднительным²⁴. Поэтому особое значение приобретал вопрос о союзе со Швецией и ее примирении с Речью Посполитой, что при успехе позволяло рассчитывать на вовлечение Швеции в конфликт на Западе²⁵. Русско-польская война явно мешала подобному исходу, противореча планам Франции. Отсюда практические шаги парижской дипломатии во второй половине 1654 г.: стремление добиться сближения Швеции и Речи Посполитой²⁶ и ответ К. Г. Мачехину.

Результаты русских посольств на Запад были достаточно благоприятны: изложили официальные взгляды царского правительства на «причины» войны; в Нидерландах и Швеции получили оружие. Лишь в Дании добились меньшего, чем ожидали. Не было никаких данных за то, что кто-либо из этих стран энергично вмешается в конфликт на стороне Речи Посполитой. Собранная гонцами информация тоже не вызывала особого беспокойства. В смысле влияния на ход русско-польской войны важнейшим был шведский комплекс. В Москве могли констатировать рост шведско-польских противоречий, усиление опасности столкновения двух держав²⁷, но и ряд моментов, осложнивших внешнеполитическое положение Швеции: боязнь датско-нидерландского союза и особенно, несколько позже, бременскую войну, которую связывали с возможностью австро-шведских обострений²⁸. В 1654 — начале 1655 г. ни в одну из четырех стран не направили новых миссий. Видимо, царские дипломаты на первых порах не ожидали серьезного изменения политической линии этих государств и оценивали ее как вполне приемлемую. Как и ранее, московский двор предпочитал сохранить локальный характер конфликта с Речью Посполитой.

Последний тезис можно подтвердить анализом целей другой серии русских посольств на Запад, отправленных в новую группу стран в конце мая 1654 г., в иной обстановке, когда русско-казацкие армии двигались к границам Речи Посполитой²⁹. К бранденбургскому курфюрсту и курляндскому герцогу поехали гонцы, соответственно подъячие Ф. Ф. Порошин и И. Старый, а к императору Фердинанду III посланники дворянин И. И. Баклановский и дьяк И. Михайлов. Поставленные перед ними задачи были сходны. Как и в конце 1653 г., во всех грамотах излагались «причины» войны с Речью Посполитой. Но теперь в фокусе внимания находился вопрос об отношении этих правителей к развертывавшемуся конфликту. В грамоте Фердинанду III говорилось о желании «содержать дружбу», выдвигалось требование ни в какой форме не оказывать поддержки Речи Посполитой и воздействовать в таком духе на курфюрстов³⁰. Аналогичный постулат имелся в грамотах в Берлин и Митаву³¹. Важной целью посольств была попытка добиться включения в текст ответных грамот новой «украинской» титулатуры царя³², что при удаче стало бы шагом к международному признанию Переяславского акта.

Была составлена относительно сходная программа для сбора информации. В центр ее выдвинули вопрос о возможности получения Речью Посполитой в 1654 г. или в будущем военной или финансовой помощи от каких-либо государств, как и о найме Яном Казимиром войск за рубежом³³. В Москве интересовались состоянием и перспективами взаимоотношений Австрии, Бранденбурга, Курляндии с Речью Посполитой. Посланникам поручалось также собрать данные о прочности мира между императором и Швецией, характере контактов Фердинанда III и других немецких правителей с иными державами, особенно с Францией и Испанией³⁴. Сопоставление новой программы с предыдущей (осень 1653 г.) показывает, что к середине 1654 г. шведский вопрос отошел на второй план сравнительно с польским. Это вызывалось двумя причинами: начиналась война; учитывалась новая информация о политическом положении в Европе, полученная, в частности, от уже вернувшихся из-за рубежа миссий. На авансцену вышла проблема отнюдь Стокгольма и Вены в явной связи с бременской войной. Очевидно, что вновь

видно, и сейчас русский двор полагал, что Швеция, отвлеченная в других направлениях, не сможет пока вмешаться в русско-польский конфликт. В остальном значительных изменений в сложившихся у московского двора представлениях не произошло.

Целью майских посольств 1654 г. было обеспечение наиболее благоприятных условий для начавшейся войны, в политическом и оперативном смысле. Поскольку в Москве тогда не опасались, что Швеция поддержит Речь Посполитую, было решено попытаться лишить ее помощи иных государств³⁵: с Запада поддержка могла поступить еще из германских земель и от номинальных польских ленников (курфюрста и герцога Якова). В приспособленной к новой обстановке форме здесь нашел выражение прежний курс царской дипломатии на максимальную локализацию польско-русского конфликта, предотвращение вмешательства в него других держав. Сравнительно с октябрем — декабрем 1653 г. политическая линия изменилась, но в практическом, а не принципиальном смысле. Эти изменения представляли собой другую сторону общей программы действий, рассчитанную на иную по политической ориентации, более связанную с Речью Посполитой группу государств. В Москве не слишком надеялись на дружественную реакцию последних (показательно отсутствие просьбы о продаже оружия и т. п.). Но все же русские дипломаты предполагали, что удастся не только нейтрализовать три страны, но и гарантировать в некоторой мере их благоприятное отношение. Поэтому был включен вопрос о новой титулатуре царя. Для достижения такой цели предполагалось использовать внешнеполитические трудности данных государств³⁶.

Раньше всех вернулся из Курляндии И. Старый³⁷. В ответной грамоте герцога Якова от 26 июня 1654 г. говорилось, что он «не рад» конфликту России с Речью Посполитой, желает мира между ними и готов посредничать при переговорах двух держав. В особой грамоте и устно сообщалось о невозможности признать новый царский титул. По поводу присутствия курляндцев в польско-литовской армии советники герцога заявили, что это происходит без ведома властей. В Митаве заняли достаточно благоприятную по отношению к России позицию: правда, не могли отозвать курляндцев из польских войск, но устно обещали, что сам герцог не поддержит Речь Посполитую³⁸. Видимо, договорились о по-

ставках оружия и припасов в русский лагерь ³⁹. Герцог решил держаться единственно возможного в создавшейся ситуации курса на нейтралитет, причем довольно благожелательный относительно России. В конце ноября 1654 г. Курляндия обратилась к Яну Казимиру за разрешением заключить соглашение о нейтралитете с московскими представителями, и уже в следующем году велись переговоры с ними на эту тему ⁴⁰.

В октябре 1654 г. Посольский приказ располагал материалами поездки Ф. Порошина в Бранденбург ⁴¹. Реакция Берлина была самой отрицательной из всех: курфюрст поставил под сомнение правовую основу разрыва «вечного мира» Россией, не гарантировал отказ в помощи варшавскому двору, попытался запугать царский двор крупными военными приготовлениями Речи Посполитой и крымской помощью ей, не признал новых титулов царя ⁴². Одновременно Фридрих Вильгельм настойчиво предлагал свое посредничество для урегулирования споров между сторонами и сообщил, что пошлет такой запрос в Варшаву ⁴³. 24 июля Яну Казимиру направили сообщение о переговорах ⁴⁴. Таким образом, летом 1654 г. основой политики Бранденбурга в связи с русско-польским конфликтом было стремление путем медиации или дипломатического давления добиться ликвидации войны, причем тогда «великий курфюрст» держался благоприятной для Речи Посполитой линии.

Избранный Фридрихом Вильгельмом курс объяснялся двумя мотивами. Поскольку ему не удалось получить от Фердинанда III удовлетворения своих претензий в германских делах, приблизительно с конца 1653 — начала 1654 г. активизировались его политика в Империи и переговоры о союзе с Францией, во многом в антиавстрийском духе. Поэтому Фридриху Вильгельму были нежелательны любые осложнения на востоке вблизи его прусских владений. Кроме того, несмотря на улучшение отношений со Швецией, в Берлине с большим подозрением следили за ее политикой, особенно после перемены на шведском троне ⁴⁵. Речь Посполитая могла сыграть роль полезного противовеса шведской угрозе, чрезмерное ослабление первой было небезопасно. Поэтому курфюрст хотел добиться от варшавского двора установления мира с Войском Запорожским, организации переговоров с Москвой, возобновления контактов со Стокгольмом для достижения прочного соглашения ⁴⁶. Те же политические сооб-

ражения вызвали реакцию Фридриха Вильгельма на сообщение, привезенное Ф. Ф. Порошиным.

Позднее всех вернулись И. И. Баклановский и И. Михайлов⁴⁷. Их переговоры в Вене проходили на фоне заметных успехов русских войск в Речи Посполитой. 19 и 26 октября стороны провели обсуждения⁴⁸, во время которых главным в позиции австрийцев было настойчивое стремление добиться принятия посредничества Фердинанда III для достижения мира между Россией и Речью Посполитой. Ф. Курц заявил, что император готов немедленно направить своих представителей для переговоров, попытался получить от И. И. Баклановского заверение, что царь желает медиации цесаря, и договориться о месте и времени будущих контактов. Но русские послы уклонились от конкретного обсуждения данного вопроса, сославшись на отсутствие инструкций, и добавили, что его можно осуществить при появлении австрийских послов в Москве. Рассматривалось русское требование не помогать Речи Посполитой. 29 октября Тайный совет указал, что надо сохранить хорошие отношения с Россией, но и позаботиться о благоприятной для варшавского двора линии. Поэтому совет решил не отвечать прямо на это домогательство, а взамен говорить о посредничестве. Позже (по русским материалам) венский кабинет согласился удовлетворить указанное требование, но на деле австрийцы не взяли на себя такого обязательства, что видно и из ответной грамоты императора. Венцам пришлось уступить в вопросе о царской титулатуре, по которому посланники держались непримиримо. В грамоте Фердинанда III царю от 4 ноября содержались уверения в дружбе, излагались результаты переговоров о посредничестве, выражалась готовность направить послов тотчас по получении положительного ответа о медиации императора; на случай обращения Яна Казимира за помощью было обещано руководствоваться приязнью к Русскому государству⁴⁹.

Поездка И. И. Баклановского принесла достаточно удовлетворительные результаты: император пообещал не поддерживать Речь Посполитую, что сказалось на позиции австрийцев в дальнейшем; было достигнуто согласие относительно титулатуры. Такую уступчивость объясняет сложное политическое положение Австрии в конце 1654 г.: поддержка испанских Габсбургов в войне с Францией, тяжелая проблема избрания Леопольда римским королем,

широкая оппозиция в империи, боязнь Швеции — все это толкало Фердинанда III к посредничеству между Россией и Речью Посполитой. Он обратился с соответствующим предложением в Варшаву, но без положительного отзыва⁵⁰.

Майские посольства 1654 г., как и их первая группа, отправленная в конце 1653 г., дали царскому двору некоторые дивиденды. В благоприятном смысле частично изменилась позиция Курляндии, определенное воздействие было оказано на политику Австрии и Бранденбурга. Если взять главное — возможность помочь этих держав Речи Посполитой, то обнадеживающим симптомом являлось усиленное внимание их к идеи посредничества, что исключало активную поддержку одной из сторон. Поэтому даже отрицательная реакция Берлина не может быть оценена как целиком враждебная.

2. Дипломатическая борьба России и Речи Посполитой в странах Юго-Восточной Европы

Серьезное влияние на ход войны между Россией и Речью Посполитой мог оказать Крым. В сентябре 1653 г. московский двор поставил перед Б. Хмельницким вопрос о возможности польско-крымского союза, который потребует соответствующих мер защиты⁵¹. Более четкое представление о политике Алексея Михайловича дают материалы посольства С. Лодыженского и подъячего А. Огаркова в Крым. Наказ им от 19 сентября 1653 г.⁵² содержал предложение подтвердить мир, а также поручение выяснить ориентацию ханства по следующим основным вопросам: сохранит ли Ислам Герей мир с Россией или надо считаться с возможностью разрыва; каково состояние и перспективы крымско-польских и крымско-украинских отношений — кому помогают татары, как идут дипломатические контакты между ними и Речью Посполитой, не возникают ли казацко-татарские разногласия, будет ли в дальнейшем война или мир у хана с Яном Казимиром? Итак, уже в сентябре 1653 г. русское правительство считалось с возможностью изменения позиции ханства в неблагоприятную сторону. Царский двор не стремился тогда к сближению с Крымом, а добивался только сохранения мира на юге. Не обсуждалась и возможность привлечения Крыма на свою сторону в приближающейся войне с Речью Посполитой. Царские дипломаты хотели

обеспечить лишь его невмешательство. Таким образом, и здесь видна линия максимальной локализации польско-русского столкновения, отмеченная выше. Крым не мог быть подходящим союзником для Русского государства, ибо в Москве знали о его прежних попытках сколотить нацеленный против России блок. Кроме того, военное сотрудничество Украины и Крыма сохранялось до конца 1653 г., что само по себе обеспечивало безопасность южных границ.

Южный сектор внешней политики Русского государства и особенно его крымский участок после воссоединения Украины временно приобрели важнейшее значение: именно отсюда можно было ожидать первых опасностей при польско-русском конфликте. Царские и украинские дипломаты, действуя в тесном единстве, стремились обеспечить здесь наиболее благоприятные внешнеполитические и военные условия для предстоящей кампании — цель, которую преследовала и майская серия посольств на Запад. Первые обсуждения прошли в январе 1654 г. во время пребывания в Чигирине русских посольств. Б. Хмельницкий считал вначале польско-крымский союз маловероятным, а в случае его формирования — не слишком опасным, полагая, что совместные действия русских и украинских войск, донских казаков и, возможно, ногайских татар и калмыков заставят крымцев держаться только оборонительно. Он изложил программу действий: с Украины в Крым направят посольство с требованием принять участие в общей акции против Речи Посполитой, что позволит выяснить намерения хана⁵³.

Сходной линии украинский гетман держался и в феврале-марте 1654 г., добиваясь от Москвы воздействия на Войско Донское и калмыков, чтобы они не нападали на ханство до выяснения обстановки, но немедленно выступили, если бы в Бахчисарае взяли курс на агрессию против Украины — так было при переговорах с С. Богдановичем (Зарудным) и П. Тетерей, с Ф. Горкушей⁵⁴.

14 февраля в Крым отправилось украинское посольство⁵⁵, позже, в связи с требованием хана, — второе во главе с каневским полковником С. Савичем⁵⁶. Программа их деятельности примерно соответствовала изложенной выше, но применялась к конкретной обстановке, когда на Украине создалась тревожная военная ситуация, а русские армии еще развертывались, и преследовала скорее цель затормозить польско-крымское сближение⁵⁷. До-

полнительный характер имела дипломатическая акция в Стамбуле, где украинские представители добивались, чтобы султан велел хану сохранять прежние связи с Войском Запорожским⁵⁸.

Почти одновременно начали налаживаться взаимоотношения Украины с Трансильванским и Молдавским княжествами⁵⁹.

Русский двор предпринял ряд шагов, по своей направленности находившихся в одном русле с действиями украинской дипломатии. Первым таким шагом было посольство Г. Ф. Самарина в Дунайские княжества. В грамотах господарям от 17 февраля 1654 г. сообщалось о воссоединении Украины с Россией и выдвигалось следующее требование: в случае обращения Яна Казимира за помощью против Украины, не оказывать ему никакой поддержки и сообщать о его замыслах в Чигирин и Киев⁶⁰. Таким образом, в наступающем конфликте предлагалось придерживаться дружественного к Украине и России нейтралитета⁶¹. Принятие княжествами данного предложения облегчало положение Войска Запорожского во время весеннего польско-литовского наступления, ослабляло силы Речи Посполитой и на будущее.

Примерно с середины февраля 1654 г. в Москве начали готовить чрезвычайное посольство Т. Г. Хотунского и подьячего И. Фомина в Крым. Судя по докладу о задачах миссии (24 февраля), первоначально речь шла о заключении с ханством политического соглашения. Ставились вопросы, которые могли явиться составной частью последнего: о разделе занятых территорий, отказе русских властей от сепаратного мира с Речью Посполитой, о совместных действиях крымских и украинских сил. Для правильного понимания политики Москвы в первые месяцы 1654 г. важно, что все эти пункты не вошли в наказ посольству (от 3 марта). В наказе и в грамотах⁶² стержнем было согласие принять предложенную ханом помочь против Речи Посполитой⁶³ и организовать общую боевую акцию («стояти нам против них заодно»), в крайнем случае с обязательством присыпать в Крым на протяжении войны двойную «казну» сравнительно с принятой в мирную пору. Выражалась готовность воздействовать на донцов (но без формальных обязательств такого рода), чтобы они не нападали на ханство во время планируемого похода. Посланники должны были добиваться отказа татар от притеснения православного населения занятых зем-

мель Речи Посполитой, а также Украины, и признания Ислам Гереем нового титула царя.

Сравнение двух изложенных документов приводит к следующему выводу: русские политики уклонялись от всего, что могло превратить соглашение с ханом в длительный и прочный антипольский союз, они хотели ограничить рамки этого договора своего рода наймом татарских сил на срок войны, по возможности избегая политического пакта. Такой путь ставил посольство Т. Г. Хотунского в явно невыгодное положение при предстоящей дипломатической борьбе в Бахчисарае. Почему его избрали? Думается, причин было две. В Москве ориентировались на первоначальное довольно оптимистическое освещение Б. Хмельницким перспектив взаимоотношений с Крымом. Но еще важнее то обоснованное недоверие к политике ханства, которое испытывали царские дипломаты: в наказе посольству несколько раз ставился вопрос о возможности «шатости» Ислам Геря⁶⁴. Вызывал опасения и Жванецкий договор⁶⁵. Очевидно, возможность прочной договоренности с Крымом в условиях воссоединения Украины считалась в Москве маловероятной, а согласие принять татарскую помощь было мерой скорее превентивного характера, призванной помешать возникновению польско-крымского союза или хотя бы задержать его оформление и таким образом выиграть время для мобилизации всех своих армий.

В целом русско-украинская дипломатия добивалась на «южном» участке в первые месяцы 1654 г.нейтрализации трех княжеств. В применении к ханству подобный итог был бы также приемлем, но ряд конкретных обстоятельств, в том числе надежда затруднить польско-татарское сближение, заставил русских и казацких политиков попытаться получить поддержку Ислам Геря в приближающейся войне.

* * *

С конца 1653 г. внутриполитическое положение Речи Посполитой складывалось под знаком провала Жванецкого похода. Как обычно, военные неудачи привели к оживлению оппозиции. Программа, предложенная королевским лагерем, имела в виду урегулирование финансовых претензий войска, чтобы весной 1654 г. снова напасть

на Украину. Регалисты надеялись создать противоречия среди казаков, воздействуя на старшинскую верхушку, намечали договориться с Крымом и ликвидировать татарско-казацкое единение⁶⁶. Эти предложения, судя по инструкциям сеймиков, не вызывали особых возражений оппозиции⁶⁷. Но опасным симптомом было единодушие, с которым все сеймики добивались раздачи вакансий, особенно великогетманской коронной булавы. Данная проблема, как и ранее, оказалась на первом плане и стала основным полем борьбы между регалистами и их противниками⁶⁸. Это ставило короля и его сторонников в очень невыгодное положение: Ян Казимир, сохранив в своих руках должности коронных гетманов, брал на себя прямое руководство войсками. Практически, начиная с 1649 г., он непосредственно возглавлял почти все крупные боевые операции на Украине, включая Жванецкий поход, и нес за них полную ответственность. Немедленно отдать булаву означало для короля признать справедливость острой критики его методов ведения прошедшей кампании. В результате на сейме (11 февраля — 28 марта 1654 г.) стороны не смогли договориться, и он был сорван, не приняв решений о финансировании и организации армии⁶⁹. В преддверии войны страна оказалась почти без армии и без денег! Подобный итог ухудшал и внешнеполитическую ситуацию Речи Посполитой⁷⁰.

Тем большее значение приобрела крупная акция, предпринятая польской дипломатией с целью улучшения международного положения страны еще до получения сведений о воссоединении Украины⁷¹. Хронологически первым явилось посольство в Порту хорунжего львовского Н. Бегановского⁷². Эта миссия должна была добиваться в первую очередь изоляции Войска Запорожского. Послу следовало разъяснить в Стамбуле, насколько усиление Украины при ее тесных связях с Россией опасно в перспективе для турецких владений на Балканах с православным населением. Поэтому Османской империи надо воздействовать на татар, чтобы они впредь не вторгались в Речь Посполитую и в особенности не поддерживали казаков.

Вторым шагом стали посольства Я. Шумовского в Трансильванское и Беневского в Молдавское княжества, сходные по целям⁷³. Им надлежало обрисовать опасность украинско-крымского союза для соседей, побудить князей поддержать в Стамбуле усилия Н. Бегановского по

разрыву его, выяснить перспективы участия их войск в походе на Украину.

В инструкции послу в Крым, стражнику коронному М. Яскульскому⁷⁴, доминировали два вопроса: интенсивные военные приготовления русских и возможность их нападения на Речь Посполитую. Послу были даны поручения добиваться, чтобы в последнем случае хан со всеми ордами двинулся на помощь королевским армиям, и при согласии гарантировать выплату «упоминков». Переходом ко второму вопросу являлось предложение, дабы Ислам Герей потребовал присоединения украинцев к антирусской боевой акции. Это позволило бы выяснить намерения Б. Хмельницкого, причем авторы инструкции выражали сомнение, что гетман пойдет на такой шаг. Они старались уверить хана в давнем стремлении Украины перейти под царскую опеку, поручали послу убедить Ислам Герея изменить прежнюю политическую ориентацию на пропольскую и впредь не помогать Войску Запорожскому, что было второй задачей миссии М. Яскульского⁷⁵. В инструкции не шла еще речь о союзе с Крымом.

Итак, в начале 1654 г. произошло изменение политики Речи Посполитой по сравнению с предшествующим годом, она в немалой мере ориентировалась теперь на успех своей акции на международной арене. В центре ее усилий была попытка с разных сторон оказать давление на ханство, чтобы разорвать крымско-украинские связи, исключить поддержку казаков ханом, изолировать Войско Запорожское и весной решить украинский вопрос на поле боя.

Невмешательство крымцев в эту схватку удовлетворило бы тогда варшавский двор, в частности, и потому, что сохраняло возможность переговоров с казацкими властями с целью затормозить таким образом их сближение с Россией⁷⁶. Второй момент, прояснившийся к концу февраля,— это намерение получить помощь Крыма в случае русского нападения на Речь Посполитую. Дополнительно польские дипломаты хотели выяснить, реальны ли расчеты на присылку войск из княжеств для весеннего похода. Но не ставился пока вопрос о двух- или многосторонней лиге против России и казаков, ибо не выяснились еще ни позиция Крыма и трех княжеств, ни положение на Украине.

Получив сообщения о Переяславской раде⁷⁷, правительство Речи Посполитой еще более активизировало свою

деятельность в наметившихся ранее направлениях. Но попытка посеять рознь на Украине, кровавый рейд туда коронных войск (март-апрель) не повлияли на сложившееся положение⁷⁸. Изменился внешнеполитический курс польской дипломатии: в дополнительных указаниях Н. Бегановскому и М. Яскульскому и в обращении к Дьердю Ракоци II говорилось о необходимости добиваться помощи крымцев против России и Украины, о желательности широкого союза против них⁷⁹. Эти два пункта, сформулированные в конце февраля — начале марта 1654 г., придали политике Речи Посполитой в «южном» секторе окончательный вид.

Политические программы по отношению к «югу», выдвинутые русско-украинской и польской сторонами накануне и вскоре после Переяславской рады, состояли в следующем. Нейтрализация турецких вассалов либо даже поддержка ханом антипольских действий — вот чего желали в Москве и Чигирине. А политика короля в эти месяцы менялась, сведясь в итоге к требованию поддержки против России и Украины и к идеи формирования пятерной лиги с участием Крыма и трех княжеств при благожелательной поддержке Порты.

* * *

Переяславский акт и приближающаяся русско-польская война способствовали поляризации сторон в данном районе, заставляли правителей княжеств определить свою позицию. Поэтому изменения в политике княжеств наметились еще до приезда польских и русских посольств. Вспомним попытки князей восстановить контакты с Войском Запорожским, объясняемые и все еще сохранявшейся боязнью казацко-татарского нападения, в том числе в связи с возможной реставрацией В. Лупу⁸⁰. Но были и иные аспекты. Для учета их проанализируем материалы трансильванского посольства Г. Гиллани в Речь Посполитую⁸¹. В инструкциях действительно выдвинута задача обеспечить интересы трех князей при опасности со стороны Крыма. Много места уделено перспективам польско-украинских взаимоотношений, в том числе с учетом Жванецкого договора: будет ли продолжена война или достигнут мир? В первом случае разбиралась и возможность трансильванской поддержки Речи Посполитой. В данном

пункте позиция Дьердя Ракоци II не изменилась: помочь обусловливалась существенными оговорками (заключение пакта о взаимопомощи, учитывавшего опасность со стороны императора, турок, татар и т. д.). Указывалось на желательность мира между Речью Посполитой и Украиной, причем князь предложил свое посредничество. Г. Гиллани поручалось установить тесные связи с рядом польско-литовских магнатов, прежде всего с Я. Радзивиллом (секретно). Изложенная позиция трансильванского князя по вопросу о помощи Речи Посполитой и его стремление к роли медиатора подтверждалось им позже⁸².

На этом фоне не случайными выглядят усилия Дьердя Ракоци II нормализовать отношения с Украиной⁸³. Трансильванская политика в феврале-апреле 1654 г. была двойственной, не определившейся: переписка с Чигирином не исключала возможности совместных с Речью Посполитой действий против Войска Запорожского. Это диктовалось и невыясненностью польско-крымско-украинских взаимоотношений. Но уже тогда в политике князя наметились тенденции, ставившие под вопрос расчеты польской дипломатии на привлечение Трансильвании к союзу, нацеленному против России и Украины. Вспомним выставленные им условия такого союза, его склонность к договоренности с Б. Хмельницким и к роли посредника. Вероятно, обострение внутриполитической обстановки в Речи Посполитой после неудачи Жванецкого похода подталкивало князя и к возобновлению прежних планов приобретения польской короны⁸⁴.

Еще более двойственный характер имела политика молдавского господаря, что объяснялось незначительностью его военных ресурсов и непрочностью трона. Георгий Штефан оказывал Речи Посполитой ценную дипломатическую и небольшую военную поддержку, содействовал, в том числе в Стамбуле, организации ее союза с Крымом⁸⁵, в ответной грамоте царю с Г. Ф. Самариным не взял на себя обязательства об отказе в помощи Яну Казимиру⁸⁶. Но воевода посыпал также важную информацию в Посольский приказ и Б. Хмельницкому⁸⁷, а, узнав о Переяславской раде, направил в Чигирин и Москву посланца Иоана Григоре, который вел переговоры также о переходе княжества в русское подданство. Эта линия объяснялась и внутриполитическими соображениями⁸⁸. Действия Георгия Штефана в феврале—апреле 1654 г.

были направлены более в пользу Речи Посполитой, но он не стал для нее надежным союзником, а сохранял возможность повернуть в любую сторону.

* * *

В апреле 1654 г. в Стамбул прибыли польское и украинское посольства ⁸⁹. Если учитывать только официальные турецкие и польские источники об их деятельности, Н. Бегановский достиг полного успеха: устно и в ответах Яну Казимиру османские власти обещали послать хану распоряжение не только разорвать с Войском Запорожским и не нападать на Речь Посполитую, но и помочь ей, в случае необходимости, при выплате «упоминков» и недопущении казацких походов на море ⁹⁰. Но исследователи ввели уже в научный оборот ряд данных, создающих иное представление об итогах переговоров с турками ⁹¹. На деле польскому послу не удалось добиться позитивных результатов, все ограничилось обещаниями; более того, сultанские сановники сохранили прежнее благожелательное отношение к Войску Запорожскому, не пойдя, однако, и здесь далее слов; они не взяли на себя никаких реальных обязательств перед Речью Посполитой или Украиной, передав решение на усмотрение хана ⁹².

Противоречивость источников не случайна и объясняется сложностью османской политики, которая определялась тогда двумя главными факторами. Русско-украинское единение было для Стамбула крайне неприятно, вызывая самые серьезные опасения, особенно с учетом накаленной обстановки на Балканах. Отсюда и стремление к сближению с Речью Посполитой. Но первостепенное значение имела для Порты война с Венецией: с конца 1653 — начала 1654 г. шла интенсивная подготовка к очередной кампании, осложнившаяся внутренними трудностями, неудачно для турок сложились первые вооруженные столкновения, не смогли отразить очередное нападение донцов ⁹³. Это требовало особой осторожности на иных направлениях политики. Отсюда другая ее сторона, т. е. дружественное отношение к Войску Запорожскому. Так возникла двойственность политической линии Порты, отказ от определенной ориентации, маневрирование между противоборствующими сторонами.

Тем важнее становился исход борьбы в Бахчисарае,

где активную роль играли и русские посольства⁹⁴. Хан с войсками вернулся из похода против Речи Посполитой в начале февраля 1654 г. Примерно тогда же он получил первые сведения о Переяславских решениях⁹⁵. Ситуация оставалась неясной, в том числе из-за неопределенности отношений с Речью Посполитой; ведь даже всегда важный для татар вопрос о выплате «упоминков» не был еще разрешен⁹⁶. Кроме того, крымцы, видимо, не считали ситуацию на Украине сложившейся окончательно, расценивая русско-казацкое единство как вызванный обстоятельствами временный политический факт. Такому представлению способствовала и искусная дипломатия Б. Хмельницкого. Все это сказалось во время пребывания в ханской столице первого украинского посольства, когда в начале марта 1654 г. положение серьезно и долго обсуждали в диване. Констатировали ухудшение отношений с Войском Запорожским, но, с другой стороны, судя по ответным письмам гетмана, его представителей приняли довольно благожелательно, обнадежили в сохранении дружбы, обновили присягу, потребовав, правда, присылки новой миссии для дальнейших переговоров⁹⁷. Таким образом, в феврале-марте 1654 г. крымские политики держались выжидательной линии, что вполне отвечало характеру ситуации.

Следующий тур контактов начался в апреле 1654 г. с приездом в Бахчисарай М. Яскульского, вторых русского и украинского посольств. Получив новое свидетельство о переходе Украины в русское подданство, везир Сефер Гази-ага тотчас, в беседах 8 и 10 апреля, заявил М. Яскульскому, что хан после выплаты «упоминков» окажет Яну Казимиру военную помощь⁹⁸. Но фактически дело обстояло сложнее: хан созвал весьма представительный по составу диван (длился примерно 10–30 апреля), причем все попытки польского представителя добиться тогда ответа и отпуска остались безуспешными. В эти дни русские посланники получили от татар несколько заявлений: 10 апреля М. Сулемов, сообщив С. Лодыженскому о целях польской миссии, указал, что Ислам Герей не доверяет Яну Казимиру, не желает поддерживать его против царя. 11 апреля везир официально подтвердил это и даже пожелал русским успехов в войне. Во время тайной беседы с Т. Г. Хотунским 19 апреля Сефер, отвечая на переданное послом предложение о совместном нападении на Речь Посполитую, высказал мнение о мало-

вероятности подобного выступления Крыма (из-за Жванецкого соглашения). Во всем этом был элемент маневрирования, стремление скрыть от русских представителей действительный смысл шедших с польским послом переговоров, но лишь как дополнительный мотив. Ислам Герей не собирался помогать царскому правительству против Речи Посполитой, наоборот, усиление России в связи с воссоединением, нарушая выгодное для крымцев равновесие сил в Восточной Европе, толкало хана на противоположный путь. Но предложенная М. Яскульским новая ориентация вела в перспективе к тяжелой борьбе с Россией и Украиной. Между тем в правящих кругах Бахчисарая не было единства по вопросу о помощи Яну Казимиру. Многие влиятельные деятели убеждали хана поддержать Б. Хмельницкого, что позволило бы и далее почти безнаказанно грабить Польшу и Украину⁹⁹. Именно поэтому крымские политики не спешили с решением.

Мы не знаем, что обсуждали в трехнедельном диване, но получим представление об итогах прений, рассмотрев дальнейшие практические шаги крымцев. 29 апреля и в начале мая 1654 г. С. Савич имел беседы с ханом и везиром, 8 мая его отпустили вместе с татарским посланцем, который вез грамоту Б. Хмельницкому¹⁰⁰. 30 апреля Сефер Гази-ага принял М. Яскульского, покинувшего Крым около 12 мая совместно с ханским послом Сулейманом-агой, везшим письма ряду польских деятелей¹⁰¹. Отмеченные материалы позволяют воссоздать решения дивана и направление крымской политики в конце апреля — мае 1654 г. Ханские дипломаты заявили, что в Бахчисарае решено при выплате в срок «упоминков» заключить договор с Речью Посполитой. Но это согласие сопровождалось важными оговорками. Осью крымских усилий стала попытка договориться с Войском Запорожским и методами дипломатического давления изменить его прорусскую ориентацию. Поэтому имелось в виду предварительно направить к Б. Хмельницкому послы с ультиматумом: либо гетман пойдет на соглашение с королем, либо татарские и польские армии обрушатся на Украину, а, покончив с ней,— на Россию. В первом случае предусматривалось восстановление прежних отношений между Украиной и Польшей на базе, очевидно, Зборовских условий, а хан становился гарантом их соблюдения. Во время переговоров в Чигирине крымский представитель зондировал почву и насчет иного политического решения: Войско За-

порожское остается нейтральным, не вмешивается в войну, которая последует против России, а лишь обороняется от войск Яна Казимира¹⁰². Оно означало бы выхолащивание сути Переяславских решений, разъединение России и Украины, облегчившее борьбу с обеими.

При отклонении этих предложений становился реальностью крымско-польский союз. Но с практической помощью крымцы не спешили. Они отвергли выдвинутый М. Яскульским наиболее выгодный для Речи Посполитой план операций (вторжение основных татарских сил во главе с ханом в московские пределы, помочь остальными силами в отражении русского наступления на Смоленск и в Белоруссию; этот вариант максимально затруднял действия царских войск, разделяя их), предпочтя сосредоточить все усилия против Украины¹⁰³. Хотя была обещана поддержка в любых необходимых польским феодалам размерах, на деле речь шла пока об отправке близко кочевавших от Украины орд¹⁰⁴. Таким образом, в мае 1654 г. политика Крыма не была однолинейной: наряду с шагами по осуществлению союза с Речью Посполитой важным ее элементом стала попытка оторвать Украину от России. В Бахчисарае избегали одновременной войны с ними, что объяснялось реальной оценкой соотношения сил, особенно в условиях масштабных оборонительных мероприятий на юге, проведенных русскими в предшествующие годы¹⁰⁵. Общий враждебный России и Украине курс крымской политики был ясен уже тогда¹⁰⁶, но он не исключал маневрирования в тактических целях.

Это сказалось даже после отклонения Б. Хмельницким ультиматума крымцев (сообщение поступило к ним между 8 и 16 июня 1654 г.), когда дали ответ русскому чрезвычайному посольству. 13 и 26 июня М. Сулешов сообщил, что нападение крымцев на Польшу невозможно; 28 июня на прощальной аудиенции это повторил везир, добавивший, что татары не собирались атаковать русские земли, а потому царским властям взаимно следует предупреждать экспедиции донцов против Крыма и Турции¹⁰⁷. Оформлялась польско-крымская лига. В июле 1654 г. в Варшаве проходили почти трехнедельные переговоры с Сулейманом-агой, приведшие к выработке текста соглашения¹⁰⁸. 20 июля последовала присяга¹⁰⁹. До введения договора в жизнь оставалась лишь ответная присяга в Бахчисарае.

Этот договор был пактом о дружбе, ненападении и взаимопомощи, с обязательством поддерживать друг друга против любого неприятеля¹¹⁰. Но одновременно — оборонительно-наступательным союзом против России и Украины, рассчитанным на длительный срок, с постоянным действием статьи о взаимопомощи при русском нападении. Исключался сепаратный мир с Россией, прием ханом русских и украинских послов¹¹¹. Предусматривалось восстановление допереяславского положения на Украине и раздел захваченных русских земель (с передачей крымцам территорий бывших татарских ханств в России). Налицо агрессивный альянс двух государств, заостренный против Русского государства и Украины, имевший ближайшей целью возвращение последней под власть Польши, а более отдаленной — прежний проект войны с Россией для ее значительного территориального ущемления. Речь шла и о привлечении к союзу Трансильванского и Дунайских княжеств.

Итак, несколько менее чем за год политика Крыма претерпела существенную эволюцию: от предложения Москве осенью 1653 г. антипольского союза, пусть во многом только в целях маневрирования, через отклонение в апреле 1654 г. русско-украинского плана совместных действий против Речи Посполитой, но с обещанием своего рода невмешательства в конфликт, к лиге с Польшей летом 1654 г. Причины таких изменений заключались в не-приемлемости для ханства комплекса отношений, установленных Переяславским актом, и в нежелании допустить еще большее усиление России в результате начинавшейся войны, что нарушало равновесие сил в Восточной Европе, ударяя по самым основам агрессивной политики ханства. Но хотя политический курс Крыма определился, это не исключало дальнейшего маневрирования. Уже накануне войны выявилось стремление крымцев избежать прямого столкновения одновременно с Россией и Украиной, ограничив для этого свою помощь Речи Посполитой и отказавшись от разрыва с Русским государством.

* * *

После создания польско-крымского союза объектом дипломатической борьбы стал план привлечения к нему Трансильванского и Дунайских княжеств. Каковы были перспективы осуществления этой идеи?

К середине апреля 1654 г. Дьердь Ракоци II располагал информацией о результатах посольства Г. Гиллани¹¹². По официальной линии они не были обнадеживающими. Польские дипломаты, как и ранее, добивались помощи в войне, но избегали далеко идущих политических обязательств в интересовавших князя вопросах. Не ко времени пришло предложение посредничества с Войском Запорожским, ибо тогда в Варшаве надеялись на успех военных и политических мероприятий на Украине. Г. Гиллани вступил в контакт с Я. Радзивиллом, который в ответ направил князю меморандум о политическом положении страны, отразивший позицию гетмана в начале 1654 г.

Документ этот хорошо известен, но рассматривался обычно изолированно. Мне кажется, его можно правильно интерпретировать лишь в связи с другими данными о позиции виленского воеводы, на фоне общей внутриполитической обстановки в Речи Посполитой. Неминуемая угроза войны с Россией, а затем первые успехи царских армий привели к ослаблению борьбы внутри правящего класса. Король уступил в вопросе о раздаче гетманских вакансий, а на чрезвычайном сейме (9 июня — 22 июля 1654 г.) было принято решение о формировании необходимых боевых контингентов, изыскании средств на оплату их и долга войску¹¹³.

Но деятельность оппозиционных группировок господствующего класса не прекратилась. Этому способствовали и регалисты. Так, острую проблему распределения литовских гетманских булав решили половинчато: великую получил Я. Радзивилл, а малую — сторонник двора подскарбий В. Госевский. Литовская армия, которой предстояло принять на себя первый удар основных царских сил, оказалась практически разделенной надвое. Показательно, что часть реляцийных сеймиков была сорвана, а средства поступали из воеводств весьма неспешно, несмотря на военную пору и крайнюю общеизвестную нужду в войсках и деньгах¹¹⁴. Размежевание шло и по линии определения дальнейшего политического курса. Так, один из влиятельных великопольских олигархов — воевода ленчицкий Я. Лещинский в конце апреля 1654 г. предложил сочетать боевые действия на Украине с попытками договориться непосредственно с Б. Хмельницким. Воевода имел в виду ликвидацию акта в Переяславле. За разрыв с Россией (при нейтралитете в предстоящей войне с ней

или даже участии на стороне Речи Посполитой) предлагалось уплатить казакам, в том числе гетману и старшине, крупными уступками¹¹⁵. Ясна и причина «миролюбия» — понимание невозможности решить проблему только вооруженной силой, особенно при катастрофической ее нехватке.

На практические рельсы «миротворческие» усилия поставил Я. Радзивилл. О его позиции можно судить по отмеченному меморандуму Дьердю Ракоци II¹¹⁶ и по отрывочно сохранившимся материалам контактов с Б. Хмельницким в мае-июне 1654 г.¹¹⁷ В украинском вопросе программа Я. Радзивилла сближалась с идеями Я. Лещинского (кстати, и то и другое было близко к крымским предложениям от мая 1654 г.), восходя к проекту 1653 г., переданному через В. Лупу. Но положение Великого княжества Литовского было много хуже, чем удаленных от театра войны великопольских земель, поэтому литовский магнат в крайнем случае был согласен на иной исход: нейтрализацию Украины при, видимо, сохранении в какой-то форме ее отношений с Русским государством и посредничество Б. Хмельницкого в деле предотвращения или прекращения войны между Россией и Речью Посполитой. Основным являлось, однако, первое решение. Но оно исходило из более сложных мотивов, чем у Я. Лещинского, и определялось положением Я. Радзивилла как одной из ключевых фигур оппозиции двору. Именно поэтому он связал возможность прочного решения украинской проблемы с идеей замены на троне Речи Посполитой короля-католика трансильванским князем, что казалось реальным после сорванного первого сейма 1654 г. Для осуществления данного плана Я. Радзивилл предложил ряд мер. Во-первых, в сфере международных отношений он рекомендовал Дьердю Ракоци II следующее: завязать тесные связи с Украиной и постараться примирить ее с Польшей; сблизиться с Крымом и повлиять на Порту, чтобы она в своих собственных интересах поддержала план, угрозой войны в Венгрии парализовала возможное вмешательство императора, способствовала крымско-польскому антирусскому союзу; поискать помощи Швеции. Во-вторых, в круге вопросов внутриполитического и военного характера гетман дал такие рекомендации: князю надлежало держать наготове сильное войско, дабы при необходимости быстро двинуться к Krakowu, и передать виленскому воеводе секретно 100

тыс. дукатов на наем дополнительных отрядов; чтобы привлечь на свою сторону шляхту, рекомендовалось прислать полякам крупное боевое подразделение против русских под залог части польской территории. В итоге осуществления проекта, по Я. Радзивиллу, Украина возвращалась под власть Речи Посполитой, образующаяся лига казаков и литовских диссидентов при протестантском короле-союзнике становилась решающей силой во внутренней жизни страны. Россия ослаблялась, а Речь Посполитая делала важный шаг к восточноевропейской гегемонии. Я. Радзивилл и его сторонники довольно далеко продвинулись в оппозиционной деятельности по отношению к Яну Казимиру и старались изменить давно наметившийся путь внутриполитического развития государства. Но многое в их программе совпадало с общими целями польской дипломатии перед войной.

Дьердь Ракоци II прежде всего пожелал убедиться, что реально в сделанных ему предложениях, направив на летний сейм посольство А. Клобушицкого и М. Мишеша. Их задачи, кроме сбора информации, ограничивались проблемами и условиями, выдвигавшимися и ранее Г. Гиллани: обеспечение трансильванских интересов при крымско-польском альянсе и вопрос о союзе. В ходе переговоров по второму пункту стало ясным желание князя уклониться от предоставления Речи Посполитой военной помощи и вмешательства в восточноевропейский конфликт¹¹⁸, тем более что обстановка на сейме с частичной консолидацией правящего класса не благоприятствовала и планам получения польско-литовского трона. Позиция Дьердя Ракоци II на деле приближалась к выработанному русско-украинской дипломатией для данного района требованию нейтралитета.

Осложнилось положение в княжествах после перемены на валашском троне¹¹⁹. Вплоть до народного восстания в Валахии весной 1655 г. отношения нового господаря с трансильванским князем и молдавским воеводой сложились не особенно благоприятно, не стремился он и к единению с Речью Посполитой¹²⁰. Все это толкало К. Шербана на очень осторожные (из-за опасности турецко-татарских репрессий¹²¹) поиски путей сближения с Украиной и Россией, реализованные с началом русско-польской войны.

Политика Георгия Штефана по-прежнему оставалась двойственной. Господарь оказывал Речи Посполитой воен-

ную и дипломатическую поддержку, но продолжал и контакты с Б. Хмельницким¹²². В Москве и Чигирине проявляли осторожность во взаимоотношениях с воеводой. Так, в ответной грамоте царя на посольство И. Григоре, которую повез дьяк Т. Перфильев, в общей форме выражалось согласие принять Молдавское княжество «под царскую руку», но конкретное решение откладывалось до дальнейших переговоров; последние зависели от предварительной консультации дьяка с украинским гетманом¹²³. Хотя эта инициатива не получила развития, связи с Молдавским воеводством не прекратились. Русские и украинские дипломаты понимали, что в конечном счете направление политики Георгия Штефана определялось соотношением сил между борющимися лагерями¹²⁴. Уже в предвоенную пору выяснилось, что расчеты варшавского двора на привлечение трех княжеств к крымско-польскому союзу и формирование широкой лиги нереальны. Более того, развивавшаяся в политике Дьердя Ракоци II тенденция к сближению с польско-литовской оппозицией могла стать опасной для единства Речи Посполитой.

3. Политика Швеции накануне русско-польской войны¹²⁵

В первой половине 1654 г. окончился долгий период определенного кризиса власти в связи с желанием Кристины отречься от престола. 25 февраля королева сделала на риксроде окончательное заявление о предстоящем отречении, 16 июня Карла Густава короновали¹²⁶. Но по-прежнему оставались нерешенными важнейшие проблемы внутренней жизни страны, в том числе финансовая и реформа розданных короной земель, имущества и т. д. Осложнилось международное положение государства из-за начатых по инициативе королевы военных действий против г. Бремена, что ухудшило шведские позиции в Германии, обострило отношения с императором и особенно с Нидерландами¹²⁷. Все это привело к тому, что реакция стокгольмских властей на множившиеся в 1653 г. свидетельства неизбежности русско-польского столкновения, как и на окончательные сведения об этом в январе-феврале 1654 г., была довольно осторожной, хотя и благожелательной к России¹²⁸. Она объяснялась также хорошими русско-шведскими отношениями и нестабильностью кон-

тактов с варшавским двором, прерванных после второго Любекского конгресса.

В правящих кругах Речи Посполитой считались со шведской опасностью; на нее указывал, например, Я. Радзивилл¹²⁹. Было запланировано посольство в Стокгольм во главе с З. Горайским с целью предотвратить возможный русско-шведский союз или даже обеспечить помощь Швеции против России¹³⁰. Получив известие о близком отречении Кристины, Я. Лещинский отметил, что оно делает более вероятным конфликт между Речью Посполитой и Швецией, и изложил программу предупреждения или хотя бы оттягивания его, осью которой была интенсификация переговоров, с уступками в болезненных вопросах титулатуры и временным отказом от притязаний Яна Казимира¹³¹. Если учесть бременскую войну с ее опасностью международных осложнений и активизацию усилий французской дипломатии в деле достижения польско-шведского примирения, то соглашение было реальным¹³². Но в Варшаве не спешили к новому туру контактов со Швецией, что определялось более всего позицией королевской семьи, не желавшей расставаться со своими «правами» (Речь Посполитая не была тогда готова и к уступкам в вопросе о Лифляндии). Возможно, Ян Казимир рассчитывал на успех начатых уже давно¹³³ переговоров с Нидерландами о защите обоюдных интересов на Балтике. С учетом ухудшения нидерландско-шведских отношений это был целесообразный путь. Дискуссии приняли реальный характер с конца 1653 г., а 14 марта 1654 г. Генеральные Штаты обсудили и приняли проект оборонительного союза для обеспечения свободы судоходства, торговли и рыболовства на Балтике, в Северном море и в Ла-Манше для передачи Н. де Биэ¹³⁴.

Главным в этом проекте было взаимное обязательство, в случае нарушения кем-либо судоходства одной из сторон, прибегнуть сначала к посредничеству, а при его неудаче предоставить другой стороне 20 военных судов до окончания войны (Речь Посполитая обязывалась выплатить соответствующую денежную компенсацию за их наем). Предусматривались переговоры с другими державами о их присоединении к договору и подписание его магистратом Гданьска. Проект имел явное антишведское острие и в случае его принятия стал бы заметным препятствием для осуществления агрессивных акций шведских феодалов против Речи Посполитой.

Не известна реакция польско-литовских правящих кругов на нидерландские предложения. Видимо, они встретили резкую оппозицию в Гданьске и не слишком благоприятный прием у магнатерии. Но дело не было оставлено. Во второй половине 1654 г. варшавский двор предпринял некоторые практические шаги, в том числе по дипломатическим каналам: Н. де Биэ был послан в Бранденбург, Данию и Англию для выяснения позиции их правительств. Все это, однако, требовало много времени и не принесло положительных для Речи Посполитой результатов в предвоенную пору¹³⁵.

С начала 1654 г. интенсифицировалась военная подготовка шведов, причем наступательного характера, но тут влияла и обстановка на Западе¹³⁶. Некоторое представление о политике Швеции к лету 1654 г. дает выступление королевы 21 мая на риксдаге¹³⁷. В применении к восточному сектору в нем выделялись три основных факта: хорошие отношения с Россией при взаимном стремлении урегулировать еще сохраняющиеся споры; близкая русско-польская война требует от шведского правительства только готовности ко всяkim случайностям и соответствующих мероприятий в войске; есть данные, что варшавский двор склонен теперь заключить мирный договор со Швецией, который станет таким образом реальностью.

Не исключено, что в последнем случае Кристина имела в виду миссию Г. Каназиля, доверенного человека польской королевской четы, появившегося в Стокгольме незадолго до перемены на троне. Но это не было полномочное посольство, а лишь зондаж.

В вопросе о целях приезда Г. Каназиля и о его деятельности в шведской столице до сих пор нет ясности. Есть сведения, что он протестовал против коронования Карла X как ущемляющего интересы польской ветви дома Ваза в пользу более далекого по родству принца¹³⁸. С другой стороны, благодаря усилиям французского президента Пикэ, Г. Каназиль провел переговоры с риксканцлером и, возможно, с королем. Содержание бесед и позиции сторон известны плохо. Видимо, варшавский эмиссар поднял две главные темы: о мирном договоре и об антирусском союзе¹³⁹. Кроме того, он обнадежил в скором приезде настоящего посла¹⁴⁰. Шведский ответ, насколько можно судить по имеющимся скучным данным, заключался в следующем: союз против России несвоевре-

мен, так как отношения между ней и Швецией нормальны (ср. выступление королевы от 21 мая); прежде всего необходимо обеспечить прочный мир между двумя королевствами, к чему Карл X склонен; предлагалось прислать полномочную миссию в Стокгольм, где при посредничестве Пика можно завершить дело¹⁴¹.

Для характеристики другой стороны шведской политики используем материалы посольства игумена Даниила на Украину¹⁴². Оно было организовано И. Радзейевским¹⁴³, который наладил связи с греческой колонией в Париже и с Даниилом, отправив его в Стамбул¹⁴⁴ примерно в конце мая 1654 г. В начале июля посланец оказался в казацком лагере под Белой Церковью, откуда проследовал в Москву, а в сентябре — в Швецию¹⁴⁵. Судя по ответным письмам Б. Хмельницкого¹⁴⁶, И. Радзейевский использовал предложения о совместном шведско-украинском нападении на Польшу от 1652 г., которые сейчас едва ли могли последовать со шведской стороны даже в виде пробного шага. Тем не менее вся операция не была, видимо, только личной идеей бывшего коронного подканцлера; в Стокгольме знали о ней. Кроме того, почти одновременно и в бесспорной связи с поездкой Даниила И. Радзейевский обратился к Карлу Густаву, с которым он контактировал еще во время пребывания в Швеции, со следующим предложением: вместе со шведским посланцем он поедет в Москву, чтобы добиться у царя субсидий для комплектования армии в 6—7 тыс. человек. С этими силами И. Радзейевский хотел осуществить вторжение в Польшу через Силезию или иным путем для борьбы с Яном Казимиром и его сторонниками, предварительно убедившись в содействии ряда лиц внутри страны, в том числе Я. Радзивилла. Изгнанный подканцлер намеревался также привлечь к делу Украину, Крым, Порту и Молдавию¹⁴⁷. О подобных планах И. Радзейевского сохранились и другие данные¹⁴⁸. Создается впечатление, что, как и в 1652 г., стокгольмские дипломаты не находились в стороне от предпринятой им акции. Не щла речь о прямых указаниях, но более чем вероятно, что он ориентировался на достаточно четкое представление о шведской политике, выработанное в ходе весьма доверительных бесед с ведущими деятелями государства.

На внешнюю политику Швеции в первой половине 1654 г. влияла напряженная внутренняя обстановка в стране, хотя бы в том смысле, что от смягчения ее зави-

село финансирование военных проектов. В связи с бременской войной осложнилось международное положение Швеции в западном секторе. Это было тем более нестати, что приближающийся русско-польский конфликт требовал внимания. Не случайно Карл X постарался возможно скорее устраниТЬ спор с Бременом. Активизировалась военная подготовка, с учетом ситуации на западе и востоке.

Шведская политика в восточном секторе не была однолинейной. В Стокгольме дорожили дружественными отношениями с Россией по экономическим и еще более по политическим мотивам как гарантией достигнутых прежде успехов. Отсюда согласие удовлетворить русскую просьбу о поставках оружия и отказ пойти на антимосковский союз с Речью Посполитой. Налицо и склонность к соглашению с последней, к достижению прочного мира с ней вопреки сохранявшимся противоречиям и взаимному недоверию. Думается, причина такой двойственности заключалась в следующем¹⁴⁹: в Стокгольме считали, что в предстоящем русско-польском столкновении Речь Посполитая может потерпеть серьезное поражение¹⁵⁰, а это приведет к значительному усилению России, нарушению баланса сил в Восточной Европе, того примерного равновесия между противниками, которое вполне отвечало интересам шведских феодалов.

Но надо принять во внимание и иные политические факты. Это деятельность И. Радзейевского, частично вдохновленная, как мне представляется, стокгольмскими правящими кругами; сознательно муссируемые шведскими властями слухи о «русском предложении союза»¹⁵¹; сообщение датского резидента в Стокгольме о расчетах правительства Кристины в связи с известиями о воссоединении Украины получить Западную Пруссию путем переговоров либо войны. В них отразилась третья сторона политики Швеции — выяснение возможностей антипольского выступления, вызванное неясностью перспектив мирного урегулирования с Речью Посполитой из-за позиции варшавского двора. Но это был и метод дипломатического давления с целью увеличить свои активы на предстоящих переговорах с польскими представителями и постараться вырвать у них максимум уступок.

Итак, интенсификация военной подготовки, сохранение нормальных отношений с Россией, готовность к соглашению с Речью Посполитой, но и зондаж других касающихся

последней возможностей, т. е. курс на выжидание, маневрирование, вызванный неопределенностью ситуации — таковы основные черты шведской политики в первой половине 1654 г.

- ¹ В мою задачу не входит общая оценка воссоединения Украины с Россией. Это всесторонне сделано в работах советских историков (см.: Історія Української РСР. Київ: Наукова думка, 1979, т. 2, с. 66—72).
- ² О литературе вопроса см. Зaborовский Л. В. Начало русско-польской войны и дипломатические контакты России с Австрией, Бранденбургом и другими европейскими державами (конец 1653 г.— январь 1655 г.) — В кн.: Исследования по славяно-германским отношениям. М.: Наука, 1971, с. 301—302, сн. 1, 2. Проблема далеко еще не исследована в полном объеме.
- ³ Ответы русским поступали весь 1654 г., а частью и следующий. Детальнее о некоторых вопросах см.: Зaborовский Л. В. Начало русско-польской войны..., с. 301—321.
- ⁴ В отношении Швеции это бесспорно (Зaborовский Л. В. Начало русско-польской войны..., с. 303, сн. 7).
- ⁵ Голландские дела, 1653 г., № 7, л. 8—17; Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сб. документов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 182—183.
- ⁶ См., например, Голландские дела, 1653 г., № 7, л. 41, 44—45.
- ⁷ Грамоты от 9 декабря 1653 г. См.: Шведские дела, 1653 г., № 5, л. 1—24; № 6, л. 28—204 (проекты всех грамот); ДАИ, т. VI, с. 427—436; РИБ, т. XVI, с. 770—794; Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa: Die französisch-russischen Beziehungen von 1648—1689. Wiesbaden, 1968, S. 188—199.
- ⁸ О положении Швеции см.: Шведские дела, 1653 г., № 2, л. 118—119, 126—127; № 4, л. 95—96 и след.
- ⁹ Датскому королю послали еще одну грамоту с просьбой продать 20 тыс. мушкетов (РИБ, т. XVI, с. 793—796). Интересно, что этого не сделали в октябре; возможно, в Москве имелись сомнения насчет позиции Дании. О миссии во Францию в литературе встречаются ошибки. Неверно, что царь добивался от французов невмешательства в любой форме в конфликт (Grönebaum F. Frankreich..., S. 11—12), как и утверждение о русской просьбе о посредничестве (Бахрушин С. В., Сказкин С. Л. Дипломатия европейских государств в XVII в.— В кн.: История дипломатии. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959, т. I, с. 295). Данное предложение исходило из Парижа. В грамоте Людовику XIV таких пунктов нет.
- ¹⁰ Голландские дела, 1653 г., № 7-а, л. 1—47; № 8, л. 54—55; Французские книги, № 3, л. 15 об.—17, 101 об.—102 и др.; Шведские дела, 1653 г., № 4, л. 53—59; № 5, л. 77—81; № 6, л. 205—337.
- ¹¹ Подобная оценка была достаточно реалистична, что подтвердил дальнейший ход событий. Конечно, невозможно было в конце 1653 г. предусмотреть будущее развитие политики Швеции.
- ¹² Посольский приказ учитывал и австро-шведские противоречия.
- ¹³ Первый выехал из Москвы 1 ноября 1653 г., принят королевой 13 января 1654 г., отпущен ею 19 февраля, вернулся в столицу

11 марта. Второй оставил Москву 14 декабря 1653 г., принят в Упсале 19 февраля 1654 г., получил отпуск 19 марта, прибыл в Новгород 16 апреля (Шведские дела, 1653 г., № 4, л. 88—148; № 5, л. 36—84).

¹⁴ Кристина — царю, 18 февраля 1654 г. (Шведские грамоты, № 113). См. также: *Курц Б. Г.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914, с. 240—241 и др.

¹⁵ Грамота Кристины — царю, 17 марта 1654 г. (Шведские дела, 1653 г., № 5, л. 30—35). Получена в Москве 27 апреля.

¹⁶ Информация русских гонцов подтверждала этот факт (Шведские дела, 1653 г., № 4, л. 95—96, 99; № 5, л. 25—28, 77—78).

¹⁷ UA, Bd. 6, S. 275—276, 292—293, 368—369, 618—619; *Olofsson S. J. Efter Westfaliska freden: Sveriges ytter politik 1650—1654. Stockholm, 1959*, s. 407—408, 526—530, 534. К сознательно распускаемым шведскими властями слухам относится утверждение датского резидента в Стокгольме П. Юля в письме от 24 января 1654 г. о предложении русским посланцем (т. е. М. Васильевым) союза двух стран против Речи Посполитой. Оно некритически повторяется в литературе (*Wojna polsko-szwedzka 1655—1660. Warszawa, 1973*, s. 56). В соответствующих материалах нет и намека на что-либо подобное (см.: Шведские дела, 1653 г., № 4, л. 1—149), да простой гонец и не мог привезти предложение такого рода.

¹⁸ Выехал из Москвы 13 декабря 1653 г., прибыл в Копенгаген 22 марта 1654 г., принят королем 24 июня, отпущен 27 июня, вернулся в Новгород 5 августа (Датские дела, 1653 г., № 3, л. 1—74). Гонца задерживали, пока не определился исход англо-голландских переговоров.

¹⁹ Первый принят в Гааге 9 мая 1654 г., получил отпуск 1 июля, приехал в Архангельск 29 августа; второй оставил Москву 16 декабря 1653 г., принят в Гааге 9 мая 1654 г., отпущен 30 июня, вернулся в Архангельск 30 августа (Голландские дела, 1653 г., № 7, л. 18—59; № 8, л. 1—53).

²⁰ Фредрик III — царю, 27 июня 1654 г.— Польские дела, 1653 г., № 10, л. 23 об.—24; *Щербачев Ю. Н.* Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326—1690 гг. М., 1893, с. 239.

²¹ Интересные сведения о противоречиях двух держав привез С. С. Евский (Шведские дела, 1653 г., № 5, л. 78—80).

²² Две грамоты Нидерландов — царю, 30 июня 1654 г. (Голландские дела, 1653 г., № 7, л. 60—63; № 8, л. 28 и след., 46—47, 56—61; Грамоты, № 25). Одновременно в Гааге и Амстердаме добивались некоторых привилегий для своих торговцев (Голландские дела, 1653 г., № 7, л. 58—59; № 8, л. 49—53).

²³ К. Г. Мачехин выехал из Москвы 16 декабря 1653 г., из-за военных действий в Европе прибыл в Париж лишь 3 ноября 1654 г., принят 9 ноября, отпущен 27 ноября, добрался до Любека 31 декабря, где застял еще на полгода. Грамота Людовика XIV — царю, 29 ноября 1654 г. (См.: Французские дела, 1654 г., № 1, л. 86—90; Грамоты, № 5-а; Книги, № 3, л. 1—109 об.).

²⁴ Французские книги, № 3, л. 91—92 об., 107 об.—108 об.; *Поршинев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европеистская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970, с. 139, 141—163.

²⁵ См. инструкцию французскому послу в Стокгольм III. д'Авогуру, 27 мая 1654 г.; Д. Мазарини — Ш. д'Авогуру, 15 октября 1654 г.

Recueil, II, p. 8—13; Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministère. Paris, 1890, t. VI, p. 642.

²⁶ Grönebaum F. Frankreich..., S. 13—14.

²⁷ В конце 1654 г. об этом сообщил в Посольском приказе и И. де Родес (Шведские дела, 1654 г., № 4, л. 32—34).

²⁸ Голландские дела, 1653 г., № 7, л. 35—37, 43—44; № 8, л. 26—27, 54—55; Датские дела, 1653 г., № 3, л. 81; Французские книги, № 3, л. 15 об. — 17; Шведские дела, 1653 г., № 4, л. 95—96, 99; № 5, л. 25—28, 77—81. Доходили и сведения об острой внутренней борьбе в Швеции (Малороссийские столбы, № 13, л. 88—89, 167—168).

²⁹ Посольства готовились с апреля (Прусские дела, 1654 г., № 1, л. 16, 33, 67—70).

³⁰ Грамота от 27 мая 1654 г. Послы везли также приглашение направить ответную миссию и «опасную» грамоту от 13 мая, ибо между двумя дворами давно не было официальных контактов (Памятники, т. III, с. 89—98, 117, 263—265).

³¹ Грамоты от 21 мая 1654 г. (Прусские дела, 1654 г., № 1, л. 16—27; Курляндские дела, 1654 г., № 1, л. 3—15).

³² См. особенно: Памятники, т. III, с. 144—148. В отношениях со шведами данная проблема полуофициально была поставлена с конца марта 1654 г. (Шведские дела, 1654 г., № 1, л. 63—78 об., 96—109, 112—136, 140; № 3, л. 41—44). Показательно, что неизвестие стокгольмским двором новых титулов не вызвало тогда протестов русских представителей.

³³ Последнее затронуто и в беседе думного дьяка Алмаза Иванова с И. де Родесом (см. сн. 27).

³⁴ Курляндские дела, 1654 г., № 1, л. 11—56; Прусские дела, 1654 г., № 1, л. 60—62; Памятники, т. III, с. 150—151.

³⁵ Первое посольство с аналогичной программой направили в Дунайские княжества в феврале 1654 г. (см. о нем ниже).

³⁶ Им приходилось учитывать и близость сильной русской армии к их границам.

³⁷ Приехал на границу 21 июня 1654 г., принят герцогом 25 июня, покинул Митаву 30 июня, прибыл в Ригу 2 июля (Курляндские дела, 1654 г., № 1, л. 66—84).

³⁸ Курляндские дела, 1654 г., № 1, л. 59—65, 80—84.

³⁹ М. Гасс — А. Иванову, 9 июля 1654 г. (Там же, № 2, л. 1—2).

⁴⁰ Рухманова Э. Д. К истории переговоров о принятии Курляндии в подданство России в 1658 г.— История СССР, 1975, № 1, с. 158; Kubala L. Wojna moskiewska г. 1654—1655. Kraków, 1910, s. 151, 257—258.

⁴¹ Выехал из Москвы 26 мая 1654 г., принят курфюрстом 19 июля, отпущен 25 июля, вернулся в Новгород 29 сентября (Прусские дела, 1654 г., № 1, л. 33—66).

⁴² Письмо о титуле от 24 июля (Прусские дела, 1654 г., № 1, л. 81—94, 133—137; Грамоты, № 3). Отказ был оформлен очень осторожно и с намеком на возможность в будущем вернуться к данной теме с учетом принципа взаимности.

⁴³ Курфюрст — царю, 20 июля (получена в Москве 5 ноября).— Прусские грамоты, № 2; Прусские дела, 1654 г., № 1, л. 74—80; UA, Bd. 6, S. 703—704.

⁴⁴ UA, Bd. 6, S. 704; Kubala L. Wojna moskiewska..., s. 421—422. Польский король не принял посредничества курфюрста (Hirsch F. Die ersten Anknüpfungen zwischen Brandenburg und

Russland unter dem Grossen Kurfürsten. Berlin, 1885, T. 1, S. 6—9).

- ⁴⁵ UA, Bd. 6, S. 27—29, 255, 302, 323—328, 333—334, 352—354, 361, 369, 370, 381—384, 391—395, 442, 446—447, 480—482, 486, 501—508, 537—539, 572—574, 592—602, 618—621; Erdmannsdörffer B. Graf Georg Friedrich von Waldeck: Ein preussischen Staatsmann im siebzehnten Jahrhundert. Berlin, 1869, S. 115—123, 130—151, 154—168, 202—219, 226—246.
- ⁴⁶ См. инструкцию Фридриха Вильгельма посланнику на сейм И. Ховербеку, 24 февраля 1654 г. (UA, Bd. 6, S. 684—685).
- ⁴⁷ Покинули Москву 16 июня 1654 г., принятые 17 октября, отпущены 20 ноября, на полгода задержались в Любеке, но сообщили о результатах поездки (письма от 21 и 23 января 1655 г., получены в феврале). См.: Памятники, т. III, с. 176—248.
- ⁴⁸ Бенцев представляли вице-канцлер Ф. Курц и граф Ностиц.
- ⁴⁹ Памятники, т. III, с. 176—187, 205—238, 242—245; Австрийские грамоты, № 31; Walewski A. Historya wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza (1655—1660). Kraków, 1866, t. I. Dokumenta, s. VI—X; Pribram A. F. Öesterreichische Vermittelungs-Politik im polnisch-russischen Kriege 1654—1660.— In: Archiv für österreichische Geschichte, 1889, Bd. 75, S. 415. Фердинанд III согласился написать курфюрстам, чтобы они не помогали Речи Посполитой.
- ⁵⁰ Жерела, т. XII, с. 334—338; Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655—1660. Warszawa, 1957, t. I, s. 379—382.
- ⁵¹ Воссоединение, т. III, с. 379. Русские дипломаты высказывали сходные мысли и позже. См. АЮЗР, т. X, с. 49—50 (15 ноября 1653 г.), 213—214 (6 января 1654 г.).
- ⁵² Крымские дела, 1653 г., № 16, л. 40—231, 341.
- ⁵³ Воссоединение, т. III, с. 399—400, 470, 474, 476—477, 484, 488.
- ⁵⁴ АЮЗР, т. X, с. 443—445, 454, 562, 571; Документы, с. 325, 332—334. Реально пока можно было говорить лишь о донцах, которым направили из Москвы такого рода указания. Воссоединение, т. III, с. 556. О позиции ногайцев и калмыков см.: Зaborowski L. B. Крымский вопрос во внешней политике России и Речи Посполитой в 40-х — середине 50-х годов XVII в.— В кн.: Россия, Польша, Причерноморье в XV—XVIII вв. М.: Наука, 1979. с. 273, сн. 28.
- ⁵⁵ Прибыло в Бахчисарай ориентировочно 7 марта, отпущено Ислам Гереем 29 марта.
- ⁵⁶ Хронология этого посольства, как и задачи других миссий, видимо, ездивших в Бахчисарай в первые месяцы 1654 г., не ясны до сих пор (Грушевський M. Історія України-Руси. Київ: Пролетар, 1931, т. 9, 2 половина, с. 781, 887—889). С. Савич двинулся в путь около 20 апреля, принят ханом 29 апреля, вернулся в Чигирин 17 мая. Цитируемый в книге т. 9 работы М. С. Грушевского сохраняет свое значение по сю пору как публикация ценного архивного материала, и именно в таком качестве используется мною. Разумеется, для советского историка неприемлемы хорошо известные буржуазно-националистические концепции данного автора, в необходимых случаях я показываю далее их отрицательное воздействие даже на фактическую сторону его труда.
- ⁵⁷ Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 37—39, 112—113, 126—

136; 1654 г., № 3, л. 12—13 и далее; АЮЗР, т. X, с. 327, 344, 407—410, 443, 541—544, 562, 586—592.

⁶⁸ О целях посольства есть сообщения австрийского и трансильванского резидентов в Стамбуле (Жерела, т. XII, с. 305, 313—314; Okmánytár, 23 köt., 143 1).

⁶⁹ Дьердь Ракоци II — Б. Хмельницкому, 9 февраля 1654 г. с сообщением об отправке его задержанного в Алба-Юлии с лета 1653 г. посольства (Quellen, Bd. VI, S. 126) и с пожеланием восстановить прежнюю дружбу. В ответном письме от 2 марта гетман поставил вопрос о нейтралитете князя в польской войне. Сходные переговоры велись в начале 1654 г. и с Яссами.

Дьердь Ракоци II и Георгий Штефан проявили эту активность под влиянием первых сообщений о воссоединении Украины. См. АЮЗР, т. X, с. 328, 344, 444; Воссоединение, т. III, с. 552; Документы, с. 328; Документы, с. 737—739; Жерела, т. XII, с. 282—283, 286; Киев. Памятники, т. III, 2-е изд., с. 186—188; Erdély, I köt., 295—296 1.

⁶⁰ Воссоединение, т. III, с. 543—546.

⁶¹ Совершенно неосновательна попытка представить миссию Г. Ф. Самарина как проявление русской экспансии на Балканах (*Грушевський М. Історія України-Руси...*, с. 899—901). Автор настолько увлекся доказательством своего неверного тезиса, что даже существенно исказил содержание царских грамот господарям.

⁶² Крымские дела, 1654 г., № 2, л. 26—248.

⁶³ В историографии не учтено, что предложение Русского государства было лишь ответом на крымскую инициативу.

⁶⁴ Аналогичные опасения высказывались и в других случаях в марте 1654 г. (Крымские дела, 1654 г., № 1, л. 1—5; АЮЗР, т. X, с. 443).

⁶⁵ Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 5, 13, 19, 21—23; АЮЗР, т. X, с. 87—90, 214; Воссоединение, т. III, с. 386, 389—393, 399—401, 446, 452—453, 469—470, 500. С самого начала русские дипломаты интерпретировали это соглашение как шаг на пути к крымско-польскому союзу. Все названные обстоятельства и привнесли изменения в крымской политике России в феврале-марте 1654 г. сравнительно с сентябрем 1653 г.

⁶⁶ Данный комплекс мер был разработан в королевской инструкции сеймикам (конец ноября 1653 г.) и на сенаторской раде (январь 1654 г.); ASWKr., t. II, f. 2, s. 477—486; Kubala L. Wojna moskiewska..., s. 91, 95—96.

⁶⁷ О решениях сеймиков (конец декабря 1653 г.—первая половина января 1654 г.) см.: Kubala L. Wojna moskiewska..., s. 92—95; O naprawie Rzeczypospolitej XVII—XVIII w. Warszawa, 1965, s. 128—129.

⁶⁸ Еще более осложнена положение смерть гетмана великого литовского Я. Кипки: Я. и Б. Радзивиллы старались получить обе гетманские литовские должности, чего не желал король (Radziwiłł A. S., t. IV, p. 290, 293—294; Rudawski W. J., t. I, s. 250; Stanisława Temberskiego roczniki, p. 270; UA, Bd. 6, S. 685—688).

⁶⁹ UA, Bd. 6, S. 685; Kubala L. Wojna moskiewska..., s. 97—119.

⁷⁰ И. Ховербек — бранденбургскому курфюрсту, 29 марта 1654 г. (UA, Bd. 6, S. 687—688). Отмечено, имея в виду особенно Шве-

цию, что исход сейма может дать повод соседям Польши к «совсем не причудливым мыслям и вредным замыслам».

⁷¹ Тема эта имеет немалые историографические традиции, но и по сию пору далеко еще не исчерпана. О литературе вопроса см.: Зaborowski L. B. Начало русско-польской войны..., с. 311, сн. 54.

⁷² Инструкция и ряд писем от 2 января 1654 г., Львов (Жерела, т. XII, с. 277—278; Ojczyste spominki, т. I, с. 90—96; Kwartalnik Historyczny, 1954, N 3, с. 94).

⁷³ Инструкции от 28 и 31 января 1654 г. соответственно (Жерела, т. XII, с. 280—284). См. также: Okmánytár, 23 köt., 133—134 l.).

⁷⁴ От 20 февраля 1654 г. (Киев. Памятники. 2-е изд., т. III, с. 188—191).

⁷⁵ Высказывалось мнение (Kwartalnik Historyczny, 1954, N 3, с. 97), что королевский двор добивался поддержки крымцев против России и Украины. Но в инструкции отсутствует второе требование, оно выдвинуто позже.

⁷⁶ Но едва ли верно считать главной задачей польских феодалов срыв русско-украинского единения (Kwartalnik Historyczny, 1954, N 3, с. 93). Источники не подтверждают такого мнения для «допереяславского» отрезка политики Речи Посполитой (январь—февраль 1654 г.).

⁷⁷ Сведения о ней поступили в Варшаву впервые 21 февраля 1654 г. (Kwartalnik Historyczny, 1954, N 3, с. 83).

⁷⁸ Kersten A. Stefan Czarniecki 1599—1665. Warszawa, 1963, с. 193—198.

⁷⁹ Грушевський М. Історія України-Русі..., с. 780—781; Kubala L. Wojna moskiewska..., с. 130, 135. Ян Казимир — Дьердю Ракоци II, 5 марта 1654 г. (Okmánytár, 23 köt., 134—135 l. См. также: Киев. Памятники. 2-е изд., т. III, с. 196—203).

⁸⁰ Воссоединение, т. III, с. 551—552; Жерела, т. XII, с. 284—285, 287, 291—292, 295, 309—311, 313—314.

⁸¹ Официальная и секретная инструкции и верительная грамота от 1 февраля 1654 г., проезжие и письмо подканцлеру литовскому К. Сапеге от 7 февраля. См.: Жерела, т. XII, с. 286 (дополнительная инструкция, составлена позже); Erdély, I köt., 296—305 l.; Okmánytár, 23 köt., 693—694 l.; Kubala L. Wojna moskiewska..., с. 385. Обстоятельства сложились так, что Дьердю Ракоци II стал бесспорным лидером группировки трех княжеств (см. DAMT, v. X, p. 272—277; Erdély, I köt., 281—282 l.), поэтому его политику можно интерпретировать шире, как представлявшую на данном этапе и некоторую сумму их общих интересов, при сохранении немалых различий. См. также: Зaborowski L. B. Канун и начало русско-польской войны и позиция государств Юго-Восточной Европы (50-е годы XVII в.).— В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев: Штиинца, 1975, с. 260, сн. 25.

⁸² В резолюции Я. Шумовскому в ответе на письмо Яна Казимира (от 5 марта 1654 г.) соответственно от первой половины и 26 марта 1654 г. (Жерела, т. XII, с. 289—297; Erdély, I köt., 315—317 l.).

⁸³ Князь — Б. Хмельницкому и И. Выговскому 9 апреля 1654 г. (Жерела, т. XII, с. 300—303; Okmánytár, 23 köt., 700—702 l.). В письмах подчеркивалась желательность восстановления прежней дружбы, настойчиво предлагалось направить в Алба-Юлию

послов, дабы рассеять существовавшие опасения и обеспечить взаимную безопасность.

- ⁸⁴ См.: Зaborowski L. B. Капуи и начало русско-польской войны..., с. 249—250, 252, 254.
- ⁸⁵ Документы, с. 737—739, 743—747 (ответ от 25 февраля 1654 г. на миссию Беневского); Жерела, т. XII, с. 294—295, 303—304, 306—314, 321; Исторические связи, т. II, с. 250—255.
- ⁸⁶ От 9 апреля 1654 г., получена в Москве 25 мая (Исторические связи, т. II, с. 246—248). Г. Ф. Самарин прибыл в Яссы 5 апреля, в Валахию не попал.
- ⁸⁷ ЦГАДА, ф. Сношения с Молдавией и Валахией. Дела, 1654 г., № 2, л. 5—13; Исторические связи, т. II, с. 384.
- ⁸⁸ Грамота от 28 февраля 1654 г. (получена в Москве 11 апреля). И. Григоре покинул столицу 23 апреля вместе с дьяком Т. Перфильевым, вернулся в Яссы 24 июня. См.: Исторические связи, т. II, с. 244—246, 249—250, 384; Жерела, т. XII, с. 322—323; Советов П. В. Типологические аспекты молдавского феодализма (в период турецкого ига и в проектах о вступлении в подданство России, Польши и Австрии).— В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев: Штиинца, 1975, с. 136—141.
- ⁸⁹ Подробнее см.: Зaborowski L. B. Борьба русской и польской дипломатии и позиции Османской империи в 1653—1654 гг.— В кн.: Освободительные движения на Балканах. М.: Наука, 1978, с. 70—75. Излагаю сейчас результаты, полученные в этой статье. Широкое привлечение русских архивных материалов позволяет гораздо полнее обрисовать ход и итоги дипломатической борьбы в Стамбуле и особенно в Бахчисарае на всем протяжении 1654 г., чем это сделано до сих пор в историографии.
- ⁹⁰ Radziwiłł A. S. t. IV, p. 313—314; Kubala L. Wojna moskiewska..., s. 128—135, 378—379. В письмах султана и везира (между 19 и 28 апреля) формулировки более осторожные (Katalog dokumentów tureckich. Warszawa, 1959, cz. 1, s. 335—336).
- ⁹¹ Характеристику соответствующих источников см.: Зaborowski L. B. Борьба русской и польской дипломатии..., с. 70—71.
- ⁹² Demeny L. Освободительная война украинского народа 1648—1654 годов и Юго-Восточная Европа.— In: Revue des études sud-est européennes, 1974, N 4, p. 508—511; Kwartalnik Historyczny, 1954, N 3, s. 95—97. Авторы учили также более раннюю литературу.
- ⁹³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ. Столбцы, № 1636, л. 264—271; АЮЗР, т. VIII, с. 375—382; т. X, с. 334, 588; Документы, с. 744—745, 767; Донские дела, кн. 4, с. 867—882; Жерела, т. XII, с. 294—295, 326; Киев. Памятники. 2-е изд., т. III, с. 187; Documente, v. V, part 2, p. 8—9; v. IX, part 1, p. 51—53; Erdély, I köt., 318, 352, 354—355 l.; Ojczyste spominki, t. I, s. 96—98; Okmánytar, 23 köt., 137, 143 l.
- ⁹⁴ С. Лодыженский и А. Огарков прибыли в Крым 23 ноября 1653 г., принятые ханом 13 февраля 1654 г. М. Яскульский двинулся в путь в конце февраля 1654 г., появился в крымской столице 7 апреля, получил прием у Ислам Герея 9 апреля, отпущен 6 мая, вернулся в Варшаву примерно в конце июня. Т. Г. Хотунский и И. Фомин оставили Москву 11 марта 1654 г., 18 апреля были в Бахчисарае, 21 апреля встретились с ханом. См. также сн. 55, 56.
- ⁹⁵ Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 19; 1654 г., № 3, л. 6—17; АЮЗР, т. X, с. 271. См. также: Повосельский А. А. Совмест-

ная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков.— Доклады и сообщения Института истории АН СССР, 1954, вып. 2, с. 20.

⁹⁶ Крымские дела, 1654 г., № 3, лл. 47—48.

⁹⁷ Там же, 1653 г., № 17, л. 112—113 (информация от пленных украинцев, служивших в ханском дворце); Документы, с. 336—341.

⁹⁸ М. Яскульский — С. Потоцкому, 2—4 мая (Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza/ Wyd. K. Wojcicki. Warszawa, 1853, t. I, s. 156—166).

⁹⁹ Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 115—118, 132—133; 1654 г. № 3, л. 7—11; АЮЗР, т. VIII, с. 377—380.

¹⁰⁰ Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 126—140; 1654 г., № 1, л. 35—36; № 3, л. 12—13 и сл.; АЮЗР, т. X, с. 588—597; Грушевський М. Історія України-Руси..., с. 891, 897. Татарский посол приехал в Чигирин 17 мая, принят 19 мая, вернулся в Бахчисарай с ответом гетмана 8 июня.

¹⁰¹ Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 135—136; 1654 г., № 3, л. 7—11; Документы, с. 757—759; Жерела, т. XII, с. 320; Kwartalnik Historyczny, 1954, N 3, s. 100—101; документ из сн. 98. Судя по упоминанию об отправке посла на Украину, письма хана относятся примерно к 8—10 мая (листы татарских вельмож — от 7 до 12 мая). Король принял Сулеймана-агу 27 июня.

¹⁰² АЮЗР, т. X, с. 597.

¹⁰³ При ее нейтрализации план менялся и первоочередным становилось нападение на Россию.

¹⁰⁴ В ответах польскому правительству содержались оба обещания, но в заключительной беседе с С. Савичем хан подчеркнул, что выполнит только второе. В этой связи показательны сообщения от конца мая — первой половины июня 1654 г., по которым Ислам Герей, опасаясь нападений донцов, украинцев и русских, решил с главной армией остаться в ханстве (Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 133—141; 1654 г., № 1, л. 35—36).

¹⁰⁵ См. об этих мероприятиях: Александров В. А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI—XVII в.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье..., с. 165—170.

¹⁰⁶ Характерно, что в грамоте Б. Хмельницкого царю от 21 июня 1654 г. хан назван недругом (Документы, с. 359).

¹⁰⁷ Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 138—140; 1654 г., № 1, л. 36—38; № 3, л. 42—44, 47—65. Посольство задержалось из-за болезни хана.

¹⁰⁸ Документы, с. 759—764 (польский вариант; датировка неоправданно широка. См.: Kwartalnik Historyczny, 1954, N 3, s. 101—103), 768—771 (крымский вариант; дата неточна). См. также: Radziwiłł A. S., t. IV, p. 306—315.

¹⁰⁹ Документы, с. 764—765 (датировка неверна).

¹¹⁰ Сюда относилось и обещание Ислам Герея не нападать на польских союзников (Трансильванское и Дунайские княжества). Речь Посполитая обязывалась к уплате ежегодных «упоминков».

¹¹¹ Последнее обязательство не соблюдалось крымцами. Контрагенты должны были также предпринять параллельные дипломатические шаги, чтобы побудить молдавского и валашского воевод и Дьердя Ракоци II прислать в помощь Речи Посполитой свои войска.

- ¹¹² Резолюция Г. Гиллани — от конца марта 1654 г., ответные письма — от 19 марта до 11 апреля (Жерела, т. XII, с. 291—300; Okmánytár, 23 köt., 139—141 l.; Történelmi Tár, 1889, 456—479 l.).
- ¹¹³ АВАК, т. XXXIV, с. 8—17; UA, Bd. 6, S. 687—690: Kubala L. Wojna moskiewska..., s. 149—153; Wojna polsko-szwedzka..., s. 52—53.
- ¹¹⁴ Универсал Яна Казимира, 15 сентября 1654 г. (ASWKr., т. II, f. 2, s. 532).
- ¹¹⁵ Kwartalnik Historyczny, 1954, N 3, s. 89—90.
- ¹¹⁶ Erdely, 1 köt., 310—315 l. Полемику в связи с этим документом см.: Odrodzenie i reformacja w Polsce, 1970, t. XV, s. 125—126; 1973, t. XVIII, s. 129—130.
- ¹¹⁷ АЮЗР, т. X, с. 598, 669—672, 678—679; т. XIV, с. 42—43, 131—136 (письмо Я. Радзивилла, 25. VI); Radziwiłł A. S., т. IV, р. 300; Грушевський М. Історія України-Русі..., с. 885—886.
- ¹¹⁸ Кредитив, инструкция и проезжие грамоты посольству от 20 мая 1654 г., письма Дьердя Ракоци II от 18 и 22 мая. Послы принятые 23 июня, переговоры начались 2 июля, резолюция посольству — 27 июля, ответные письма ряда польских магнатов от 6 до 26 июля (Жерела, т. XII, с. 314—317, 323; EOE, 11 köt., 181—183 l.; Erdély, I köt., 326—332 l.; Okmánytár, 23 köt., 145, 150—151, 153—154, 699—700 l.; Radziwiłł A. S., т. IV, р. 304, 308, 313; Stanisława Temberskiego roczniki, р. 273—274, 277—278, 280; Történelmi Tár, 1889, 638—649 l.).
- ¹¹⁹ 18 апреля умер Матей Басараб, его сменил Константин Шербан.
- ¹²⁰ Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 135—136; АЮЗР, т. X, с. 668; Документы, с. 359; Жерела, т. XII, с. 321—322; DAMT, v. X, р. 282—286; Okmánytár, 23 köt., 148—150 l.
- ¹²¹ Исторические связи, т. II, с. 256.
- ¹²² АЮЗР, т. VIII, с. 377—380; т. X, с. 580, 667—668; Документы, с. 367; Жерела, т. XII, с. 308—313, 320—323.
- ¹²³ Дата грамоты — между 11 и 14 апреля 1654 г. Исторические связи, т. II, с. 249—250. Не вошло в нее предварительно намеченное предложение направить вскоре в Москву послов для обсуждения «статей».
- ¹²⁴ АЮЗР, т. X, с. 603—604, 774—775; Исторические связи, т. II, с. 250—253. Неверна точка зрения М. Грушевского, объяснявшего неудачу русской акции, в частности, стремлением украинской старшины и самого гетмана помешать «московской экспансии» на Балканах (Грушевський М. Історія України-Русі..., с. 905). Вся эта схема сконструирована историком искусственно и не паходит, как приходилось уже указывать, подтверждения в источниках.
- ¹²⁵ Решение данной темы в историографии представляется автору недостаточным. Так, Б. Кентржинский считает восточную политику Швеции в это время совершенно пассивной, второстепенной сравнительно с западным сектором, указывая на кардинальную перемену с появлением на троне Карла X (Kentschynskyj B. Karl X Gustav inför krisen i öster 1654—1655.—KFÄ, 1956, s. 21—35). С. Олофссон полагает, ссылаясь на отсутствие соответствующих дискуссий в риксроде, что события на востоке тогда вообще мало интересовали стокгольмских руководителей, а в отношениях с Польшей стремились к сохранению статус-кво (Olofsson S. J. Efter westfaliska..., s. 527—536). Б. Осард высказывает

мнение, что после неудачи второго Любекского конгресса шведские феодалы твердо ориентировались на войну с Речью Посполитой (*Åsard B. Upptakten till Karl X Gustafs anfall mot Polen 1655. Till frågan om krigets mål och medel.* — KFÅ, 1970, s. 11—34). Это слишком прямолинейное представление подвергнуто критике в советской и шведской литературе. См.: Зaborовский Л. В. Политика Швеции накануне Первой Северной войны (вторая половина 1654 — середина 1655 г.). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М.: Наука, 1973, с. 208—210; *Stade A. Geneza decyzji Karola X Gustawa o wojnie z Polską w 1655 r.* — In: *Studia i materiały do historii wojskowości*, 1973, t. XIX, cz. 2, s. 59.

¹²⁶ *Olofsson S. J. Drottning Christinas tronavvägelse och tronförändring.* Uppsala 1953, s. 183—211.

¹²⁷ Зaborовский Л. В. Политика Швеции..., с. 209—210; *Olofsson S. J. Efter Westfaliska...*, s. 444—458. 8 апреля 1654 г. шведы открыли кампанию, ставшую для них успешной со второй половины августа — начала сентября. Война, в том числе благодаря посредничеству Бранденбурга, была приостановлена (перемирие от 1 октября), а завершена договором в Стаде 4 декабря. Шведские дела, 1653 г., № 2, л. 126—127; 1654 г., № 1, л. 63—78 об., 119—134; *Olofsson S. J. Efter Westfaliska...*, s. 526—536.

¹²⁸ В письме примасу А. Лепицкому, 10 октября 1653 г. (*Kotłubaj E. Życie Janusza Radziwiłła*. Wilno; Witebsk, 1859, s. 389—393).

¹³⁰ Шведские дела, 1653 г., № 4, л. 147—148; UA, Bd. 6, S. 688—689; *Linage de Vauciennes*, t. III, p. 332—333; *Olofsson S. J. Efter Westfaliska...*, s. 533—535.

¹³¹ В письмах от 5, 6 и 10 апреля 1654 г. (*Kubala L. Wojna szwecka w roku 1655 i 1656*. Lwów etc., 1913, s. 24). Я. Лепицкий высказал совершенно справедливое мнение, что подобный метод действий покажет шведским сословиям нежелание Речи Посполитой давать повод к столкновению и тем самым затруднит финансирование войны.

¹³² *Grönebaum F. Frankreich...*, S. 13. Такое мнение высказал позже в донесении от 26 декабря 1654 г. III. д'Авогур. *Carlson F. F. Sveriges historia under konungarne of Pfälziska huset*. I d.: Carl X Gustaf. 2 uppl. Stockholm, 1883, s. 171—172.

¹³³ Через резидента Речи Посполитой в Гааге и личного агента короля Н. де Биз с 1650 г. и с голландскими представителями на втором Любекском конгрессе.

¹³⁴ Получил прощальную аудиенцию у Соединенных Провинций около середины апреля 1654 г., привез документ в Варшаву примерно 23 июня во время чрезвычайного сейма.

¹³⁵ *Aitzema L. van. Historic*, t. III, p. 1098; *Radziwiłł A. S.*, t. IV, p. 305; UA, Bd. 3, S. 80; Bd. 6, S. 690; Документы, с. 775; *Lindqvist Å. Svenskarna och De Byes beskickningar 1654—1655*. — KFÅ, 1941, s. 7—24; *Materiały do projektowanego traktatu polsko-holenderskiego z g. 1654*. — In: *Rocznik Gdańsk*, 1960—1961, t. 19—20, s. 395—438; *Olofsson S. J. Efter Westfaliska...*, s. 533—534.

¹³⁶ *Åsard B. Upptakten...*, s. 22—24.

¹³⁷ SRAP, d. 5.1, s. 282—283; *Whitelocke B.*, v. II, p. 225.

¹³⁸ *Pufendorf S. Sieben Bücher*, S. 36; *Linage de Vauciennes*, t. III,

р. 389—390; Melchior von Foelckersahmbs, S. 5. О спорах в литературе см.: *Edén N. Grunderna till Karl X Gustafs anfall på Polen*.— *Historisk tidskrift*, 1906, h. 1, s. 20—22. Со своей стороны отмечу, что сведения о «польском протесте» получили широкое распространение у современников и нашли отражение в источниках, очень близких по времени к самому событию (Малороссийские столбы, № 13, л. 6—8, 30, 168; Шведские дела, 1654 г., № 1, л. 138; № 4, л. 32—33; *Johan Ekeblads bref*, I, s. 334, 336). Неясно и сомнительно, были ли причины множить подобные слухи чуть ли не сразу по приезде Г. Капазиля, если они не имели каких-то оснований.

¹³⁹ Письма секретаря Яна Казимира — Г. Капазилю и Пикэ, 27 июня 1654 г. (*Heymowski A. Karl X Gustav och den polska historie-skrivningen*.— КФА, 1957, s. 39). 15 августа Пикэ сообщил Г. Бриенну об обращении к нему в таком духе польского короля (*Linage de Vauciennes*, т. III, р. 463—466; *Grönebaum F. Frankreich...*, S. 13, 135. См. также: *Pufendorf S. Sieben Bücher*, S. 36—37).

¹⁴⁰ *Stade A. Geneza...*, s. 53.

¹⁴¹ Пикэ — Г. Бриенну, 22 августа 1654 г.; Г. Бриенн — Ш. д'Авогруу, 18 сентября, Париж (*Grönebaum F. Frankreich...*, S. 13, 136). См. также: *Linage de Vauciennes*, т. III, р. 466.

¹⁴² Ценный шведский материал о данной миссии привлек Б. Кентржинский (*Kentrschynskyj B. Ukrainska revolutionen och Russlands angrepp mot Sverige 1656*.— КФА, 1966, s. 30—42). Но и сейчас документы о ней во взаимосвязи с другими источниками не использованы для анализа политики Швеции ранним летом 1654 г.

¹⁴³ В мае 1653 г. уехал из Швеции в Лондон, а оттуда осенью в Париж (*Olofsson S. J. Efter Westfaliska...*, s. 528—529).

¹⁴⁴ М. Палбицки — Карлу Густаву, 15 июня 1654 г., Париж (*Kentrschynskyj B. Ukrainska revolutionen...*, s. 32—33).

¹⁴⁵ Зaborовский Л. В. Русская дипломатия и начало Первой Северной войны (январь — октябрь 1655 г.).— Сов. славяноведение, 1973, № 1, с. 45; *Stade A. Geneza...*, s. 55.

¹⁴⁶ Королеве и И. Радзёвскому от 8 июля 1654 г. (письма Карлу X не сохранились), см.: *Kentrschynskyj B. Ukrainska revolutionen...*, s. 33, 34; грамота в Москву о пропуске Даниила от 18 июля (Архив ЮЗР, ч. 3, т. VI, с. 65—70; Документы, с. 363—365, 369—371).

¹⁴⁷ Изложено в донесении из сн. 144. Проект был навеян также обострением внутреннего положения Речи Посполитой в связи со срывом первого сейма 1654 г. Не исключено влияние возникших во время Смоленской войны планов найма на русские депутации войск за рубежом (*Поршинев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства*. М.: Наука, 1976, с. 253—258 и далее).

¹⁴⁸ Шведские дела, 1653 г., № 4, л. 127—129; № 5, л. 79; Памятники, т. III, с. 245—246. Но существенно, что шведы их пока официально не поддерживали.

¹⁴⁹ Влияла, вероятно, и боязнь польско-русского антишведского соглашения (Малороссийские столбы, № 13, л. 88—89).

¹⁵⁰ Учитывали информацию о многолетней боевой подготовке России, о внутренней и военной слабости Речи Посполитой.

¹⁵¹ *Carlson F. F. Sveriges historia...*, I d., 2 uppl., s. 166.

Первая кампания русско-польской войны
и европейские государства¹
(вторая половина 1654 — начало 1655 г.)

Ход войны хорошо изучен в историографии, что позволяет изложить факты информационно². Боевые действия начались в июне 1654 г. Основной удар русских войск был направлен в Белоруссию, имея целью возвращение Смоленщины с ее центром, белорусских земель в бассейне Днепра и Западной Двины. Летом — осенью 1654 г. эти задачи были решены, русско-украинские армии добились впечатляющих успехов на обширном театре войны от Гомеля до Резекне и закрепились в бассейне Днепра, верховьев, а частью и среднего течения Западной Двины, что нашло отражение в расширении царской титулатуры³. В августе московское правительство выдвинуло план прорыва части русских и всех казацких сил через Брест и Луцк в Малую Польшу к Люблину, не принятый Б. Хмельницким, опасавшимся вторжения крымцев на Украину⁴.

Давно показано, что анализ действий русских войск позволяет четче представить цели войны, преследуемые царским правительством, так как основной удар был направлен не на Украину, а на Смоленщину и в Белоруссию⁵. Занятые в районе Западной Двины и ее притоков позиции⁶ были важны экономически, ибо ставились под контроль районы, от привоза товаров через которые в немалой мере зависела рижская торговля. Приобретенные территории имели также немалое стратегическое, да и политическое значение, так как русские армии оказывались вблизи побережья Балтики. Все это позволяет считать, что с русско-польской войной на ее начальном этапе в Москве связывали расчеты не только на воссоединение Украины, но и на улучшение русских позиций в прибалтийской периферии, т. е. хотя бы на частичное решение балтийского вопроса⁷. Вероятно, такой план приняли и потому, что надеялись на невозможность для Швеции какое-то время

вмешаться в конфликт ввиду ее внутри- и внешнеполитических трудностей, о которых поступала информация в Посольский приказ.

1. Русско-украинская и польская дипломатия в поисках союзников, в усилиях по нейтрализации возможных противников на Юго-Востоке

Смерть Ислам Герея (10 июля 1654 г.) изменила обстановку в Крыму. Последующие события — обострение внутренней политической борьбы в ханстве; дипломатические контакты между Б. Хмельницким и рядом весьма влиятельных крымских вельмож во второй половине июля — начале сентября 1654 г., поставившие в порядок дня возможность восстановления татарско-украинского союза против Речи Посполитой; появление в Бахчисарае нового хана; ход польско-крымских переговоров в октябре-ноябре — хорошо исследованы. Это позволяет коснуться их в минимально необходимой степени⁸, подробнее осветив мало известные русско-крымские связи.

Брат Ислам Герея, претендент на трон Мехмед Герей, был провозглашен ханом в Стамбуле 25 августа 1654 г., прибыл в Перекоп 12 октября, в Бахчисарай — 19 октября. Пойдя на уступки верхушке татарских феодалов, он сумел урегулировать межгрупповые противоречия и оставить неизменной внешнеполитическую линию, намеченную при его предшественнике. Все это было оформлено решениями дивана в Перекопе 15 октября, принятыми в новой обстановке, при крупных успехах русских в войне с Речью Посполитой. Быстро стали продвигаться переговоры с М. Яскульским⁹, бахчисарайские дипломаты отослали также в Чигирин украинское посольство и вместе с ним Тохтамыша-агу. Отправили грамоты польскому королю (16 октября) с сообщением о высылке в ближайшее время части татарских сил при постепенном подходе остальных¹⁰ и Б. Хмельницкому (грамота хана — от 15 или 18 октября, Сефера и Карабея — от 15 октября) с прежним требованием разрыва Украины с Россией и угрозой войны с целой лигой в случае отказа¹¹.

21 октября влиятельные крымские князья Сулешовы от имени хана сделали обоим русским посольствам окончательное политическое заявление. Основой его был вопрос о будущем развитии взаимоотношений двух стран: отклонялось предложение о совместном нападении на Речь

Посполитую; было обещано, что татары не станут разорять русские земли, даже если Ян Казимир предложил бы им участие в такой акции; Мехмед Герей желает сохранения мира и присылки обычных «упоминков». От посланников потребовали дать обязательство, что Алексей Михайлович помешает нападениям донцов на Турцию и Крым, иначе дружба станет невозможной и начнется война.

В ответ русские посланцы указали, что обещание хана не нападать на Россию достаточно для присылки обусловленной казны; подчеркнули полную самостоятельность донских казаков и невозможность повлиять на их действия, поэтому отказались дать какие-либо гарантии, специально отметив это в статейном списке. 26 октября Т. Г. Хотунский и И. Фомин имели беседу с везиром, который повторил татарские высказывания от 21 октября; при продолжении морских экспедиций донских казаков Сефер грозил крымско-турецким нападением на них, а затем на Россию. С другой стороны, везир исключил возможность вражды двух держав из-за Украины¹². Крымская программа была изложена и в грамотах Мехмед Герея, калги Казы Герея, пуреуддина Аадиль Герея царю от конца октября — начала ноября 1654 г. В них не содержалось почти ничего нового сравнительно с заявлением от 21 октября, по еще решительнее подчеркивалась необходимость прекратить нападения донцов как условие сохранения мира и дружбы (при выполнении его и присылке «упоминков» гарантировалась безопасность для русских земель)¹³.

18 ноября из Чигирина возвратился Тохтамыш-ага с отрицательным ответом Б. Хмельницкого на предложение разорвать с Россией¹⁴. Спешно собранный диван одобрил решение о войне с Украиной. 22 ноября Мехмед Герей в присутствии М. Яскульского подтвердил присягой крымско-польский договор и тем окончательно ввел его в жизнь¹⁵. 23 ноября на соединение с войсками Речи Посполитой двинулась первая татарская армия. В таких неблагоприятных условиях московским представителям на завершающей стадии контактов (в первой пятидневке декабря 1654 г.) нелегко было выполнить еще три существенные задачи: добиться от хана новой шерти, попытаться распространить крымское обязательство ненападения на Украину и включить в текст шертной грамоты новую титулатуру царя¹⁶. Это было важно в интересах безопасности и для признания воссоединения Украины с Россией. Правда, хан дал присягу в сохранении мира с Россией

(1 декабря), но по остальным пунктам последовал решительный отказ. Более того, крымцы внесли важные изменения в текст шертной грамоты сравнительно с обычным: центральная формула («будем недругу вашему недругом, а другу другом») приобрела взаимный и условный вид («И будет будете вы...»); появился совсем новый пассаж с обязательством русских не допускать нападений на крымские и турецкие земли со своей территории — речь шла о донцах и украинцах. Грамоту вручили «в неволю», и послы покинули Крым¹⁷.

Окончательным политическим фактом стал крымско-польский союз. Татарские силы участвовали уже в зимнем походе на Украину 1654/55 г. Русско-украинской дипломатии не удалось добиться поддержки или хотя бы нейтрализации ханства в конфликте с Речью Посполитой, он не стал локальным. Переяславский акт и достижения царских армий во второй половине 1654 г., как уже отмечалось, означали столь кардинальное изменение соотношения сил в Восточной Европе, определенного равновесия между Россией и Речью Посполитой, которое всегда с выгодой использовал и потому поддерживал Крым, наносили такой сильный удар по самым основам агрессивной политики крымских феодалов, что достижение указанной цели стало невозможным. В этом секторе варшавский двор сумел решить поставленную задачу, хотя и не полностью, так как бахчисарайские деятели предпочли поэтапный путь осуществления своих целей, наметив сначала нападение на Войско Запорожское и лишь в будущем — на Россию. Крымцы уклонились от прямой конфронтации с нею, ограничили масштабы помощи Яну Казимиру¹⁸ и поле совместных операций только Украиной, где не было значительных царских отрядов, и не затрагивали собственно русские земли. Разрыва между ханством и Россией не последовало, дело свелось к своего рода местной войне. Эта двойственность крымской политики понятна в условиях русских успехов, которые очень пугали татар, боявшихся нападения на Крым¹⁹. Но размеры этих успехов слишком сильно противоречили коренным интересам татарской знати, отсюда и большая жесткость крымцев при переговорах с царскими посланцами в ноябре-декабре 1654 г. (вспомним вопрос о донцах или случай с шертной грамотой)²⁰. Налицо дипломатическое давление и подготовка предлога для возможной в будущем войны с Россией. Достаточно осторожная линия

во взаимоотношениях с ней, избранная в Бахчисарае, была конъюнктурной. Но объективно это улучшало положение России в данный момент.

Союз с Крымом явился важнейшим и, может быть, единственным успехом внешней политики Речи Посполитой²¹. Он сказался (к выгоде поляков) уже летом — осенью 1654 г., еще более — в следующем году, особенно в период «потопа»²². Но с точки зрения польских национальных интересов новый союз имел и негативные стороны: за него платили безнаказанностью татарских грабежей на польских и украинских землях, что вело к дальнейшему всестороннему ослаблению страны; договор не был соглашением текущего порядка, наподобие предложенного в Бахчисарае Т. Г. Хотунским, а носил значительно более широкий характер, в немалой мере определяя внешнеполитический курс Речи Посполитой. Последнее не только усиливало позиции наиболее воинственных кругов польского правящего класса, затрудняло осуществление более умеренных программ, но и лишало дипломатию государства необходимой гибкости. Отрицательные последствия такого положения проявились уже в ближайшем будущем, да и позже. Расчеты на решение украинской проблемы с помощью татар зимой 1654/55 г. привели к замедлению польско-шведских переговоров, к отклонению нескольких предложений посредничества с Россией и Войском Запорожским²³. Это ухудшило дипломатическую обстановку для Речи Посполитой и способствовало приближению тяжелых событий «потопа».

Со своей стороны русско-украинские политики мобилизовали антикрымские факторы: донских казаков и калмыков²⁴.

* * *

Важной задачей варшавско-бахчисарайской дипломатии была попытка заставить три княжества оказать военную помощь Речи Посполитой в преддверии контрнаступления зимой 1654/55 г. В конце сентября — ноябре 1654 г. осуществления этой цели добивался польский посланник чашник хелмский Я. Шумовский, но в Алба-Юлии не имел успеха. Таким же был результат усилий крымских феодалов: ни переговоры в Бахчисарае с представителями князей в 20-х числах октября, ни посольство к ним Сулеймана-аги в декабре 1654 — январе 1655 г. не привели к желаемому результату²⁵.

В конце августа 1654 г. Б. Хмельницкий узнал об отказе Дьердя Ракоци II и Константина Шербана выслать какие-либо силы против Украины и их желании наладить с ней связи. Поэтому гетман отправил к трансильванскому князю корсуньского писаря И. Креховецкого с предложением не помогать Речи Посполитой. Судя по некоторым данным, имелось в виду заключить союз против нее²⁶. Дьердь Ракоци II проявил осторожность и запросил Порту, как ему действовать, отослав Яну Казимиру копию гетманского письма. Но суть его шагов заключалась в ином: еще до получения указаний из Стамбула он выслал ответное посольство в Чигирин с заверениями в дружбе, а в Варшаве только выяснял, хотят ли там его посредничества с Украиной²⁷. Таким образом, в это время князь придерживался благожелательного к Украине нейтралитета — линия, наметившаяся раньше и закрепленная после русских успехов в войне.

Обращает на себя внимание, что со второй половины 1654 г. трансильванский князь начал осуществлять кое-что из предложений Я. Радзивилла в его меморандуме, например зондаж о посредничестве, идею наладить связи со шведским двором. Не без влияния Я. А. Коменского, около четырех лет работавшего в княжестве, эта идея переросла в план активизации дипломатических контактов с ведущими протестантскими государствами Европы и была реализована в трансильванском посольстве К. Шаума, в подготовке и осуществлении которого принял деятельное участие великий педагог. Я. А. Коменский видел в данной миссии шаг к достижению одной из главных своих политических целей — созданию обширного панпротестантского союза (с привлечением сил православной ориентации), а Дьердь Ракоци II просто использовал его всеевропейские связи для выяснения позиции ряда держав в условиях резкого обострения обстановки в Восточной Европе и приближающейся войны между Швецией и Речью Посполитой²⁸. Учитывая ухудшение положения последней, Дьердь Ракоци II, преследуя свою прежнюю цель стать преемником Яна Казимира, начал нащупывать наиболее опасные для Речи Посполитой пути к решению этой задачи — с опорой на внешние силы. Поэтому он отклонил предложения Я. Радзивилла о помощи Речи Посполитой в столкновении с Россией.

С началом войны наладились контакты между Константином Шербаном и Украиной. Во второй половине

июля 1654 г. под Фастовом появилось посольство во главе с Д. Ломским, заверившее Б. Хмельницкого и царских представителей в желании господаря поддерживать дружбу с Войском Запорожским и Россией и даже перейти в русское подданство²⁹. Такие заявления воевода Константина делал и позднее³⁰. Действительно, есть сведения, что он отклонил польские просьбы о присылке войск против Украины и аналогичные обращения Георгия Штефана, заявляя, что предпочитает держаться нейтралитета³¹. Эта позиция неприсоединения к польско-татарскому вторжению на Украину, подобно сходному образу действий Дьердя Ракоци II, в конкретной обстановке конца 1654 — начала 1655 г. была на руку Украине и России. Поэтому Б. Хмельницкий постарался развить столь успешно начавшиеся отношения с Валахией³².

С точки зрения русско-украинских интересов наиболее «слабым звеном» из трех княжеств по-прежнему было Молдавское. Политика Георгия Штефана оставалась двойственной и более благоприятной для Речи Посполитой; только он окказал ей небольшую военную помощь в зимнем походе 1654/55 г.³³. Но контакты Москвы и Чигирина с ним не прервались по тем же причинам, что и ранее. Получив от И. Григоре подробные сведения о скором выступлении крупных русско-украинских сил, господарь не только немедленно написал об этом королю³⁴, но и направил посла к Б. Хмельницкому. М. Чиоголя должен был заверить гетмана в дружественном отношении воеводы и, судя по некоторым данным, поставить на обсуждение вопрос об организации союза между ними³⁵. Очевидно, были получены определенные результаты, так как Б. Хмельницкий решил послать в Яссы миссию во главе с есаулом Д. Лисовцом. В молдавской столице было достигнуто соглашение, одним из элементов которого стало обещание Украины помочь княжеству в случае нападения татар; предполагалось, что Георгий Штефан вышлет в Москву посольство для обсуждения вопроса о переходе в русское подданство. Все это молдавский воевода подтвердил специальной миссией к украинскому гетману, информировал и царя (в середине августа — первой половины сентября)³⁶.

Политика господаря летом — в начале осени 1654 г. определялась двумя главными обстоятельствами: во-первых, неясностью дальнейшей внешнеполитической позиции Крыма после смерти Ислам Герея, а в связи с этим

боязнью казацко-татарского похода в Молдавию и, вторых, русскими успехами в войне³⁷. Воевода желал сохранить дружественные отношения с Речью Посполитой, поэтому попытался в середине октября выступить как посредник между нею и Украиной³⁸. В Москве расценивали позицию Георгия Штефана в данное время как вполне благоприятную — это следует из попытки в октябре 1654 г. продолжить линию, намеченную еще посольством Г. Ф. Семёнина, и либо нейтрализовать, либо даже привлечь на свою сторону трех князей³⁹. Но в условиях окончательного оформления польско-крымского союза попытка оказалась неосуществимой. В частности, молдавский воевода снова изменил ориентацию, прервал контакты с Б. Хмельницким и в январе 1655 г. прислал Яну Казимиру помочь. Таким образом, во второй половине 1654 г. политика Георгия Штефана не изменилась, что объяснялось и сохранившейся непрочностью его положения⁴⁰. Он маневрировал между борющимися лагерями, что вынуждалось обстоятельствами, но в большей мере поддерживал Речь Посполитую. Но, характеризуя в целом политику трех княжеств, можно констатировать, что под воздействием в первую очередь русских успехов в войне надежды варшавского двора получить отсюда значительную помощь войсками не оправдались, а план привлечь княжества к крымско-польскому союзу потерпел фиаско. Это ослабило силу польского удара на Украине зимой 1654/55 г., в нелегкий для казаков момент, когда царские армии переформировывались⁴¹. Русско-украинской дипломатии удалось почти полностью решить задачу нейтрализации трех княжеств.

2. Шведские политики на перепутье⁴²

Будущее положение в Восточной Европе определялось не на «южном», а на «западном» фланге, т. е. позицией Швеции. Внутренняя обстановка в стране, прежде всего в связи с вопросами о финансах и редукции, оставалась острой. Правда, Карл X осуществил ряд частных мер с целью стабилизации положения и ослабления напряжения внутри государства; готовились материалы для осуществления редукции. Одновременно росли темпы военной подготовки⁴³, энергично старались решить спор с Бременом. Информация, поступавшая от генерал-губернатора прибалтийских провинций Г. Горна, говорила о русских

успехах и весьма слабом сопротивлении польско-литовских войск в Белоруссии⁴⁴.

Для суждения о шведской политике летом — ранней осенью 1654 г. историки располагают рядом данных. Уже отмечено нежелание признать новые титулы царя (распоряжения от 10, 20 июля, 3, 14 августа). Так проявилось определенное недовольство достижениями русских⁴⁵. Письма Карла X Г. Горну от июля-августа 1654 г. показывают, что король опасался приближения войны к шведским владениям, считал важным внимательнейшим образом следить за дальнейшим развитием событий и быть на готове, в частности перевести отряды из Финляндии в Лифляндию и Эстляндию (начато с середины августа — первых чисел сентября). Но эти мероприятия носили оборонительный характер⁴⁶.

За рубеж для сообщения о перемене на троне были направлены несколько миссий, каждая из которых преследовала и конкретные политические цели. В Варшаву поехал комиссар в Гданьске Ю. Кок⁴⁷. Он должен был указать на дружественное отношение стокгольмского двора, уверить в этом и влиятельных лиц, зондируя одновременно их склонность к Карлу X. Кроме того, в его задачу входило получить точное представление о русских успехах в войне, их влиянии на внутреннее и международное положение Речи Посполитой, оценить состояние польско-литовских боевых сил и их шансы на сопротивление при продвижении царских армий. Второй комплекс проблем был связан с возможными политическими шагами варшавского двора — рассчитывает ли правительство Яна Казимира на иностранную поддержку? В подобном ключе стоялся вопрос о польско-шведских отношениях: действительно ли в Варшаве желают прочного договора со Швецией, каковы могут быть его условия, готовится ли посольство в Стокгольм, когда оно может прибыть? Инструкция Ю. Коку свидетельствует о стремлении Карла X Густава к мирным переговорам с Речью Посполитой, но в ней намечена, пока еще пунктирно, линия связи с оппозиционными кругами.

Стокгольмские дипломаты подготовили миссию в Россию — ассессора Удда Эдла с уверениями в дружбе, сообщениями о подтверждении Столбовского договора 1617 г. (последнее было обычной процедурой при перемене на троне) и об отправке в следующем году, тотчас по получении царского ответа, полномочного посольства для за-

крепления существующих отношений⁴⁸. Курс короля по отношению к Русскому государству был тогда достаточно осторожен, выжидателен. В первую очередь Карл X хотел обезопасить себя с этой стороны от осложнений.

К ряду германских дворов поехали Х. Шлиппенбах⁴⁹, Г. Сноильский, Б. Оксеншерна⁵⁰. Посланцам надлежало обеспечить наиболее благоприятные внешнеполитические условия для Швеции в связи с бременской войной⁵¹, рассеять существовавшие опасения насчет расширения этого конфликта, организовать сотрудничество с другими дворами⁵².

В письмах Карла X Густава своему брату Адольфу Иоганну от 7 августа и 5 сентября содержались намеки на весьма скрытые «замыслы» и возможность «различных действий» весной 1655 г., явно имевшие в виду военные планы на востоке⁵³.

Итак, летом 1654 г. произошло изменение шведской внешней политики сравнительно с предшествующим временем, на передний план выдвинулся польско-русский комплекс. Это можно объяснить собственными политическими концепциями нового короля, но более всего определялось ходом войны на востоке. Заметны желание сохранить нормальные отношения с Россией и боязнь дальнейших ее успехов в войне (последнее отразилось в переписке с Г. Горном, в инструкции Ю. Коку). Налицо возросшее стремление к мирному урегулированию с варшавским двором. Причина, думается, прежняя: нежелание допустить чрезмерное усиление Русского государства за счет Речи Посполитой. Видимо, уже тогда Карл X подумывал о необходимости вмешательства в какой-то форме в русско-польскую войну ближайшей весной (в этой связи сейчас и в последующие месяцы важна была консолидация в германских делах), оно могло быть, вероятно, антирусским, но лишь как один из возможных вариантов. Переговоры с Варшавой были очень желательны, но оставалось неясным, какую цену согласился бы уплатить за договор польский двор. Поэтому в Стокгольме, как и ранее, готовились и к антипольской акции. Показательно, что Х. Шлиппенбах намекал в Берлине на приближение польско-шведской войны, желательность шведско-бранденбургского союза ценой уступки восточнопруссских портов или пошлин с них. Эти высказывания были его личной инициативой, но отражали какие-то расчеты и планы двора⁵⁴.

Итак, особое внимание к восточному сектору, военная

подготовка, поиски путей к сдерживанию России, к извлечению наибольших выгод из ситуации за счет Речи Посполитой, но и выжидание из-за невыясненности обстановки (ведь и русские успехи в тот момент не были еще велики), стремление поскорее разделаться с бременским конфликтом — вот основные черты шведской политики летом — в первые дни осени 1654 г.

На дальнейшее ее развитие существеннейшее влияние оказал ход боевых действий на белорусском театре войны в конце лета — осенью 1654 г. Карл X считал возможным, что после своих успехов царские армии могут вторгнуться в шведскую Лифляндию, требовал соответствующей готовности⁵⁵. Особое значение придали в Стокгольме разгрому литовских отрядов под Цецежином 24 августа и последующим достижениям русских войск. Получив известие о первом, король приказал Г. Горну продолжить перевод войск в шведскую Прибалтику, расположить свои силы близ границ с Россией позириая на реакцию Алексея Михайловича, хотя и осуществить эту операцию осторожно⁵⁶. Ничего не изменило сообщение риксмаршала об уклонении царских отрядов от вторжения в собственно Литву⁵⁷: очевидно, король хотел обеспечить безопасность Лифляндии и держать шведские батальоны ближе к месту событий.

Были предприняты и дипломатические шаги. 26 сентября Карл X послал Ю. Коку письмо, в котором ставилась задача выяснить перспективы мира между Россией и Речью Посполитой; узнать, нет ли опасности их объединения против Швеции; верно ли, что Речь Посполитая предпочла бы искать помощи в Стокгольме, чем договариваться с Москвой; можно ли и когда ожидать польского посла согласно с обещанием Г. Каназиля; каковы настроения различных кругов в стране в отношении Швеции⁵⁸? Правда, получив известие о первоначальном парочитом нежелании Яна Казимира принять Ю. Кока, Карл X отозвал своего посланца⁵⁹.

В октябре 1654 г. в Гданьск, Восточную Пруссию и Варшаву был направлен с миссией разведывательного характера секретарь коммерц-коллегии И. Мейер фон Лиленталь⁶⁰. Первая группа вопросов, которые поручалось выяснить ему, связана с проблемой дальнейших русских успехов: каковы цели московских политиков, хотят ли они только вернуть потерянные Россией в «смуту» земли или предполагают также пробиться к польским гаваням

на Балтике и к Двине либо даже приобрести всю Речь Посполитую? С нескольких точек зрения рассматривались перспективы выполнения указанных задач: каковы условия русско-украинского союза и военная ценность Войска Запорожского⁶¹; какую позицию займет Османская империя, не поможет ли она Речи Посполитой против России; последуют ли тогда за Портой Дунайские и Трансильванское княжества?

Второй вопрос, затронутый в инструкции И. Мейеру, касался возможностей самой Речи Посполитой: какова внутриполитическая обстановка в стране, есть ли ресурсы для дальнейшей обороны, намеревается ли в связи с этим варшавский двор уже теперь искать помощи вовне, если да, то у кого — у императора, Бранденбурга, Трансильвании или, может быть, у Швеции? В последнем варианте особое значение придавалось уяснению того, действительно ли Речь Посполитая склонна к мирному соглашению со Швецией, какие именно группы готовы к более энергичным усилиям в этом направлении — король и его партия или «сословия» — и когда приедет посол?⁶² Последний круг вопросов относился к вероятным политическим и военным шагам отдельных частей Речи Посполитой и некоторых ее соседей: не подумывают ли представители каких-либо ее воеводств и городов принять иностранную протекцию, чью именно, есть ли шансы на успех (особо выделен Бранденбург); важно определить, какую позицию займут Гданьск, Эльблонг и вообще Западная Пруссия в том «несчастливом случае», если царские армии захватят всю Речь Посpolitую, какие меры защиты примут тогда они, а также Восточная Пруссия, Бранденбург и Курляндия и какие силы они имеют?

Отмечу еще несколько существенных обстоятельств. 28 октября 1654 г. Карл X послал грамоту царю, в которой, наряду с обещанием не вмешиваться в русско-польскую войну и придерживаться благожелательной по отношению к интересам России линии, главным была просьба согласиться на нейтрализацию Курляндии в этом конфликте⁶³. Обращает на себя внимание длительная задержка с приемом посольства игумена Даниила и ответом ему⁶⁴. Этот факт некоторые историки связывают с антирусскими намерениями шведских властей, опираясь более всего на известную *словесную* инструкцию украинских политиков посланцу, одним из пунктов которой было обязательство Войска Запорожского в случае русско-шведской войны

помогать Карлу X⁶⁵. Однако подлинность этого документа давно поставлена под сомнение⁶⁶, а из мемориала И. Мейеру видно, что стокгольмские дипломаты не считали еще сделанные Даниилом предложения вполне реальными. Но для характеристики шведской политики осенью 1654 г. существенно, что миссия, которая имела антипольское острье, а теперь могла быть использована для зондажа, направленного против русских, не вызвала тогда отклика у Карла X.

И еще один важный момент: 22 октября 1654 г. король сделал первый решительный шаг к осуществлению редукции⁶⁷. Это было очень важно для урегулирования финансовых проблем, *conditio sine qua non* любого военного выступления.

Какой представляется шведская политика осенью 1654 г.? В Стокгольме серьезно считались с возможностью не только выхода русских войск к балтийскому побережью, но и полного разгрома Речи Посполитой, даже ее распада, которым могли воспользоваться и другие ее соседи, особенно Бранденбург (в инструкции И. Мейеру эти опасения звучат в полный голос). Таким образом, дело шло о нарушении планов Швеции обеспечить *dominium maris Baltici* и поставить здесь Россию в зависимое положение и, главное, о коренной перекройке восточноевропейской политической карты, резком усилении Русского государства, полном нарушении баланса сил. И все это при незавершенной военной подготовке шведов (говорю именно об оценке ситуации стокгольмским руководством, иной вопрос, насколько она отвечала реальности).

В таких обстоятельствах в основу избранного стокгольмским двором курса была положена подготовка армии и флота в кратчайшие сроки и обеспечение соответствующей финансовой базы. Усиливалась лифляндская боевая группировка в целях обороны и для возможного вмешательства в случае необходимости. В чью пользу оказалось бы шведское вмешательство и в какой форме его надлежало осуществить, не было еще ясно. Попытка нейтрализации Курляндии путем обращения к царю являлась лишь палиативом. Зато почти во всех анализируемых материалах заметно стремление и готовность к соглашению с Речью Посполитой. Это был один путь, который желали бы избрать шведские политики в качестве рецепта против угрозы усиления России за счет Речи Посполитой⁶⁸. Шведско-польский договор облегчал положение последней, ликви-

дируя для нее опасность борьбы на два фронта; ухудшал внешнеполитические перспективы для Русского государства, создавая, кроме того, базу для совместного противодействия обеих держав дальнейшему продвижению царских армий.

Планировался ли антирусский союз с Речью Посполитой? Шведские власти выясняли, желают ли в Варшаве получить военную помощь против России. Но ряд фактов свидетельствует о склонности Карла X сохранить нормальные отношения с последней. В октябре 1654 г. в Ригу к семье и для сбора «вестей» был на время отпущен шотландец на русской службе полковник Д. Китт. Он приехал в город 20 ноября, беседовал со многими высшими шведскими офицерами, включая Г. Горна. Содержание этих разговоров сводилось к следующему: Карлу X «не любо», что царь «поимал у поляков города многие», он опасается, что если в русские руки попадет вся страна, то «и Свейской земле будет тесно». Г. Горн высказал мнение, что Алексей Михайлович разорвет договор со Швецией, «как время придет». Он подчеркнул, что шведы не нарушают Столбовский мир: *если и дадут полякам войска в помощь, то «лишние», освободившиеся под Бременом, а ведь оружие всякое они русским продают.* Д. Китт тоже полагал, что король окажет Речи Посполитой военную поддержку «либо явно или тайно» (курсив мой.— Л. З.)⁶⁹. В цитируемом источнике очень выпукло отразились отмеченные выше основания шведской политики осенью 1654 г. Показательно и решение вопроса о помощи Яну Казимиру: она вероятна, но считается не антирусским актом, а проявлением своеобразного нейтрализма (вспомним несколько сходную позицию Швеции в англо-голландской войне), равнозначным поставкам оружия в Москву⁷⁰. Возможно, имелось в виду нечто вроде пакта о взаимопомощи с Речью Посполитой аналогично проекту 1652 г.

Но это одна сторона шведской политики. В документах, особенно в инструкции И. Мейеру, нашла отражение и вторая — антипольские расчеты⁷¹. Они объяснялись двумя причинами. Во-первых, хотя на самом деле шла речь о соглашении с Речью Посполитой, но только при получении от нее «выгодных пропозиций». Конкретное содержание их не известно, но некоторые данные в сохранившихся документах имеются. Так, в сообщениях Д. Китта говорилось, что за военный союз против России варшавский двор уступит шведам всю Лифляндию, лен на Кур-

ляндии и очень выгодное право сбора пошлин в Пилаве ⁷². Сходно излагались (без последнего пункта) шведские предложения, будто бы переданные Ю. Коком на тайной аудиенции Яну Казимиру ⁷³. Во-вторых, желание польского короля вести переговоры, тем более на шведских условиях, оставалось под вопросом.

Отсюда второй путь, учитывавшийся стокгольмскими политиками наравне с первым на случай новых польских военных неудач,— нападение на Речь Посполитую. Тогда предметом особых «забот» Карла X становились бы районы, примыкавшие к балтийскому побережью. На это указывают попытка нейтрализации Курляндии, усиление лифляндской армии, вопросы, которые надлежало прояснить И. Мейеру, о ресурсах и планах обеих Пруссий, Бранденбурга, Курляндии, близких воеводств Речи Посполитой. В том «несчастливом случае», когда царские войска без серьезного сопротивления начали бы продвигаться в пределы последней, шведские феодалы постарались бы прикрыть в первую очередь именно эти территории, может быть, и с согласия ихластей (отсюда, в частности, интерес к сепаратистским устремлениям ряда польско-литовских анклавов).

В документах для посланцев в Варшаву был важный пункт — требование выяснить отношение не только королевского лагеря, но и других групп правящего класса к Карлу X и возможному договору с ним, а в мемориале И. Йилиенталю не исключались уже самостоятельные действия отдельных регионов страны. Это свидетельствовало о поисках внутренней базы в Речи Посполитой. Такие поиски находились пока в стадии зондажа, но политическая направленность их ясна: они угрожали в первую очередь единству Польско-Литовского государства, хотя представляли опасность и для России. С октября — начала ноября 1654 г. антипольское направление в шведской политике укрепилось, но в целом курс ее оставался двойственным, не определившимся, скорее выжидательным, что диктовалось и полной неясностью обстановки. В этой связи важное значение приобретали донесения Ю. Кока и И. Мейера ⁷⁴.

Рапорты Ю. Кока поступили в первой декаде ноября ⁷⁵. В них сообщалось о трудном положении страны, подчеркивалось общее желание регалистов и оппозиционеров добиться соглашения со Швецией, чему противодействуют лишь король из личных интересов и клерикальные эле-

менты. По мнению Ю. Кока, «партия», стоявшая за дружбу со шведами, была сильнейшей. Видимо, позиция Яна Казимира не являлась категорически отрицательной: его секретарь Я. Хилбрандт высказался в общем позитивно о мирном разрешении споров и даже выдвинул мысль о военном союзе двух держав против России. Как считал Ю. Кок, в Варшаве желали получить помощь Швеции⁷⁶. В любом случае уже решили вскоре выслать в Стокгольм представителя. Посланец Карла X отозвался скептически о возможности польско-русского союза.

В декабре 1654 г. в Стокгольме получили донесения И. Мейера⁷⁷. В первом из них говорилось, что ситуация в Польше «сверх всякой меры очень плоха», крайне остры внутренняя борьба в правящем лагере, всеобщий характер имеет недовольство Яном Казимиром. Особо отмечались сеймики в Литве, где никто не поддерживал короля и даже обсуждался вопрос об отделении. Указывалось, что в западнопруссских городах «кажутся не несклонными» принять шведскую защиту (при русском наступлении)⁷⁸. Сообщалось о намерении польского короля отправить в Швецию послом влиятельного каштеляна киевского З. Горайского. Во втором рапорте внесено исправление: выслан А. Морштын с миссией предварительного характера. Ему надлежало добиться подтверждения соглашения о перемирии и выяснить условия мирного договора. Если бы они оказались подходящими, то для выработки окончательного текста намечалось послать З. Горайского. Из доверительных источников И. Мейер узнал о беседе между каштеляном киевским и королем, в которой последний проявил склонность к дружественному завершению споров со Швецией.

Неблагоприятные перспективы для Речи Посполитой при возобновлении военных действий на русском театре, борьба различных группировок, возможность сепаратных акций отдельных регионов страны, желание получить шведскую помощь, а в Западной Пруссии, может быть, и защиту, определенные шансы на достижение соглашения между двумя странами, хотя и явная медлительность Яна Казимира в этом плане,— вот что мог извлечь стокгольмский двор из донесений своих посланцев в Речи Посполитой⁷⁹. Не исключено, что Ю. Кок привез какие-то предложения, возможно неофициальные, об антирусском союзе⁸⁰.

Для выяснения реакции шведских руководителей об-

ратимся к сообщениям иностранных дипломатов из Стокгольма⁸¹. Императорский резидент Г. Плеттенберг отмечал⁸² беспокойство по поводу русских успехов и эвентуального нападения царских войск на шведские владения; это вызывало у Карла X склонность к «выгодному миру» с Речью Посполитой, послу которой он нетерпеливо ожидал. Следующим шагом мог быть союз против России с целью (для Швеции) настолько продвинуть свои границы, чтобы ликвидировать архангельский путь и добиться переноса русской торговли с Западом на Балтику. Бранденбургский резидент И. Добченский, сообщая об интенсивных военных приготовлениях в Стокгольме и настороженности в отношении русских, больше писал о враждебности к Речи Посполитой, возможности войны с ней (перевод отрядов в Лифляндию связывался и с такими планами), о «любви» шведов к восточнонемецким гаваням⁸³.

Наиболее информированным и близким ко двору являлся французский посол Ш. д'Авогур. Особено интересно его донесение о двух беседах с Карлом X в начале декабря 1654 г. Во время бесед король подчеркнул, что Речи Посполитой нечего опасаться шведов, требующих лишь признания статус-кво; когда француз указал на «московскую опасность», то эти слова, по его наблюдениям, «упали на добрую почву». Но Карл X назвал задержку с присылкой посла Речи Посполитой выражением несерьезного подхода варшавского двора к переговорам, добавив, что определит свои планы на основе сообщений, которые привезет посланник. В докладной записке кардиналу Ш. д'Авогур изложил информацию о планах шведов, переданную ему датским резидентом П. Юлем. Согласно этим данным, Карл X с беспокойством следил завойной между Речью Посполитой и Россией, двумя державами, одна из которых — его враг, а другая стала бы им в случае победы. Король носился с планом активного вмешательства, но не решил еще, на чьей стороне. Думали, что он хотел потребовать от Речи Посполитой признания прав Швеции на Инфлянты и Курляндию в обмен на военную помощь против России⁸⁴.

Все изложенные документы позволяют представить политику Швеции в момент завершения бременского конфликта (соглашение от 4 декабря 1654 г.), что усилило шведскую армию⁸⁵. Можно отметить черты, уже указывавшиеся ранее: боязнь дальнейших успехов русских войск в Речи Посполитой, готовность к соглашению с

нею. В этом смысле показательно заявление Карла X III. д'Авогуру, в котором планы короля увязывались с сообщениями ожидаемой польской миссии. Но заметно и другое: мир с Речью Посполитой, по мнению шведских феодалов, должен быть «выгодным» (добавим, в еще большей мере союз). Думается, это было главным для Стокгольма⁸⁶, а информация Ю. Кока и И. Мейера подкрепляла такой подход. Стремление шведских властей к договоренности с Речью Посполитой не означало готовности после урегулирования к широкой и тем более превентивной (в соответствии со схемой, предложенной Б. Кентржинским — А. Стаде) войне против России, о которой сообщал австрийский резидент, хотя она и не была исключена. Существовали, как отмечалось, менее обязывающие формы вмешательства в конфликт. В рассматриваемых источниках, особенно в донесениях И. Добченского, нашли отражение также антипольские настроения и планы шведских феодалов⁸⁷.

Обратимся теперь к материалам знаменитого декабрьского риксрода (17—22 декабря 1654 г.). Этот форум основательно изучен шведскими историками⁸⁸, поэтому изложим общие и спорные моменты. В функции риксрода не входило решать вопрос о войне, но практически его позиция во многом определила соответствующие постановления риксдага в 1655 г. Обсуждались три вопроса: вынуждает ли военно-политическая обстановка усиление боевой подготовки; связано ли форсирование вооружений прежде всего с восточноевропейским политическим кризисом, т.е. о курсе дальнейшей политики; уровень готовности армии и флота должен быть достаточным только для обороны или и для наступательных операций? Быстро и без особой полемики приняли положительное решение по первому вопросу. Два других были взаимосвязаны и получили одобрение на третьем заседании (21 декабря), когда был признан приоритет восточноевропейского комплекса перед имевшим немало сторонников проектом войны с Данией и наступательный характер подготовки⁸⁹. Поскольку король не участвовал в заседаниях, то о его планах в связи с обсуждениями можно судить по выступлениям риксканцлера Э. Оксеншерны и наместника П. Браге⁹⁰. В их мнениях немало общего: большое внимание к «русской угрозе»; возможность нападения на Русское государство; желательность соглашения с Речью Посполитой и помощи ей против России, но с обязательным отка-

зом ее от шведской части Лифляндии, от претензий Яна Казимира на трон Швеции и уступкой некоего «куска земли», не имевшего большого значения для Речи Посполитой, но важного шведам (формулировка П. Браге); готовность к выступлению против Речи Посполитой при ее нежелании удовлетворить эти притязания. Риксканцлер считал необходимым поставить ожидаемого вскоре А. Морштына перед альтернативой — либо поляки добровольно примут предложенные условия, либо их принудят к тому силой.

На последнем заседании Э. Оксеншерна огласил предложение короля: после подготовки боевых сил удовлетвориться ли уступкой Речи Посполитой по двум основным давним пунктам споров держав или добиваться *сверх того компенсации военных расходов*⁹¹ и *передачи какой-то территории в качестве гаранции безопасности на будущее* (явно сходство с мыслями П. Браге и канцлера, в этой части бесспорно выражавшими политику правительства)?⁹² Важно, что документ, который Г. Бонде оценил как шаг к войне с Речью Посполитой, одобрили не только риксканцлер и наместник, но приняли почти все члены риксрода, постановив быстрее сообщить его содержание А. Морштыну в ультимативной форме, предложенной ранее Э. Оксеншерной⁹³. Кроме того, Б. Шютте пазвал цену, которой следовало добиваться (речь шла о Западной Пруссии)⁹⁴.

22 декабря канцлер обронил несколько весьма знаменательных высказываний. Говоря о требованиях к Речи Посполитой, он подчеркнул, что после их принятия король *предоставит защиту и протекцию тем, которые о том попросят* (курсив мой.— Л. З.); указал на возможность того, что *кто-то обратится за шведской опекой или предложит союз, намекнул на склонность части польских подданных уже теперь принять протекцию Карла X* и сообщил, что из Дюнабурга к шведам поступила просьба о *войной помощи*⁹⁵. Факты эти правильно не интерпретированы. Их можно понять, обратившись к тем местам донесения И. Мейера от 14 ноября, в которых говорилось о сепаратистских устремлениях в Литве⁹⁶, о прошведских симпатиях в западнопруссих городах. Думается, и эти сведения имел в виду Э. Оксеншерна. *Намечаемые действия в первую очередь грозили целостности Речи Посполитой*. Имелось в виду опереться на внутренние силы в стране либо в *отдельных ее частях*, оппозиционные к Яну

Казимиру, готовые к самостоятельным действиям или шведофильтские: «защита», «опека», «протекция» имели в виду не только и даже не столько Речь Посполитую вообще, а преимущественно отдельные ее регионы — в полном соответствии с событиями «потопа»!

В этой связи показательно, что вскоре после риксрода Ю. Коку поручили съездить в Западную Пруссию⁹⁷, дабы выяснить, особенно среди шляхты, собирающейся на сеймики, следующее. Поскольку, по мнению авторов мемориала Ю. Коку, дело состояло так, что Речь Посполитая может быть ликвидирована либо объединенными русско-украинскими армиями, либо из-за внутренних противоречий, либо при сочетании этих факторов, то каковы намерения «сословий» и в особенности не склонны ли они искать шведской защиты? Если последнее реально, то посланцу поручалось агитировать за такой путь, гарантировать сохранение прав и привилегий магнатов, шляхты, городов и т. д.

Можно сделать вывод, что линия шведской политики, намеченная еще в инструкции И. Лиленталю, т. е. ориентация на внутренние силы Речи Посполитой, готовые по тем или иным причинам контактировать со шведами, со второй половины декабря 1654 г. под влиянием его сообщений и, видимо, другой информации, становилась реальностью. Теперь в Стокгольме считали, что такие силы есть, и начали предпринимать шаги для связи с ними.

Обращает на себя внимание изменение содержания депеш иностранных резидентов в шведской столице в конце 1654 — начале 1655 г. Г. Плеттенберг, отмечая по-прежнему недоверие стокгольмского правительства к России, указал, что вместо польско-шведского союза возможен шведско-русский, связав это с характером известий, которые привезет ожидавшийся варшавский посланник. Он сообщил Фердинанду III следующее: поскольку Карл X не уверен, что польский двор хотел бы «дать преимущества», то «решение [короля] еще не определено»⁹⁸. П. Юль, сообщив об оживленных разговорах о возможной войне с Россией, заметил, что это скорее грозит Речи Посполитой, если она добровольно не откажется от Инфлянт, Курляндии и Пруссии; в городах последней, по данным П. Юля, со времен Тридцатилетней войны есть шведские сторонники⁹⁹. Ш. д'Авогур передавал: Ян Казимир упустил очень хороший шанс договориться на приемлемых условиях с Карлом X во время бременской войны, когда

в Швеции боялись международных осложнений на западе; теперь существует значительное недоверие к польскому королю, которому инкриминируют попытки организации антишведского альянса с Россией¹⁰⁰. Налицо усиление антипольских настроений. Очевидно, именно так оценили *ведущее направление шведской политики* после риксрода зарубежные дипломаты в Стокгольме.

Такой вывод подтверждается и беспокойством берлинского двора в январе 1655 г. по поводу шведской угрозы¹⁰¹. В частности, отправленному в Варшаву посланнику В. Курцбах-Завацкому поручалось указать, что опасность нападения шведов на Речь Посполитую вполне возможна: курфюрст не считает, что Карл X обязательно использует трудное положение Речи Посполитой, но бесспорно, что король подталкивается к такому решению «многими одержимыми войной и нуждающимися в ней»¹⁰². Взятые сами по себе, эти факты не могут служить доказательством реальности приписываемых шведскому двору намерений, но в сочетании с другими, приведенными на предыдущих страницах данными, становятся убедительными.

В начале 1655 г. Карл X Густав и Э. Оксеншерна послали секретные письма генерал-губернатору Лифляндии риксмаршалу Г. Горну¹⁰³. Из этих документов следует, что важнейшей задачей стокгольмский двор считал интенсификацию военной подготовки в Швеции, в германских владениях, Лифляндии с целью создать возможность вмешательства в конфликт на востоке весной 1655 г.¹⁰⁴ В письме короля подчеркивалось, что дальнейшие планы будут детализированы и сообщены в Ригу после приезда в Стокгольм А. Морштина и переговоров с ним. Были намечены основы политики, которой следовало придерживаться до завершения этих контактов: наряду с усилением армии главным являлось обеспечение *всеми возможными способами* шведского контроля в балтийских районах. Первоочередное внимание надлежало уделить Курляндии, воеводству Инфлянскому, Литве¹⁰⁵. Г. Горну поручалось уверить герцога Якова в доброжелательности Карла X, постоянно наблюдать за ходом боевых действий вблизи Дюнабурга, изучать настроения в польских Инфлянтах и Литве, всячески поощрять и культивировать в них прошведские силы, но с большой осторожностью. Если оттуда поступят просьбы о каких-либо формах защиты от русских войск или протекции, то риксмаршал должен был прояв-

лять благожелательность и поддерживать литовские воеводства вплоть до весны (т. е. до момента готовности всех сил).

В письме Э. Оксеншерны сообщалось, что перспективы развития русской политики вызывают крайние опасения в Стокгольме, тем более что не приходится ждать сильного сопротивления Речи Посполитой. В этих условиях необходимо «не предоставить московитам большие преимущества, чем позволяет наша безопасность»¹⁰⁶ (курсив мой.—Л. З.). Конкретно пока риксканцлер полагал обязательным любыми средствами, вплоть до военного противодействия, помешать России закрепиться в Курляндии и вообще в приморских районах. Параллельно Г. Горну следовало вести переговоры с Курляндцией, Литвой и воеводством Инфлянским для выяснения их намерений, чтобы при случае взять под шведское покровительство тех, кто о нем попросит (в особенности Дюнабург); но по этой линии рекомендовалось действовать скрытно и с особой осторожностью, чтобы не раздражать русских. В целом ближайшей зимой Г. Горн должен был держаться оборонительно и лишь защищать наиболее важные территории, во всяком случае до завершения усиленной военной подготовки, особенно вербовок в германских землях. Э. Оксеншерна отметил, что в создавшейся обстановке король решил «добром или злом» поскорее внести ясность во взаимоотношения с Речью Посполитой¹⁰⁷; стокгольмские дипломаты считали весьма желательной договоренность с варшавским двором и надеялись хотя бы частично достичь ее при контактах с нетерпеливо поджидааемым А. Морштыном. Канцлер добавил, что есть шансы на взаимопонимание с Б. Хмельницким, чьи отряды оперируют в Белоруссии (влияние переговоров с игуменом Даниилом).

В этих письмах еще отчетливее прозвучали мотивы, напедшие отражение и в других рассматриваемых источниках, начиная с инструкции И. Лилиенталю: Речи Посполитой грозит разгром, в результате которого Россия может опасно для Швеции усилиться, поэтому необходимо вмешательство последней, но она еще не вполне готова в военном отношении. В таких условиях стокгольмский двор выработал план. Прямая интервенция намечалась на весну 1655 г., а до тех пор первостепенной задачей становилось противодействие *всеми средствами* возможному, по мнению шведских руководителей, прорыву царских

войск в приморские районы, а также осторожная поддержка прошведских сил в экономически взаимосвязанных с приморьем Литве и воеводстве Инфлянском.

Важным элементом плана были готовность и желание договориться с Речью Посполитой, ибо таким путем затруднялись дальнейшие успехи русских, но при непрерывных существенных уступках польского правительства в прибалтийских провинциях. Поэтому планируемое на весну вмешательство могло стать, в этом прав А. Стаде, антирусским, но еще более грозило Речи Посполитой, если она не капитулирует добровольно — намеченные контакты с отдельными ее частями являлись грозным и *вполне реальным* симптомом в отличие от гипотетического удара по русским. Последний мог осуществиться при достаточно определенных условиях: во-первых, если бы царские армии попытались закрепиться в Прибалтике; во-вторых, припомнив формулировки письма Э. Оксеншерны, когда русские добились бы чрезмерных, с точки зрения шведских интересов («безопасность» в данном случае только камуфляж), выгод за счет Речи Посполитой. Сферой своих притязаний шведы считали и Литву, и польскую Лифляндию, но не видно, чтобы из-за них могла тогда возникнуть русско-шведская война.

Резиденту в Берлине Б. Вольфсбергу было поручено выяснить возможности сближения двух государств в германских и иных делах¹⁰⁸. Следовало узнать, какую реакцию Бранденбурга вызовет дальнейшее продвижение русско-украинских армий в Литву и Польшу: будет ли курфюрст посредничать между противниками для достижения мира, ограничится ли он обороной Восточной Пруссии при приближении к ней царских сил, как развиваются его переговоры с Гданьском и Великой Польшей, намерен ли он взять их под свое покровительство в случае опасности от русских? В оценке положения данный документ сходен с рассмотренными прежде и развивает тезисы, вошедшие еще в мемориал И. Лилиенталю. Обращает на себя внимание интерес, проявленный к еще одной части страны — к великопольским землям.

Полным ходом шла военная подготовка Швеции, Карл X наметил созыв риксдага¹⁰⁹. 30 декабря 1654 г. и 2 января 1655 г. были подтверждены привилегии светских феодалов, но без важнейшей для них привилегии 1644 г. Видимо, к началу 1655 г. относилось несколько разработанных королем проектов редакции¹¹⁰. Таким

образом, готовилась финансовая база для военной активности.

Политику Швеции поздней осенью 1654 — в начале 1655 г. на основе всех рассмотренных данных можно охарактеризовать следующим образом. В Стокгольме очень серьезно считались с возможностью полного разгрома и распада Речи Посполитой при скором возобновлении русско-польской войны. Результатом стало бы значительное усиление России и других польских соседей (особенно Бранденбурга) к невыгоде шведских феодалов. Поэтому было решено подготовиться к возможному вмешательству в конфликт весной 1655 г. Отсюда интенсификация боевых приготовлений, стремление решить внутренние проблемы, что было необходимо для финансирования будущей войны. Но и сейчас шведская политика не была еще твердо нацеленной в одном направлении. Налицо три главных стороны ее. Во-первых, явное желание заключить мирное соглашение с Речью Посполитой¹¹¹ (возможен был и союз двух держав в той или иной форме), но ценой немалых уступок Польско-Литовского государства на Балтике (точный масштаб их не ясен, но, видимо, речь шла о воеводстве Инфлянском, а также в разных формах о Курляндии, обеих Пруссиях). Таким путем достигалось бы несколько целей: делался новый шаг к *dominium maris Baltici*; шведские армии освобождались для действий в иных направлениях; ликвидировалась опасность войны на два фронта, которой в Стокгольме очень хотели избежать; Речь Посполитая могла сконцентрировать свои усилия на борьбе против русско-украинских войск и предотвратить их дальнейшие успехи; создавалась основа, если бы предыдущий пункт не привел к желаемому результату, для непосредственной интервенции шведов в русско-польский конфликт — прямо или косвенно. Однако бесспорно, что Речь Посполитая и в очень тяжелом положении не могла бы удовлетворить такие притязания без потери своего статуса великой державы.

Вторая сторона политики Швеции заключалась в антирусских планах. Они могли стать реальностью при попытках царских армий закрепиться в приморских районах и в случае крупных завоеваний России в Речи Посполитой. В таком варианте был возможен польско-шведский союз, в котором стокгольмское правительство добивалось бы осуществления одной из важнейших задач своей торгово-экономической политики — переноса русской коммерции

с Западом на балтийское побережье под шведский контроль (не исключено, что и с захватом необходимых для этого земель в России).

Но шансы на достижение приемлемой для шведов договоренности с Варшавой оставались неопределенными. Именно потому постоянно существовала третья сторона шведской политики, нацеленная на выступление против Речи Посполитой. Данный план предусматривал захват прежде всего районов, которые составляли сферу интересов шведских феодалов и находились, по их мнению, под угрозой занятия русскими войсками. В этом случае важное значение приобретали поиски внутренней базы в Речи Посполитой, тех групп населения, воеводств, городов, с которыми можно было договориться о предоставлении «защиты» и «протекции». При успехе достигался двойной результат: брались под контроль искомые земли и не пускались в них русские. В этом смысле первая половина декабря 1654 г. стала гранью: поступила информация, что такая база, притом достаточно сильная, есть. После риксрода предприняли практические шаги для установления подобных связей (вторая поездка Ю. Кока; в письмах Г. Горну от начала 1655 г. тоже имелись указания на этот счет). Да и постановления риксрода по польскому вопросу, как и соответствующие места в письме Э. Оксенщерны от 5 января 1655 г., с их ультимативным характером и желанием «добром или злом» добиться принятия своих требований, говорят сами за себя¹¹². Именно поэтому берлинский двор и иностранные дипломаты в Стокгольме в конце 1654 — начале 1655 г. считали антипольское направление ведущим в шведской политике. Вероятно, это было некоторым опережением событий, но тенденция подмечена верно.

3. Речь Посполитая в начале войны с Россией

С осени 1654 г. главной задачей королевского лагеря стала подготовка крупного контрнаступления на Украине и в Белоруссии. С успехом этой операции связывали военные и политические расчеты, в частности надеялись таким путем обеспечить более выгодные позиции при переговорах с Карлом X¹¹³. Хотя польский королевский двор получил менее широкую поддержку из-за рубежа, чем надеялся, он в такой степени рассчитывал на удачу, что не использовал летом 1654 — в начале 1655 г. несколько

предложений посредничества: с Украиной — Георгия Штефана в октябре и Дьердя Ракоци II в декабре; с Россией — бранденбургского курфюрста (дважды, второй раз через В. Курцбах-Завацкого) и императора. В частности, в Варшаве резиденту Фердинанда III заявили, что союз с Крымом дает шансы на крупные успехи в войне с Россией и возвращение всего потерянного¹¹⁴. В любом случае нежелание Яна Казимира обратиться к посредничеству других стран, особенно при нараставшей шведской угрозе, являлось по меньшей мере дипломатической «неуклюжестью».

В польско-литовском правящем стане не было полного единодушия в вопросе о приоритете курса на войну. Все хотели вернуть отданное, но более трезво мыслящие деятели реальнее оценивали перспективы успеха. Сказанное особенно относилось к литовским феодалам вообще и к их лидеру Я. Радзивиллу в первую очередь. Княжество уже стало ареной борьбы и при следующем ударе царских армий подвергалось особой опасности. И до поражения под Цецежином, и тем более после него, в Вильно считали необходимым прежде всего присылку значительных подкреплений из Короны, набор новых отрядов, решение проблемы финансирования войска¹¹⁵. К концу года эти условия были выполнены. Правда, король старался преимущественно об увеличении сил, находившихся под контролем его сторонника гетмана польского В. Госевского, о сокращении в его пользу прерогатив Я. Радзивилла. В итоге отношения между гетманами, как и двора с виленским воеводой, крайне обострились, а литовская армия осталась разделенной¹¹⁶.

Регалисты полагали, что скорое наступление коронного войска на Украине вместе с вторжением татар в Россию отвлечет русских и казаков от операций в Литве, без чего надежд на успешное сопротивление было мало¹¹⁷. Но большинство литовских магнатов относилось, видимо, скептически к действенности таких мер, что объясняет фактический бойкот ими предложений Яна Казимира. Король отреагировал известной «протестацией» (от 19 сентября 1654 г.), содержащей серьезные обвинения в адрес ведущих литовских политиков. Последовал ответ, контрответ, разгорелась оживленная публицистическая баталия с участием литовских гетманов. Она не улучшила ни взаимоотношения сторон, ни перспективы обороны Речи Посполитой¹¹⁸.

Какую программу действий предлагали оппозиционеры (материалы о ней не проанализированы до сих пор в комплексе)? В центре ее стояли переговоры с Войском Запорожским, во всяком случае для биржанских Радзивиллов. Так, Б. Радзивилл видел спасение не столько даже в союзе с татарами, сколько в урегулировании с их помощью отношений с Украиной, пусть и на невыгодных условиях, с последующими совместными действиями против России¹¹⁹ — план, который желали осуществить и крымские политики. Очевидно, уже в начале сентября 1654 г., т. е. до возникновения «протестации», Радзивиллы наметили соответствующие практические шаги для организации связей с Крымом и Украиной. Известно, что князь Януш установил какие-то контакты с Бахчисарайем¹²⁰. Одновременно виленский воевода отпустил к Б. Хмельницкому полковника А. Ждановича, послав вместе с ним подчашего стародубского Г. Куницкого¹²¹. Главное предложение заключалось в достижении соглашения между Речью Посполитой и Украиной на основе Белоцерковского договора 1651 г.¹²² Настойчиво проводилась мысль о необходимости отстранить от переговоров царских представителей и, напротив, обязательно привлечь Крым, чем следовало заняться Б. Хмельницкому¹²³. Гарантами выполнения мирных условий становились хан и Дьердь Ракоци II, а роль заступников казаков, православия, персональных интересов украинского гетмана¹²⁴ во всем, что выходило за рамки белоцерковских постановлений, брали на себя биржанские Радзивиллы. Предполагалось значительно увеличить численность казацкого реестра, в том числе иметь полки в Белоруссии для поддержки в случае нужды литовских магнатов¹²⁵.

При осуществлении намеченного, как и в предшествующих проектах князя Януша, практически появились бы на свет польско-татаро-украинский союз, нацеленный против России, и украинско-литовская лига, направленная на усиление роли данной группы феодалов во внутренней жизни Речи Посполитой. Построения Я. Радзивилла были ориентированы на восток, против русских, и на запад, по линии борьбы с его политическими противниками в Речи Посполитой, и не отличались реализмом¹²⁶. Не исключено, впрочем, хотя прямых свидетельств такого рода нет, что задача-минимум посольства Г. Куницкого при невозможности достичь основных целей заключалась в попытке поискать пути к соглашению с Москвой. Есть некоторые, правда не

вполне доказательные, сведения о жёлании виленского воеводы избрать такой вариант¹²⁷.

Но, может быть, более правильное представление и об этой стороне политики Я. Радзивилла дадут его предложения *об условиях дальнейшего ведения войны с русскими*, переданные королю и сенаторам, собравшимся на конвокацию в Гродно (конец октября 1654 г.). Они состояли из двух частей — военной и политической. Главной целью первой было помешать разъединению литовской армии на две группы, находившиеся под самостоятельным руководством. Во второй части выдвигалось несколько идей, как мне кажется, образующих единый комплекс: гетман предлагал продолжить переговоры с Украиной, попытаться заключить перемирие с царем при бранденбургском или курляндском посредничестве и осуществить военный союз со Швецией¹²⁸. Ход мыслей Я. Радзивилла ясен: сохранились еще надежды на договоренность с Украиной, а если нет, то важно было хотя бы выиграть время путем переговоров с нею и перемирия с Россией. Кроме боевой подготовки, время было необходимо для осуществления третьего, возможно, важнейшего компонента плана гетмана — урегулирования со Швецией либо даже альянса с нею с бесспорно антирусской направленностью¹²⁹.

Исследователям давно уже известны упоминания в источниках о вероятных контактах виленского воеводы со Стокгольмом во второй половине 1654 г.¹³⁰ Не исключено, что намеки такого рода на декабрьском риксроде имели в виду и Я. Радзивилла, хотя его имя там не упоминалось. Но нет реальных доказательств сепаратистских устремлений в политике гетмана, которая, имея в виду все изложенное, учитывала не только его личные цели, но и интересы Речи Посполитой. Показательно, что некоторые из его рекомендаций, сообщенных в Гродно, регалисты приняли. Это стало одной из причин участия его отрядов в зимнем контрнаступлении 1654/55 г.— наряду с провалом идеи переговоров с казаками и расчетами на крупный успех польско-татарских сил на Украине¹³¹.

Линии на урегулирование отношений со Швецией, с уступками в вопросе о «правах» Яна Казимира держался не только Я. Радзивилл, к ней склонялись и другие деятели; сам король проявил в начале осени 1654 г. беспокойство по поводу шведских намерений¹³². После отъезда Ю. Кока рада сената постановила выслать представителя в Стокгольм для зондажа возможности и условий антирус-

ского альянса. Предполагалось, что позже мог быть направлен посол с целью заключения прочного мира ценой отказа от потерянной в прошлом части Лифляндии и королевских претензий на шведский трон¹³³. Но лишь в Гродно под давлением сенаторов Ян Казимир решился сделать давно требуемый от него шаг, отправив в шведскую столицу А. Морштына. Эта миссия имела, однако, предварительный характер. Посланцу надлежало склонить Карла X к союзу против России, сообщить, что Речь Посполитая готова к соглашению об отказе от шведской Лифляндии и «прав» Яна Казимира на Швецию, лишь бы ей помогли в возвращении Украины и Белоруссии, выяснив заодно, на какую компенсацию может рассчитывать дом Ваза за отречение от шведской короны и титула. При отказе стокгольмского правительства предоставить поддержку против России А. Морштыну следовало в первую очередь обеспечить Речь Посполитую от опасности нападения Швеции, как и от русско-шведского союза. Для этого он мог начать вступительные переговоры о «вечном мире» либо подать надежду на соглашение типа пакта взаимопомощи двух держав против любых врагов¹³⁴.

С учетом шведской политики ясен заведомо нереалистический характер задач, поставленных перед посланником. Не удивительно, что его миссию называли в Речи Посполитой простой демонстрацией благих намерений короля для успокоения сенаторов и Я. Радзивилла в преддверии наступательных операций¹³⁵. Избранным путем невозможно было добиться даже того, что, видимо, считали желательным Ян Казимир и его партия — получить отсрочку, временно предотвратить шведскую опасность. Причина такого курса, оказавшегося в итоге фатальным, — расчеты на крупный военный успех на Украине, который привел бы к резкому улучшению военной конъюнктуры и к усилению польско-литовских позиций в будущих переговорах со Швецией¹³⁶.

Зимний контрудар 1654/55 г. был подготовлен Речью Посполитой более или менее основательно для тогдашних ее возможностей, хотя и был ослаблен по обстоятельствам, изложенным выше. Тем важнее оказался его фактический провал, определившийся в первые месяцы 1655 г. и объясняемый ожесточенным сопротивлением польско-литовским армиям на Украине и в Белоруссии. В обеих областях не удалось сколько-нибудь существенно потеснить противника, а каждый шаг вперед давался с большим тру-

дом и немалыми потерями. В результате к скорому выступлению основных русских сил Речь Посполитая оказалась недостаточно готовой¹³⁷. Не случайно громче зазвучало требование умиротворения с Россией¹³⁸, но обстановка для этого была теперь гораздо менее благоприятной, чем раньше. Реальной сделалась шведская угроза, активизировалась оппозиция, хотя и в скрытой форме. К весне 1655 г. положение Речи Посполитой по всем параметрам стало много хуже, чем в середине минувшего года¹³⁹.

4. Новая расстановка политических сил

Начиная войну с Речью Посполитой, царский двор стремился к максимальной локализации конфликта в западном и южном секторах своей политики, желая видеть его двусторонним столкновением, по возможности изолированным от вмешательства других государств, ориентируясь на нейтрализацию последних. В применении к Швеции и Крыму такая линия объяснялась состоянием отношений России с ними и русскими планами предстоящей войны (второе касается Швеции). Отсутствие союзников было неблагоприятным для Русского государства фактором. В феврале-марте 1654 г. первоначальный курс подвергся изменению: царская и украинская дипломатия попыталась получить поддержку Крыма в приближающейся борьбе. Это объяснялось причинами тактического свойства: соответствующим предложением Ислам Герея и особенно надеждой помешать намечавшемуся сближению ханства с Речью Посполитой. Когда поставленная задача оказалась невыполнимой, московский двор вернулся к основной политической линии, добиваясь нейтралитета Крыма.

Цели войны, поставленные царским правительством, предусматривали воссоединение Украины и Белоруссии с Россией, включая белорусскую часть бассейна Западной Двины, т. е. района, который экономически и стратегически был тесно связан с Прибалтикой. Следовательно, в порядок дня ставилось улучшение позиций Русского государства на балтийской периферии, а с ним возрастали шансы на более благоприятное для России решение балтийского вопроса в перспективе. Поэтому русские дипломаты не предприняли никаких шагов для организации антипольского союза со Швецией, хотя были хорошо осведомлены о напряженных взаимоотношениях двух стран.

А возможность шведского вмешательства в войну не рассматривалась, видимо, тогда московскими политиками вполне серьезно из-за сложного положения Швеции. Поэтому, вероятно, они сочли возможным действовать сразу в нескольких направлениях. Но в Москве понимали, насколько операции русских сил в данном районе затрагивают интересы шведских феодалов и проявляли особую осторожность в продвижении здесь, в том числе в воеводстве Инфлянском. Это показывает, что Алексей Михайлович старался избежать противоборства со стокгольмским двором.

Политика Речи Посполитой в 1654 — начале 1655 г. ориентировалась в первую очередь на военное решение украинского вопроса, с чем королевская партия связывала и иные расчеты, в том числе на усиление своих позиций при переговорах со Швецией. С таким курсом был взаимосвязан план организации лиги с участием Крыма, Трансильванского и Дунайских княжеств, нацеленной против России и Украины. В Варшаве полагали, что при успехе удастся восстановить допереяславское положение, отбросить русских и лишь после этого приступить к разрешению шведского вопроса в условиях, когда легче будет добиваться осуществления своих требований. Регалисты надеялись, что внутренние трудности Швеции и бременская война не позволят ей разрубить узел противоречий с Речью Посполитой активным выступлением. Такой была политика Яна Казимира и его сторонников, но имелись и другие программы, выдвигаемые прежде всего оппозиционными элементами господствующего класса, в которых гораздо большую роль играли поиски мирного урегулирования с Украиной и Швецией, причем делались соответствующие практические шаги. Отсутствие единства в правящем лагере являлось одним из моментов, ставивших под вопрос осуществление намеченных целей.

Боевые действия в 1654 г. развивались неудачно для Речи Посполитой. Весенний рейд С. Потоцкого не принес успеха, во второй половине года была потеряна почти вся Белоруссия, а попытка контрнаступления там и на Украине зимой 1654/55 г. не дала ощутимых результатов. Тем важнее был исход дипломатической схватки между противниками в ряде европейских столиц, зависевший не только от активности их агентов, но преимущественно от политики соответствующих стран. Государства Западной, Центральной, частью и Северной (Дания) Европы, за-

тронутые этой борьбой, неодинаково отнеслись к русско-польскому конфликту, но по разным причинам уклонились от активного вмешательства в него и, по сути дела, оказались нейтрализованными, как и Трансильванское и Валашское княжества. Таким образом, цель, поставленная двором Алексея Михайловича, была достигнута. Но этот успех оказался далеко не полным, ибо Крым и Швеция все-таки втягивались в столкновение. Раньше это коснулось ханства. Комплекс отношений, установленный Переяславским актом, и успехи царских армий в Речи Посполитой усиливали Россию, нарушали выгодное Крыму примерное равновесие сил в Восточной Европе, которое позволяло ему осуществлять грабительские походы на земли своих соседей, что было важно для татарских феодалов в экономическом и внутриполитическом отношении. Поэтому в данном районе кардинально изменилась расстановка политических сил в неблагоприятном для русско-украинской стороны направлении: место крымско-казацкого антипольского союза заняла лига между ханством и Речью Посполитой; направленная против России и Украины. Эти изменения произошли в июне-июле 1654 г., но окончательно установились в октябре-ноябре при новом хане. В таком повороте свою роль сыграла и позиция Порты, формально оставшейся нейтральной, но фактически более благожелательной в это время к Речи Посполитой. Важными элементами крымской политики стало стремление сорвать, а позже разбить русско-украинское единство и избежать войны на два фронта, открытого разрыва одновременно с Москвой и казаками. Это заставило Бахчисарай маневрировать, привело к неполному функционированию польско-крымского альянса, облегчило положение русских. Данный союз не стал многосторонним соглашением с участием и трех княжеств, так как Дьердь Ракоци II и Константин Шербан держались курса, близкого к нейтралитету.

Решающее значение для будущей обстановки в Восточной Европе имела позиция Швеции. Положение страны осложнялось внутриполитическим кризисом и бременской войной, чреватой значительными международными осложнениями на Западе. Поэтому в первой половине 1654 г. стокгольмские руководители проявляли осторожность в восточном секторе своей политики, выжидали и маневрировали, хотя уже тогда наметились некоторые из основных ее направлений, ставшие более отчетливыми после пере-

мены на троне и определявшиеся двумя главными фактами: противоречиями с Речью Посполитой и боязнью усиления России, нарушения баланса сил в Восточной Европе. Характерными были интенсификация боевых приготовлений, желание найти какое-то решение внутренних проблем (особенно редукция), от чего зависело и финансирование военных планов. Ход русско-польской войны ускорил развитие и усложнение наметившихся ранее тенденций шведской политики. С самого начала в Стокгольме серьезно считались с вероятностью неудачного для польско-литовских сил развития кампании, а с осени 1654 г.— полного разгрома Речи Посполитой, даже ее распада. Любая из названных возможностей приводила к резкому изменению соотношения сил в Восточной Европе, примерного равновесия между борющимися сторонами, отвечавшего шведским интересам. Именно эти обстоятельства, сходные с тем, что мы видели на южном фланге применительно к Крыму, стали во второй половине 1654 г. осью политики Швеции на Востоке. Не допустить подобного развития событий и одновременно извлечь максимум выгод из ситуации — вот чего желало стокгольмское правительство. Видимо, в конце лета — начале осени 1654 г. Карл X Густав запланировал возможность энергичного вмешательства в конфликт на ближайшую весну при условии неблагоприятного, с точки зрения Швеции, хода дел в Речи Посполитой. Намечалось несколько вариантов решения возникших проблем. Первый, чисто политический, заметен на всем протяжении 1654 — января 1655 г. и имел в виду мирное урегулирование с Речью Посполитой, возможно, и союз с ней в той или иной форме, но при обязательных и немалых ее уступках в балтийских районах. Такой путь дал бы шведам два основных преимущества: весьма затруднялись новые успехи русских и без усилий делался очередной шаг к dominium maris Baltici. Видимо, примерно с октября 1654 г. шведские политики начали определять масштаб этих уступок. Судя по некоторым данным, при возможных переговорах стокгольмские дипломаты добивались бы передачи Швеции всей Лифляндии, польского лена на Курляндию, может быть, и права сбора части пошлин в Пилаве (не говоря уже о безусловном отказе польских Ваз от претензий на шведский трон). В конце 1654 г. под влиянием неудач Речи Посполитой в войне с Россией, информации о заметных прошведских симпатиях в Польше и Литве, усиления позиций шведских

феодалов в связи с завершением бременского конфликта требования последних выросли. В Стокгольме заговорили об уступке Западной Пруссии и компенсации значительных расходов на армию и флот.

Второй вариант (он существовал и изолированно, и взаимосвязанно с первым в рамках польско-шведского альянса) заключался в планах войны с Россией. Такие планы могли стать реальностью при дальнейшем продвижении царских армий вглубь Речи Посполитой и в первую очередь при их попытке закрепиться на приморских территориях. Тогда шведские феодалы добивались бы, видимо, осуществления важнейшей части своей давней «Великой восточной программы», переноса русской внешней торговли с Западом в Прибалтику под шведский контроль (вероятно, и с захватом необходимых для этого земель). Но, в отличие от Б. Кентржинского — А. Стаде, я не вижу, чтобы путь противоборства с Россией имелся в шведской политике в данное время в качестве самостоятельной цели как четкий курс (тем более в виде превентивной войны).

Наконец, последний вариант ориентировался на столкновение с Речью Посполитой, которое казалось достаточно вероятным, ибо отсутствовала уверенность в готовности варшавских политиков принять те условия мира, которые хотели им продиктовать в Стокгольме. При таком развитии событий немалая роль отводилась контактам уже не с официальными польско-литовскими кругами, а с силами, склонными к сепаратным действиям. В перспективе это не исключало соглашения с Речью Посполитой в целом, но уже с оппозиционными Яну Казимиру группировками ее господствующего класса и на иных условиях. В данное время, очевидно, отсутствовала еще ясность, в какие конкретные формы выльются намеченные связи (упоминаются «протекция» на случай распада Речи Посполитой, союз, военная помощь и пр.). Это объяснялось также незавершенной подготовкой армии и флота, которая отодвигала возможность решительных шагов до весны 1655 г. При всех обстоятельствах предполагалось в разных формах взять под контроль отдельные части польско-литовской и прибалтийской территорий из тех, которые входили в сферу шведских интересов и могли, как полагали в Стокгольме, стать добычей русских (чаще всего в источниках упоминаются Курляндия, Западная Пруссия, воеводство Инфлянское, Литва, иногда — Восточная Пру-

сия либо ее порты). Это принесло бы ту выгоду, что затруднялся проход в них царских армий, а, с другой стороны, появлялись шансы удержать упомянутые земли в своих руках на будущее. Приблизительно с декабря 1654 — января 1655 г. данное направление в шведской внешней политике начало выдвигаться на первый план, в частности, из-за сведений о сепаратистских прошведских тенденциях в Речи Посполитой.

Но и в указанное время политика Швеции не имела четко выраженной направленности в какую-то одну сторону, а учитывала различные возможности, в том числе прямо противоположные, что объяснялось неопределенностью, невыясненностью обстановки в ряде важных аспектов. В частности, немало зависело от характера предложений, которые без нетерпеливо ожидаемый в Стокгольме А. Морштын. Локализация русско-польского столкновения оказалась невозможной не только на «южном» фланге, но и на «западном». А вот в чью пользу окажется шведское вмешательство, оставалось пока неизвестным. Но с учетом курса варшавского двора ряд элементов шведской политики уже во второй половине 1654 — начале 1655 г. нес конкретную угрозу не столько России, в планы которой не входило пока прорываться к Балтике (а до захвата Речи Посполитой тоже было далеко), сколько Польско-Литовскому государству. Оно подходило ко второй кампании войны с недостаточными боевыми силами, при внутренней разобщенности в правящем лагере, почти без союзников и при растущей шведской опасности.

¹ О политике ряда стран Европы в связи с началом русско-польской войны см. также гл. III.

² Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1974, с. 19—65; Rocznik białostocki, 1976, t. XIII, s. 93—100.

³ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия..., с. 52. Как и ранее, Посольский приказ постарался добиться признания нового титула шведским двором (грамоты от 13 августа), но без успеха. Никаких осложнений этот отказ тогда не вызвал (Шведские дела, 1654 г., № 1, л. 119—134, 140).

⁴ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия..., с. 45—47, 56.

⁵ См.: Вайнштейн О. Л. Русско-шведская война 1655—1660 годов: Историографический обзор.— Вопр. истории, 1947, № 3, с. 71; Он же. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в.— Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук, 1951, № 130, вып. 18, с. 180—183.

⁶ 11 июня 1654 г. русские полки заняли Невель, 27 июня — Полоцк, 5 июля — Дисну, 7 июля — Друю, 27 ноября — Ви-

тебск. В Москве понимали, насколько продвижение здесь царских войск беспокоило шведское правительство. См. царь Алексей — А. С. Матвееву, 2 февраля 1655 г. (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Наука, 1961, кн. 5, с. 641*).

- ⁷ Правильнее остановиться на этой осторожной формулировке, ибо нет никаких данных о планах прорыва русских армий к берегам Балтики в 1654 г. Напротив, тогда и даже в следующем году, в собственно Прибалтике русские военачальники проводили операции небольшими силами и потому без существенных успехов, явно учитывая вероятную реакцию стокгольмского двора. Утверждения о намерении Алексея Михайловича уже в то время бороться за возвращение позиций России на Балтике (см., например: *Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия..., с. 38*) не подтверждаются фактами. Лишь приближение Первой Северной войны изменило дело.
- ⁸ Об основных источниках и литературе по этим сюжетам см.: *Заборовский Л. В. Крымский вопрос во внешней политике России и Речи Посполитой в 40-х — середине 50-х годов XVII в.* — В кн.: *Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М.: Наука, 1979, с. 274, сн. 47.*
- ⁹ Инструкция М. Яскульскому от 6 августа 1654 г. (о дате ее см.: *Kubala L. Wojna moskiewska g. 1654—1655. Kraków, 1910, s. 389*); — Документы, с. 739—749. Инструкция ошибочно отнесена к первому посольству М. Яскульского в Крым в 1654 г.
- ¹⁰ *Kubala L. Wojna moskiewska..., s. 158, 390.*
- ¹¹ Польские дела, 1654 г., № 9, л. 59—61 (с датой 15 октября); *Грушевський М. Історія України-Русі. Київ: Пролетар, 1931, т. 9, 2-я пол., с. 956—957* (тексты всех грамот).
- ¹² Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 173—182; 1654 г., № 1, л. 30—32; № 3, л. 100—114, 117, 122—132.
- ¹³ Гонцы с этими грамотами отправились около 7 ноября, прибыли в Тулу 9 декабря (Крымские дела, 1654 г., № 11, л. 21—40).
- ¹⁴ Грамота гетмана — хану, 8 ноября 1654 г. (Документы, с. 396—398).
- ¹⁵ Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 158—160. По русским материалам присяга последовала 21 ноября. Ханский ярлык без даты (Документы, с. 768—771. Датировка слишком широка. Наиболее вероятна дата 22 или 23 ноября).
- ¹⁶ Такие задачи посольств вытекали в особенности из дополнительной царской грамоты от 14 октября 1654 г. (получена в Крыму 3 декабря). Она означала изменение политической линии русского правительства, стремление к нейтрализации ханства, а не к получению его помощи (Крымские дела, 1654 г., № 1, л. 10—25; № 2, л. 280—287).
- ¹⁷ Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 45, 156—157, 162, 165—168, 170, 183, 188—197; 1654 г., № 1, л. 41—55; № 3, л. 115—117; *Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891, с. 50—51, 139—140.*
- ¹⁸ Основные татарские орды во главе с ханом не двинулись с места, хотя их поддержка была очень важна для польской армии (см. Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 153—154; *Ojczyste spominki, t. 1, s. 127—128*). Это ослабило зимнее контрнаступление польско-литовских войск.
- ¹⁹ Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 202; 1654 г., № 1, л. 38, 40, 47.

- ²⁰ Влияло на хана и некоторое изменение позиции Порты в пользу Речи Посполитой (*Заборовский Л. В.* Борьба русской и польской дипломатии и позиция Османской империи в 1653—1654 гг.— В кн.: Освободительные движения на Балканах. М.: Наука, 1978, с. 71—73). Антирусскую направленность имело крымское посольство в Стокгольм (Documente, v. V, part 1, p. 29—30; Erdély, 1 köt., 393—394 l.; Zetterst en K. V. Türkische, tatarische und persische Urkunden im schwedischen Reichsarchiv. Uppsala, 1945, s. 89—96).
- ²¹ Wojcik Z. Traktat Andruszowski i jego geneza. Warszawa, 1959, s. 20—23.
- ²² Принятое уже современниками название первого этапа войны между Швецией и Речью Посполитой до конца 1655 — начала 1656 г.
- ²³ Заборовский Л. В. Крымский вопрос..., с. 271.
- ²⁴ К донцам в ноябре-декабре 1654 г. обратились из Москвы и Чигирина (Малороссийские дела, оп. 1, 1654 г., № 7, 36; Документы, с. 392—395; Донские дела, кн. 4, с. 884—889). С калмыцкими тайшами с начала 1654 г. усиленно контактировали русские представители, к концу года отношения были урегулированы (АИ, т. IV, с. 195; ДАИ, т. III, с. 531—539).
- ²⁵ Жерела, т. XII, с. 333—335; Documente, v. V, part 1, p. 29; Erdély, 1 köt., 344—346, 360, 380 l.; Kraus G., I Theil, S. 229—230; Okm nyt r , 23 köt., 158—159 l.; Kubala L. Wojna moskiewska ..., s. 154, 163.
- ²⁶ В середине ноября 1654 г. был в Алба Юлии (АЮЗР, т. XIV, с. 36—38, 55, 60—61, 122—125; Okm nyt r , 23 köt., 486 l.).
- ²⁷ Жерела, т. XII, с. 336—339; Erd ly, 1 köt., 380—382 l.; Okm nyt r , 23 köt., 161—162 l. Видимо, последняя идея, в условиях польско-литовского контрнаступления интересовавшая Б. Хмельницкого, обсуждалась с писарем.
- ²⁸ Дьердь Ракоци II — О. Кромвелю, 26 ноября 1654 г.; — Карлу X, 26 декабря (получено в Стокгольме 5 марта 1655 г.). В первой половине 1655 г. К. Шаум вел переговоры в Нидерландах, Дании, Швеции и Англии (EOE, 11 köt., 36, 208—223 l.; Erd ly, 1 köt., 340—344, 385—388, 390—399 l.; Okm nyt r , 23 köt., 159—163, 178—179, 182—183, 696—699 l.; G ransson S. Den europeiska konfessionspolitikens uppl ssning 1654—1660: Religion och utrikespolitik under Karl X Gustav. Uppsala; Wiesbaden, 1956, s. 37—85; Kurdybacha L. Dzia alno  Jana Amosa Komie skiego w Polsce. Warszawa, 1957, s. 229—275; Заборовский Л. В. Канун и начало русско-польской войны и позиция государств Юго-Восточной Европы (50-е годы XVII в.).— В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев: Штиинца, 1975, с. 255—256, 263).
- ²⁹ АЮЗР, т. X, с. 698—702; т. XIV, с. 49, 50, 60. Ответная грамота от 20 июля 1654 г., получена в Бухаресте 10 августа.
- ³⁰ В письме от 11 августа 1654 г. он подтвердил свое желание сохранять дружбу (АЮЗР, т. XIV, с. 60—61).
- ³¹ АЮЗР, т. X, с. 775.
- ³² 11 сентября 1654 г. в Бухарест направили посольство, добивавшееся, чтобы К. Шербан «жил в приязни» с Украиной (АЮЗР, т. XIV, с. 47—48, 55, 105—106, 113, 122—125; Документы, с. 395; Жерела, т. XII, с. 331—332; Киев. Памятники, 2-е изд., т. III, с. 203—204).

- ³³ Kubala L. Wojna moskiewska..., s. 154; О дипломатической поддержке им польских феодалов см.: Документи, с. 366—367, 375—376; Жерела, т. XII, с. 320, 325—330.
- ³⁴ Письмо от 25 июня 1654 г. (Жерела, т. XII, с. 322—323).
- ³⁵ Боярин Мирон Чиоголя приехал под Фастов около 20 июля 1654 г., отпущен вместе с Д. Лисовцом до 24 июля (АЮЗР, т. X, с. 698; т. XIV, с. 35, 49).
- ³⁶ Посольство Д. Лисовца прибыло в Яссы 1 августа 1654 г., вернулось в Фастов вместе с пыркалабом сороцким Стroeеску Лупу 30 августа. Последний принят Б. Хмельницким 31 августа, возвратился в Яссы 19 октября. Во время переговоров в Фастове выработали «статьи», обсуждалась и возможность соглашения с Речью Посполитой при молдавском посредничестве (с той же целью, что и во время бесед И. Креховецкого в Алба-Юлии). См.: АЮЗР, т. XIV, с. 19—23, 35—38, 47—48, 68—69, 105—106, 112—113, 125; Жерела, т. XII, с. 326—328; Исторические связи, т. II, с. 257—259.
- ³⁷ Документи, с. 390—392; Жерела, т. XII, с. 325—330; Erdély, 1 köt., 336—338 l.
- ³⁸ Киев. Памятники, т. III, 2-е изд., с. 209—212. Польского короля эта идея не заинтересовала.
- ³⁹ АЮЗР, т. XIV, с. 81—116; Исторические связи, т. II, с. 257—264.
- ⁴⁰ Так, лишь при активной поддержке Дьердя Ракоци II ему удалось подавить две попытки восстания в Молдавии (*Szilagyi A. Siebenbürgen und der Krieg in Nord-Osten. — Ungarische Revue*, 1892, XII Jahrgang, S. 629).
- ⁴¹ См. также: Зaborовский Л. В. Канун и начало русско-польской войны..., с. 257.
- ⁴² Тема о причинах или мотивах нападения Швеции на Речь Посполитую, как и связанные с ней вопросы о дате решения начать войну, о роли «русского фактора», принадлежат к классическим в шведской историографии (*Stade A. Geneza decyzji Karola X Gustawa o wojnie z Polską w 1655 r.* — In: *Studio i materiały do historii wojskowości*, 1973, t. XIX, cz. 2, s. 20). Но и сейчас остается много простора для дискуссий, что заставляет подробно изложить фактическую сторону дела. См. также: Зaborовский Л. В. Политика Швеции накануне Первой Северной войны (вторая половина 1654 — середина 1655 г.). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М.: Наука, 1973, с. 205—221.
- ⁴³ Dahlgren S. Karl X Gustav och reduktionen. Uppsala 1964, s. 35—43; Tersmeden L. Armia Karola X Gustawa — zarys organizacyjny. — In: *Studio i materiały do historii wojskowości*, 1973, t. XIX, cz. 2, s. 127, 137, 152; Åsard B. Upptakten till Karl X Gustafs anfall mot Polen 1655: Till frågan om krigets mål och medel. — KFÅ, 1970, s. 24—27.
- ⁴⁴ Kentrshynskyj B. Karl X Gustav inför krisen i öster 1654—1655. — KFÅ, 1956, s. 34—35.
- ⁴⁵ Возможно, проявлением такого недовольства была попытка уменьшить поставку им оружия (*Kentrshynskyj B. Karl X Gustav...*, s. 38).
- ⁴⁶ Письма от 10 июля, 1, 22 августа и далее (*Kentrshynskyj B. Karl X...*, s. 35—38; *Stade A. Geneza...*, s. 48).

- ⁴⁷ Нотификационное письмо от 11 июля, инструкция и постскриптум Карла X от 25 июля; получены в Гданьске 14 августа (*Pufendorf S. Sieben Bücher*, S. 37—38). О спорах в литературе относительно направленности инструкции см.: *Зaborовский Л. В. Политика Швеции...*, с. 211—212; *Stade A. Geneza...*, s. 54. По своему рангу и прежней деятельности в Польше Ю. Кок не очень подходил для официальных контактов (*Kubala L. Wojna szwecka w roku 1655 i 1656. Lwów etc.*, 1913, s. 5, 25—26), но мог быть использован для связей с оппозиционными кругами правящего класса Речи Посполитой.
- ⁴⁸ Карл X — царю, 10 августа. Инструкция от 14 августа; деньги на проезд выданы Уддэ Эдла 19 сентября. Русские дипломаты получили первое сообщение о его скором появлении в конце октября, но подтверждено оно было примерно через месяц. Посланец принят 17 января 1655 г. в Вязьме при возвращении царя из похода, отпущен 30 января, вернулся в Стокгольм 15 марта (Шведские дела, 1654 г., № 3, л. 141; № 4, л. 139—144, 238—240; *Edén N. Grunderna till Karl X Gustafs anfall på Polen.— Historisk tidskrift*, 1906, h. 1, s. 18—19). Возможно, задержка Эдла объяснялась неуверенностью шведов в русских планах.
- ⁴⁹ Кредитив от 25 июля 1654 г., инструкция от 5 августа, примерно тогда же Х. Шлиппенбах покинул Стокгольм. Материалы посольства сохранились крайне плохо, что привело в литературе к значительному разнобою в его оценке (*Edén N. Schlippenbachs beskickning till Tyskland 1654—1655.— In: Historiska studier tillägnade Harald Hjärne. Stockholm*, 1910, s. 311—352; *Stade A. Geneza...*, s. 54—55).
- ⁵⁰ Кредитив соответственно от 22 августа и 5 сентября (*Pufendorf S. Sieben Bücher*, S. 14—16; *Edén N. Schlippenbachs...*, s. 312—313).
- ⁵¹ Частично это удалось (UA, Bd. 6, S. 621—622).
- ⁵² Сближение с Бранденбургом в таком духе организовывалось и по другими каналам, особенно интенсивно с осени (UA, Bd. 23, Т. 1, S. 163—165, 167—169).
- ⁵³ *Stade A. Geneza...*, s. 48—49.
- ⁵⁴ *Edén N. Schlippenbachs...*, s. 317—334; ср. более поздние документы: *Stade A. Geneza...*, s. 87, przyp. 308.
- ⁵⁵ Карл X — Г. Горну, 12 сентября (*Kentrschynskyj B. Karl X...*, S. 42). См. также: Шведские дела, 1654 г., № 3, л. 141—142).
- ⁵⁶ Карл X — Г. Горну, 19 сентября 1654 г. (*Kentrschynskyj B. Karl X...*, s. 36—37. Текст письма).
- ⁵⁷ Г. Горн — Карлу X и кригсколлегии, 27 сентября 1654 г. (*Kentrschynskyj B. Karl X...*, s. 37. Текст листа).
- ⁵⁸ *Carlson F. F. Sveriges historia under konungarne af Pfalziska huset. I d.: Carl X Gustaf. 2. uppl. Stockholm*, 1883, s. 168.
- ⁵⁹ Карл X — Ю. Коку, 3 октября 1654 г. (*Kentrschynskyj B. Karl X...*, s. 40—41). Ю. Кок принят канцлером около 23 августа, королем — 10 сентября, отпущен 25 сентября (*Jakuba Michałowskiego*, s. 726; *Kubala L. Wojna szwecka...*, s. 26—27).
- ⁶⁰ Инструкция от 10 октября. Содержание ее часто излагалось в литературе. Подробнее см.: *Kentrschynskyj B. Karl X...*, s. 41—42; *Pufendorf S. Sieben Bücher*, s. 41—42. В составлении ее участвовал И. Радзейевский (не случайно именно сейчас Карл X вновь обратился к его услугам).

- ⁶¹ Здесь оказал влияние и приезд игумена Даниила.
- ⁶² 10 октября 1654 г. П. Юль сообщал, что в Стокгольме «полное смущение» из-за русских успехов, поэтому польско-шведское соглашение вполне вероятно, если из Варшавы поступят «выгодные пропозиции» (курсив мой.— Л. З.). См.: *Molbeck C. Bidrag til Dronning Christinas, det svenska Hof's og Corfitz Ulfeldts Historie, i Aarene 1651—55, af Peder Juuls uttryckte Breve til Charisius.*— [Dansk] Historisk tidskrift, 1844, т. 1.5, с. 390—391.
- ⁶³ Шведские дела, 1654 г., № 4, л. 33—34, 145—149. См. также: *Зaborовский Л. В.* Русская дипломатия и начало Первой Северной войны (январь — октябрь 1655 г.).— Сов. славяноведение, 1973, № 1, с. 43. 13 ноября И. де Родес говорил А. Иванову о желании герцога принять шведское подданство.
- ⁶⁴ *Stade A. Geneza...*, с. 55—56.
- ⁶⁵ Архив ЮЗР, ч. 3, т. VI, с. 70—71. Украинские буржуазные и западные авторы широко используют этот текст, совершенно оставляя в стороне вопрос о его достоверности (*Грушевський М. Історія України-Руси, с.917—918; Kentrschynskyj B. Ukrainska revolutionen och Russlands angrepp mot Sverige 1656.*— KFA, 1966, с. 34—38).
- ⁶⁶ Документы, с. 19; *Krip'якевич I. П.* Богдан Хмельницький. Київ: Видавництво АН УРСР, 1954, с. 401. В самом деле, Даниил имел собственные цели, и требуется крайняя осторожность при использовании источника, кропотливый анализ для решения вопроса о том, что в нем, как и в более поздних документах этого посланца, исходило из Чигирина. См. на эту тему материалы второй половины 1655 г.: Архив ЮЗР, ч. 3, т. VI, с. 86—92, 94—96, 148, 152, 250, 310—312.
- ⁶⁷ *Dahlgren S. Karl X Gustav...*, с. 41—44.
- ⁶⁸ Поэтому сейчас не ко времени оказались антипольские предложения, привезенные игуменом Даниилом, и переговоры с ним заморозили.
- ⁶⁹ АЮЗР, т. XIV, с. 645—651.
- ⁷⁰ Не случайно осталась без ответа и нацеленная против русских часть предложений Даниила.
- ⁷¹ Характерно, что И. де Родес назвал Яна Казимира «неприятелем» шведского короля (Шведские дела, 1654 г., № 4, л. 32—34). Бранденбургский курфюрст серьезно считался с возможностью польско-шведской войны. См. инструкцию резиденту в Стокгольм И. Добченскому, 2 ноября 1654 г. (UA, Bd. 6, S. 663—665).
- ⁷² АЮЗР, т. XIV, с. 648—649. Для нас в данном случае важны надежды шведов из окружения Г. Горна, отразившиеся в таких слухах. Напомню, что Х. Шлиппенбах также говорил в Берлине об уступке Швеции восточнонемецких портов или пошлин с них.
- ⁷³ *Kubala L. Wojna szwecka...*, с. 28. См. также: Ш. д'Авогур — Д. Мазарини, 12 декабря 1654 г. (*Stade A. Geneza...*, с. 39). Достоверность сведений не ясна, но для характеристики настроений в Стокгольме они показательны.
- ⁷⁴ *Edén N. Grunderna...*, с. 24—25. Я довольно подробно охарактеризовал шведскую политику осенью 1654 г., так как сюжет этот спорен, а предложенное решение выходит за рамки прежних. В частности, неубедительной кажется мысль А. Стаде, который считает, что король поставил все на одну карту — надежду договориться с поляками с последующим совместным выступлением

против России (*Stade A. Geneza...*, s. 52, 57). Такую схему невозможно согласовать со всеми сообщенными выше фактами.

⁷⁵ Ю. Кок — Карлу X, 17 и 18 октября 1654 г., Гданьск (*Kentroschynskyj B. Karl X...*, s. 39—40; *Stade A. Geneza...*, s. 55—56).

⁷⁶ Фактически летом и осенью 1654 г. правительство Яна Казимира обращалось за помощью в Вену и Рим (Памятники, т. III, с. 146—182, 238, 243—245). Едва ли это было секретом для Карла X.

⁷⁷ От 14, 21 и 23 ноября 1654 г. — получены соответственно 3, 10 и 17 декабря (*Stade A. Geneza...*, s. 41, 56—57).

⁷⁸ *Carlson F. F. Sveriges historia...*, I d., 2 uppl., s. 172; *Edén N. Grunderna...*, s. 25—26. Сходные сведения о Литве см.: *Грушевський М. Історія України-Русі*, с. 951; *Kubala L. Wojna moskiewska...*, s. 259.

⁷⁹ Из других источников в конце ноября знали о польско-нидерландских переговорах, что вызывало немалые опасения, в том числе и в связи с идеей антишведского союза (с участием Дании). См.: Карл X — Х. Аппельбому, 21 и 28 ноября 1654 г.; Карл X — М. Дюрелю, 28 ноября (*Carlboom L. J. Magnus Dureels negotiation i Kopenhamn 1655—1657. Göteborg*, 1901, s. 17—18; *Lindqvist Å. Svenskarna och De Byes beskickningar 1654—1655*. — KFA, 1941, s. 7—17).

⁸⁰ *Pufendorf S. Sieben Bücher*, S. 38, 41.

⁸¹ Введение в научный оборот новых источников этого типа является заслугой А. Стаде (*Stade A. Geneza...*, s. 37—40).

⁸² В рапортах Фердинанду III от 21, 28 ноября, 5, 12 декабря 1654 г. (*Stade A. Geneza...*, s. 39—40).

⁸³ В донесениях курфюрсту от 5, 12, 19 декабря 1654 г. (UA, Bd. 6, S. 665—666).

⁸⁴ Ш. д'Авогур — Г. Бриенну 12 декабря 1654 г. и докладная Д. Мазарини от того же числа (*Stade A. Geneza...*, s. 38—39, 57, прип. 162). Боязнь дальнейших успехов русских войск и идея поддержки Речи Посполитой получили, видимо, довольно широкое распространение в Швеции (*Johan Ekeblads bref*, 1, s. 383, 384, 386).

⁸⁵ Ш. д'Авогур — Д. Мазарини, 26 декабря 1654 г. (*Carlson F. F. Sveriges historia...*, 1 d., 2 uppl., s. 172).

⁸⁶ Правда, в беседе с Ш. д'Авогуром король говорил лишь о подтверждении статус-кво, но это было скорее маневром.

⁸⁷ А. Стаде не учел эту весьма важную сторону дела (*Stade A. Geneza...*, s. 37, 40, 52, 57).

⁸⁸ *Edén N. Grunderna...*, s. 27—34; *Landberg H. Decembertådsslagen 1654: Karl X Gustav, rådet och rüstningsfrågan*. — KFA, 1968, s. 43—68; *Stade A. Geneza...*, s. 20—37, 40—47. Последнийшироко осветил также историографию вопроса.

⁸⁹ *Stade A. Geneza...*, s. 22, 30—32, 35—36.

⁹⁰ Метод реконструкции планов Карла X на основе анализа выступлений Э. Оксеншерны и П. Браге на риксроде применялся в литературе издавна (*Stade A. Geneza...*, s. 25, 33, 35—36, 40—47, 52, 87). Выводы опирающегося на этот источник А. Стаде, считающего, что стокгольмские руководители ориентировались преимущественно на союз с Речью Посполитой при ее крупных уступках в пользу Швеции и дальнейшую совместную превентивную войну против России, кажутся мне недостаточными,

- ⁹¹ Это были очень крупные суммы (*Åsard B. Upptakten...*, s. 38).
- ⁹² *Landberg H. Decemberrådsslagen...*, s. 57—58; *Stade A Geneza...*, s. 23, 34, 35.
- ⁹³ *Stade A. Geneza...*, s. 35, 49. Поэтому намеки короля в письме от 19 декабря 1654 г. своему брату о наступательных военных планах имели в виду скорее Речь Посполитую, нежели Россию.
- ⁹⁴ SPR, d. 16, s. 30. Позже об этом сообщал и А. Морштын (*Ki-balala L. Wojna szwecka...*, s. 31). Рост претензий объяснялся и новой информацией, в том числе от И. Мейера. Формулировка П. Браге, о которой шла речь, видимо, имела в виду воеводство Инфлянское. Но он стоял за соглашение с Речью Посполитой и выступление против России и потому за более скромные требования к первой, что было скорее его личной позицией.
- ⁹⁵ SPR, d. 16, s. 29—31, 33—34, 36; *Stade A. Geneza...*, s. 41.
- ⁹⁶ В начале января 1655 г. эту тему затронул король (*Carlson F. F Sveriges historia...*, I d., 2 uppl., s. 176).
- ⁹⁷ Мемориал Ю. Коку от 29 декабря 1654 г. (*Kentrschynskij B. Karl X...*, s. 43). В письме Г. Х. Кенигсмарку 26 декабря король опровергал слухи об антирусских планах шведского двора (*Stade A. Geneza...*, s. 37).
- ⁹⁸ Г. Плеттенберг — Фердинанду III, 19, 26 декабря (*Stade A. Geneza...*, s. 40).
- ⁹⁹ П. Юль — П. Харизиусу, 26 декабря (*Molbeck C. Bidrag...*, s. 393—394).
- ¹⁰⁰ Ш. д'Авогур — Д. Мазарини, 26 декабря (*Carlson F. F. Sveriges historia...*, I d., 2 uppl., s. 171—172). См. также за 9 января 1655 г. (*Stade A. Geneza...*, s. 39).
- ¹⁰¹ UA, Bd. 4, S. 112—114; Bd. 6, S. 667; Bd. 7, S. 329—330; *Erdmannsdörffer B. Graf Georg Friedrich von Wadeck: Ein preussischen Staatsmann im siebzehnten Jahrhundert.* Berlin, 1869, S. 459—462. Опасения возникали и в Польше (Б. Лепчинский — Фридриху Вильгельму, 4 января 1655 г., ответ от 14 января). В этом же месяце великополяне обратились к курфюрсту по вопросу о помочи на случай нападения шведов (UA, Bd. 7, S. 359, 360).
- ¹⁰² Инструкция от 25 января 1655 г. (UA, Bd. 7, S. 360).
- ¹⁰³ Король — 2 января, канцлер — 5 января. Содержание их часто излагалось, наиболее подробно Б. Кентржинским (*Kentrschynskij B. Karl X...*, s. 70—74).
- ¹⁰⁴ Вербовки и наборы усилились после декабрьского риксрода 1654 г., особенно в январе-феврале и еще интенсивнее — в марте 1655 г., более всего в кавалерию, вероятно, с учетом ее малочисленности сравнительно с польской (*Tersmeden L. Armia mia...*, s. 127—128).
- ¹⁰⁵ 9 января 1655 г. король писал Г. Горну, что литовский подканцлер К. Л. Сапега уже дал повод к тайному соединению со Швецией (*Carlson F. F. Sveriges historia...*, I d., 2 uppl., s. 176).
- ¹⁰⁶ *Kentrschynskyj B. Karl X...*, s. 73.
- ¹⁰⁷ Позднее Г. Горн писал Э. Оксеншерне, что первоначальный план короля заключался в улаживании дела с Речью Посполитой, дабы только после этого «предпринять что-то высшее и большее» (*Kentrschynskyj B. Karl X...*, s. 125—126). Но если А. Стаде заметил тут лишь «антирусское острие» (*Stade A. Geneza...*, s. 50), то это явно недостаточно — ведь «улаживание» вовсе не обязательно должно было осуществляться мирным путем.

- ¹⁰⁸ Инструкция от 9 января 1655 г. И. Добченский сообщил в тот же день, что Карл X желает союза с Бранденбургом (UA, Bd. 23, T. 1, S. 170—172; Bd. 6, S. 666).
- ¹⁰⁹ Stade A. Geneza..., s. 46.
- ¹¹⁰ Dahlgren S. Karl X Gustav..., s. 49—54.
- ¹¹¹ Правда, в инструкции Б. Вольфсбергу (см. сн. 108) отмечалась бесплодность прежних контактов с послами Речи Посполитой в Любеке и слабые надежды на успех новых обсуждений, но это объяснялось стремлением Карла X к прямым двусторонним переговорам с Варшавой без посредников, а может быть, и несклонностью видеть курфюрста медиатором.
- ¹¹² Решения риксрода можно назвать в какой-то мере переломными для определения дальнейшего курса шведской внешней политики, если не забывать, что он еще не был устойчивым и не возник, подобно *deus ex machina*, а явился итогом предшествующего развития.
- ¹¹³ Kubala L. Wojna moskiewska..., s. 171, 189, 263; Kubala L. Wojna szwecka..., s. 28.
- ¹¹⁴ Жерела, т. XII, с. 336—339.
- ¹¹⁵ К. Л. Сапега — А. Тшебицкому, 10 августа 1654 г.; Я. Радзивилл — Яну Казимиру, 14 августа; Б. Радзивилл — С. Корыциньскому, 9 сентября; письмо из Вильно 12 сентября и др. (*Ojczyste spominki*, t. 1, s. 113—114, 125—130; *Vorbek-Lettow M.*, s. 190—195).
- ¹¹⁶ Kubala L. Wojna moskiewska..., s. 253—254, 259, 262—266; Wojna polsko-szwedzka 1655—1660. Warszawa, 1973, s. 53, 64—66.
- ¹¹⁷ В. Госевский — С. Корыциньскому, 30 августа 1654 г. (*Ojczyste spominki*, t. 1, s. 127—128).
- ¹¹⁸ Kubala L. Wojna moskiewska..., s. 255—259, 262; Rocznik Białostocki, 1976, t. XIII, s. 92, 95, 101—103.
- ¹¹⁹ Письмо С. Корыциньскому, 9 сентября 1654 г. (*Ojczyste spominki*, t. 1, s. 128). Он учитывал сообщения об антипольских намерениях шведов, хотя и не считал их бесспорными.
- ¹²⁰ Я. Лещинский — Я. Меженьскому, маршалку вилкомирскому, 9 октября 1654 г. *Odrodzenie i reformacja w Polsce*, 1973, t. XVIII, s. 130.
- ¹²¹ Письма Я. и Б. Радзивиллов гетману и И. Выговскому от 10 и 18 сентября 1654 г. Г. Куницкий был принят 3 октября (*Грушевський M. Історія України-Руси*, с. 949—950). К сожалению, известна только, так сказать, официальная программа его миссии.
- ¹²² На деле многие пункты планировавшегося соглашения не умещались в рамки статей договора 1651 г. Подчеркивалось, что Речь Посполитая и король желают умиротворения с казаками.
- ¹²³ В этом пункте повлияло осложнение обстановки в Крыму после смерти Ислам Герея.
- ¹²⁴ Вероятно, и старшинской верхушки (АЮЗР, т. XIV, с. 42—43).
- ¹²⁵ Грушевський M. Історія України-Руси, с. 949—952. Здесь был и иной расчет: столкнуть украинцев и русских в Белоруссии.
- ¹²⁶ Б. Хмельницкий отверг предложения (Документи, с. 384—385).
- ¹²⁷ В октябре 1654 г. А. Жданович сообщил в Киеве о подобной склонности князя Януша (*Грушевський M. Історія України-Руси*, с. 949, 951). Схожую позицию занимал Я. Лещинский (*Kubala L. Wojna moskiewska...*, s. 258).

- ¹²⁸ Документы, с. 773—774; *Kubala L. Wojna moskiewska...*, с. 257—258; *Odrodzenie...*, 1973, т. XVIII, с. 131. Князя и в данном случае поддержал Я. Лещинский. Сходная программа излагалась в документе от 28 октября 1654 г., исходившем из радзивилловских кругов, если не от самого гетмана, но здесь существенное значение придавалось примирению с Б. Хмельницким, пусть и с невыгодой, обеспечению по меньшей мере безопасности со стороны Швеции (*Rocznik Białostocki*, 1976, т. XIII, с. 95—96). Последний комплекс был связан с планируемой посылкой А. Морштына в Стокгольм.
- ¹²⁹ Беспокойство о шведских намерениях проявлялось ранее. См.: Я. Радзивилл — К. Д. Сtryжке, подчашему упитскому, 18 сентября 1654 г. (*Kotłubaj E. Życie Janusza Radziwiłła. Wilno; Witebsk*, 1859, с. 372—373). Но в Варшаве знали и о склонности Карла X к союзу с Речью Посполитой (Документы, с. 775).
- ¹³⁰ Подобных упоминаний не много, и они не всегда достоверны. См. сн. 127, письмо из сн. 129, а также: *Stefana Medekszy*, с. 1; *Kubala L. Wojna moskiewska...*, с. 259.
- ¹³¹ О последнем мотиве см.: *Kubala L. Wojna moskiewska...*, с. 268
- ¹³² *Rudawski W. J.*, т. 1, с. 255.
- ¹³³ См. письма Я. Лещинского от 7, 9 октября, 1 ноября 1654 г. (*Kubala L. Wojna szwecka...*, с. 28).
- ¹³⁴ Инструкция от 10 ноября 1654 г., кредитив и секретная инструкция от 14 ноября (*Kubala L. Wojna szwecka...*, с. 29).
- ¹³⁵ Я. Лещинский — А. Лещинскому, 6 декабря 1654 г. (*Kubala L. Wojna szwecka...*, с. 29—30).
- ¹³⁶ *Polska w okresie*, т. 1, с. 121.
- ¹³⁷ *Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия...*, с. 58—62, 66—75; *Kersten A. Stefan Czarniecki 1599—1665. Warszawa*, 1963, с. 201—210; *Kubala L. Wojna moskiewska...*, с. 184—206, 267, 268, 273—279.
- ¹³⁸ Воевода черниговский К. Тышкевич (он руководил тогда коронной армией) — Я. Радзивиллу, 19 марта 1655 г.; примас А. Лещинский — Е. Любомирскому, 24 апреля (*Грушевський М. Історія України-Русі*, с. 1057; *Kubala L. Wojna szwecka...*, с. 381—383).
- ¹³⁹ Характерны оценки бранденбургского курфюрста, курляндского герцога, австрийского резидента в Варшаве и шведского посланника в Москве в эти месяцы (*Johan Ekeblads bref*, 1, с. 389; UA, Bd. 7, S. 341—346, 358—359; Bd. 23, т. 1, S. 175—176; *Walewski A. Geschichte Leopold's I und der heiligen Ligue. 1657—1700. Th. 2. Abt. 1. Krakau*. 1861 S. 333—338).

Дипломатическая предыстория
Первой Северной войны
(январь — июль 1655 г.)

1. Швеция на пути к войне

В этом разделе главными являются три вопроса: когда в Стокгольме приняли решение о войне с Речью Посполитой, в какой внутренней и, главное, международной обстановке возник данный конфликт, каковы были планы шведских феодалов в связи с ним до начала боевых действий? Историки, в особенности шведские, немало сделали для их выяснения, в том числе в последние годы¹. Поэтому позволю себе воспользоваться плодами проделанной ранее работы, по необходимости кратко изложив ее результаты и подробнее остановившись на все еще спорных темах.

24 января в шведской столице появился А. Морштын. Быстро выявился не удовлетворяющий стокгольмское правительство характер его миссии — он не гарантировал даже скорого приезда полномочного посла². 27 января ситуацию обсудили на риксроде³. Карл X высказал тогда мнение, что целесообразно прежде всего добиться в ближайшее время начала переговоров с Речью Посполитой либо получить от нее «реальные заверения»: очевидно, о контактах и предварительном отказе от «прав» Яна Казимира и притязаний на шведскую Лифляндию⁴. Шведский король заявил еще, что необходимо «не только получить от Польши заверения и территорию»⁵, но и постараться привлечь на свою сторону Украину, а также через Б. Хмельницкого «зондировать русских, понравиться ли им, если мы вступим в войну с Польшей»⁶. В рассмотренном документе отразились некоторые изменения во внешней политике Швеции после приезда А. Морштына: более отчетливой стала антипольская линия⁷ и в несомненной связи с ней появляется новый мотив, стремление выяснить позицию русских на случай шведско-польского столкновения⁸. Вместе с тем в Стокгольме располагали сведениями о намерении царских военачальников сконцентрировать свои главные силы в марте апреле 1655 г. в районе Великих Лук с оче-

видным устремлением в сторону Прибалтики и готовились к такому развитию событий⁹.

Эти два обстоятельства, т. е. отсутствие сдвигов в переговорах с Яном Казимиром и сообщения о русских планах, определяли шведскую политику в конце января — начале февраля 1655 г. Стокгольмский двор проявлял активность в нескольких направлениях. В письме Г. Горну от 31 января 1655 г.¹⁰ Карл X писал: «Мы должны прежде всего сконцентрировать наше внимание целиком на том, каким способом можно вразумить поляков, чтобы видеть, что ожидает нас с этой стороны». Риксмаршалу поручалось действовать в прежнем духе, но учитывать два новых момента: насколько удастся, избегать «подозрений» в отношениях с русскими, хотя и постараться «в границах возможности помешать им утвердиться на Балтике, как и в какой-либо важной крепости в Курляндии»; интенсифицировать переговоры с герцогом Яковом, чтобы склонить его к союзу или открытию своих крепостей шведам¹¹. При этом лифляндская армия усиливалась¹². Для «вразумления» польского короля шведские политики задумали и частью осуществили ряд мер. Во-первых, намеренно жесткий прием А. Морштына, которому заявили (риксканцлер в беседе 3 февраля и Карл X письменно 7 февраля), что обсуждения с ним исключены, и потребовали присылки полномочного посла, если правительство Речи Посполитой действительно желает переговоров о дружбе и союзе. Во-вторых, посыпку специального письма риксрода польско-литовскому сенату с изложением всех обстоятельств дела. Одновременно шведский король готов был пойти на встречу варшавскому двору в вопросе о месте дальнейших переговоров¹³. На политику Карла X в русском секторе влияла новая, более успокоительная информация из Риги¹⁴. Он хотел помешать прорыву царских армий в Курляндию, к балтийским берегам и к центру воеводства Инфлянского, Дюнабургу, но стремился достичь этой цели мирными средствами. В частности, чтобы предотвратить нападение русских войск на Дюнабург, Г. Горну в феврале 1655 г. был дан приказ расположить свои войска близ границ Речи Посполитой на Западной Двине¹⁵. Указанную политику поддерживал и генерал-губернатор прибалтийских провинций, стараясь сохранить нормальное положение на русско-шведском рубеже¹⁶.

В январе-феврале 1655 г. довольно интенсивно проводились вербовки и другие военные приготовления. Новые

отряды предполагалось сконцентрировать в шведской Померании и в Лифляндии¹⁷. Видимо, первоначально планировалось, что боевые операции можно будет начать в середине — второй половине мая 1655 г., с некоторым замедлением выступления лифляндской армии (но не позже 11 июня)¹⁸. Таким образом, уже в это время определились оба направления возможного удара по Речи Посполитой — из Германии и Лифляндии. Не исключено, хотя точных свидетельств такого рода нет, что на первых порах намечалось именно из Лифляндии осуществить выступление основных сил во главе с королем¹⁹. Нет причин придавать этой идеи однозначно антирусское звучание (по А. Стаде), ее осуществление создавало угрозу и для Речи Посполитой. Вполне вероятно, что Карл X предполагал таким путем помешать продвижению царских войск в близлежащие районы чисто механически — наподобие метода, рекомендованного в февральском распоряжении Г. Горну о Дюнабурге. Видимо, в связь с этим планом надо поставить и шведские расчеты на приобретение восточно-пруссских портов²⁰.

В январе — начале февраля 1655 г. стремление к соглашению и даже союзу с Речью Посполитой занимало видное место в шведской политике, хотя сейчас стокгольмский двор настаивал на ускорении переговоров, ибо «время теперь весьма ценно и дорого»²¹. Но одновременно шла практическая подготовка выступления против Речи Посполитой на случай, если правительство Яна Казимира не пойдет вскоре навстречу шведским пожеланиям — линия, укрепившаяся в эти месяцы.

Важные изменения произошли в шведской политике в феврале 1655 г. под влиянием новой информации, полученной Карлом X. Вернувшись из Польши И. Мейер фон Лилиенталь сообщил королю, что главным мотивом посольства А. Морштына было вовсе не желание мира или союза со Швецией, а скорее расчеты Яна Казимира таким способом «удовлетворить Лифляндию и Курляндию», которые взвешивают возможность шведской защиты «против московитов». Не исключено, что сходные данные шли в Стокгольм и по другим каналам²². 13—14 февраля король обсудил положение с наместником П. Браге, а 14 февраля написал Э. Оксеншерне²³. Карл X оценил миссию А. Морштына «ничем иным, как единственно игрой, имеющей целью выигрыш времени и пробуждение у россиян подозрений, чтобы тем самым извлечь для себя выгоды», но не

в шведских интересах, «чтобы Польша тем способом извлекла выгоды от нас, без того, чтобы мы за то извлекли большую, чем до сих пор». Король взял назад согласие на переговоры вне Стокгольма, указав, что оно даст варшавскому двору возможность тянуть время, не беря на себя никаких обязательств, а «потом время уйдет и оказия минет». Король подчеркнул: «Хотим встретиться с реальностями независимо от того, к чему они приведут». Дискуссии с полномочным послом Речи Посполитой не исключались, но лишь если Ян Казимир ясно продемонстрирует, что покончит с «балаганом». Видимо, под этим подразумевалась готовность польского короля к крупным уступкам. Так, в марте 1655 г. бранденбургский курфюрст писал, что за антирусский военный союз шведы получат от Речи Посполитой всю Лифляндию и лены на Восточную Пруссию и Курляндию, а герцог Яков говорил об уступке не только названных ленов, но и Западной Пруссии²⁴.

Едва ли Карл X рассчитывал на подобную добровольную капитуляцию Речи Посполитой. Поэтому путь серьезных переговоров становился сейчас маловероятным. Интересно, что сам король несколько месяцев спустя заявил на частной аудиенции Г. Плетенбергу, что решение о войне с Речью Посполитой возникло «в январе, так как надежда с Польшей добром к концу прийти оказалась несостоятельной»²⁵. Итак, одна до сих пор постоянно существовавшая сторона шведской политики, а именно стремление к договоренности с варшавским двором, в середине февраля 1655 г. практически отпала. Эту дату можно признать той границей, которая определила решение о войне с Речью Посполитой, хотя оно не было еще твердо сформулировано, так как основные элементы обстановки — несклонность правительства Яна Казимира к существенным уступкам в ближайшее время, отказ русских военачальников от значительных операций в Прибалтике²⁶, надежды шведских феодалов найти поддержку внутри страны — на деле вели Швецию именно в таком направлении. Показательно, что с начала марта 1655 г. берлинские политики считали ее нападение на Речь Посполитую чрезвычайно вероятным; сходные мнения высказывались в Гданьске, да и в Варшаве. В марте аналогичное суждение передали А. Морштын, иностранные дипломатические представители в Стокгольме²⁷.

Ряд фактов позволяет прийти к заключению, что, скорее всего, в начале марта 1655 г. Карл X принял оконча-

тельное решение о войне с Речью Посполитой. Так, письмо риксрода польско-литовскому сенату (от 13 марта) на данном этапе служило скорей для углубления противоречий между Яном Казимиром и оппозицией²⁸. Вероятно, шведские дипломаты намеревались использовать документ и как своего рода оправдательный манифест войны²⁹, и для подготовки будущих переговоров³⁰. С начала марта 1655 г. из разных источников продолжали поступать сообщения о возможной отправке ближайшей весной главной шведской армии во главе с королем и флота в Ригу как основную базу предстоящих операций (наряду с диверсией из Померании), причем речь шла и о нападении оттуда на Западную Пруссию. В конце месяца имелись данные о вероятности прямого вторжения в последнюю³¹. Видимо, в связь с этими планами надо поставить стремление стокгольмского двора к сближению с Берлином, проявленное в марте 1655 г.³² Завершающее постановление о войне с Речью Посполитой принял риксдаг (открылся 22 марта), оно было утверждено на заседаниях тайной комиссии (30 марта — 2 апреля). Более того, на усмотрение Карла X оставлялось в соответствии с быстро меняющейся обстановкой и при необходимости выступить в дальнейшем против любого другого неприятеля, тем более что сама по себе польско-литовская кампания виделась недолгой³³. Таким образом, риксдаг предоставил королю в военнополитическом смысле *carte blanche*, чего добивались Карл X и канцлер, имея в виду, как это видно из их выступлений, возможное противодействие других держав шведам: в первую очередь России, но также Австрии, Нидерландов, Дании, Бранденбурга³⁴.

В этой связи важным элементом плана было желание шведских политиков после скорого завершения боевых действий договориться с Речью Посполитой на продиктованных ими условиях³⁵.

Существеннейшее значение для успешного ведения Швецией войны имели проблемы финансов и подготовки армии (особенно вербовки). Финансовый вопрос был временно решен правительством Карла X благодаря большими займам, но прежде всего путем соглашения с крупным денежным магнатом М. А. Лейоншельдом и членом риксрода Г. Бонде, обеспечившими соответствующие кредиты в обмен на право распоряжаться двумя значительнейшими постоянными статьями доходов короны, так называемой большой морской пошлиной и медным налогом за 1655—

1656 гг.³⁶ Но и после этого обеспечение похода деньгами оставалось весьма острым вопросом³⁷, в немалой мере оно зависело от сбора средств в занятых районах Речи Посполитой после вторжения, а это заведомо ухудшало отношения шведской армии с населением страны. Согласно Л. Терсменду, вербовочная кампания тянулась дольше и дала значительно худшие результаты, чем рассчитывали; в конечном счете было недобрано около 14 тыс. солдат³⁸. Это также привело к замедлению выступления. Другой причиной задержки (второй армии во главе с Карлом X) стала крайне острая и долгая борьба на риксдаге вокруг вопроса о частичной редукции коронных земель и других источников доходов, решение которого было очень важно, ибо король намечал использовать полученные таким путем суммы на военные цели³⁹. Следовательно, шведские полки оказались более слабыми и смогли двинуться позже, чем надеялись⁴⁰, а денежная подготовка кампании была выполнена лишь частично. Все это отрицательно сказалось в ходе войны.

Общеполитические и связанные с ними стратегические планы правительства Карла X до начала боевых действий, изменения этих планов в предвоенные месяцы подробно освещались в последние годы в работах Б. Осарда, А. Стаде, Л. Терсменда. Названные авторы опирались преимущественно на источники оперативного характера: инструкции и переписку короля и кригсколлегии с руководителями померанской и лифляндской армий. Взяв за основу приведенный этими исследователями богатый фактический материал и приняв некоторые их выводы, по необходимости кратко отмечу то, что наиболее важно для дальнейшего изложения.

В первой половине апреля 1655 г. Карл X отказался от первоначального намерения направить свою главную армию в Лифляндию. Он решил двинуться вместе с ней через Померанию либо высадиться непосредственно в Западной Пруссии. Ряд причин вызвал этот поворот. Укажу две наиболее существенные. В конце марта — начале апреля 1655 г. король располагал информацией о намерении царских войск прорываться не только в Прибалтику, но и в собственно Польшу через Литву. В этом случае шведская армия под Ригой оказалась бы слишком далеко от центра событий. При осуществлении нового плана под быстрым и прямым контролем оказывались Западная Пруссия, великопольские воеводства и Бранденбург, что с учетом пере-

говоров между ними о общих мерах обороны было немало-
важно.

Состав территорий, которые предстояло взять под
контроль шведским армиям сразу после вторжения в Речь
Посполитую, варьировался. При удачном ходе боевых
действий намечалось захватить воеводство Познаньское на
западе (первой армией во главе с А. Виттенбергом), Литву
либо все Великое княжество Литовское при успехе сепа-
ратных переговоров с его властями, воеводство Инфлян-
ское, а также обеспечить зависимость или, самое меньшее,
нейтралитет Курляндии на северо-востоке. Значительная
часть этих приобретений в Прибалтике была названа уже
в письме короля Г. Горну от 9 апреля 1655 г.⁴¹ В небла-
гоприятной обстановке вступала в действие программа-
минимум, согласно которой Литва и польская Лифляндия
фактически делились между шведскими и русскими вой-
сками, Курляндия контролировалась шведскими феодала-
ми⁴² и разрешались временные бранденбургские захваты
в отдельных местах Западной Пруссии⁴³. Так проявилась
одна из важных сторон шведской политики в предвоен-
ный период — стремление избежать борьбы одновременно
с двумя и тем более несколькими противниками, локали-
зовать конфликт с Речью Посполитой, весьма важная так-
тическая цель. Но уступчивость, которую проявлял сток-
гольмский двор ради осуществления этой задачи, имела
четкие границы: ни в коем случае не допускался прорыв
царских армий к балтийским берегам — линия, намечен-
ная еще в письмах короля и риксканцлера Г. Горну
от начала января 1655 г. Кроме того, исключались сколь-
ко-нибудь значительные приобретения Бранденбурга в
королевской Пруссии, могли признаваться лишь немногие
и то условно, до окончательного решения в рамках общего
соглашения с курфюрстом. По мнению Л. Терсмедена, в
 дальнейшие намерения Карла X после объединения всех
 трех армий и, может быть, разгрома польско-литовских
 войск входили операции по завоеванию Западной Прус-
 сии⁴⁴. Вероятно, окончательное решение о будущих пла-
нах зависело от обстановки, в частности от позиции Рос-
сии.

Более всеобъемлющее представление о шведской по-
литической программе мы получим, подвергнув анализу
источники иного рода, а именно дипломатические доку-
менты. В предвоенные месяцы Карл X наметил и частью
успел осуществить весьма широкую акцию на международ-

ной арене, охватившую ряд стран Западной, Центральной, Северной и Восточной Европы⁴⁵. Много внимания было уделено позиции морских держав. В этом секторе Швеции приходилось считаться с несколькими тревожными политическими фактами. Главным из них являлось отрицательное отношение Нидерландов, исходивших из торгово-экономических соображений, к любому усилению шведской роли на Балтике. Конкретно стокгольмские руководители имели дело, во-первых, с проектом большого антишведского союза для гарантии безопасности балтийской торговли и гаваней с участием Нидерландов, Дании, Речи Посполитой, Бранденбурга и Гданьска при благожелательной поддержке Англии. Переговоры об этом в соответствующих центрах активно вел польский представитель Н. де Биэ, хотя и без успеха⁴⁶. Во-вторых, существовал более реальный план англо-нидерландско-датского соглашения с той же целью. В мае-июне 1655 г. нидерландские дипломаты резко активизировали контакты на эту тему в Лондоне, а также начали зондировать почву в Копенгагене. В ответ О. Кромвель занял выжидательную позицию, что на деле развязывало руки Нидерландам⁴⁷. В-третьих, шли бранденбургско-нидерландские переговоры о союзе и консервации условий балтийской торговли и судоходства, интенсифицировавшиеся в те же месяцы. Со всеми этими проектами был связан план посылки значительной нидерландской боевой эскадры в Зунд и Балтийское море, с основанием расцененный в Стокгольме как враждебный шведам⁴⁸.

Чтобы расстроить все эти начинания, правительство Карла X направило в Гаагу чрезвычайного посла Г. Спарре с нотификацией о причинах предстоящей войны с Речью Посполитой и с предложением придерживаться в этом конфликте нейтралитета взамен на обещание обеспечить свободную торговлю на Балтике. Однако Г. Спарре не получил никаких реальных заверений от Генеральных штатов⁴⁹. Казалось, больше шансов на успех обещали контакты в Копенгагене и Лондоне. В мае-июне 1655 г. Карл X через своего резидента при датском дворе М. Дюреля подробно изложил «причины» польской войны и передал Фредрику III предложение заключить оборонительный союз двух держав «для защиты Балтики и своей безопасности в Зунде», имевший основной целью предотвратить появление голландского флота на Балтике. 1 июля резидент получил ответ, в котором давались заверения в нейтрали-

тете, но острый вопрос о вводе нидерландской эскадры на-
рочито был сведен лишь к проблеме помощи Речи Поспо-
литой, в то время как формально речь шла не об этом, а о
конвоировании голландских торговых судов ⁵⁰. Избран-
ная датским двором линия на выжидание объяснялась не-
желанием способствовать усилению Швеции. Ее диплома-
тический успех в Копенгагене был далеко не полным и в
перспективе ненадежным, но на первых порах обещал не-
вмешательство Дании в войну с Речью Посполитой.

Важное значение придавали в Стокгольме переговорам с Англией ⁵¹. Уже в декабре 1654 г. в Лондон направили посольство П. Ю. Койета, имевшее преимущественно тор-
гово-экономический характер. В конце мая — июне 1655 г. Карл X предпринял более энергичные дипломати-
ческие шаги: в Лондон поехали Д. Флитвуд, а затем чрез-
вычайное посольство во главе с К. Бонде. Им поручалось выяснить, не склонно ли правительство республики за-
ключить оборонительный и наступательный союз между
двумя державами (сходное задание было дано дополнитель-
но и П. Ю. Койету), если Англия получит особые привиле-
гии в торговле и судоходстве на Балтике. Кроме того,
посланцам было дано поручение предложить соглашение о взаимной поддержке против тех, кто будет мешать бал-
тийскому судоходству. В этой связи ставился вопрос о вво-
де в Балтийское море английской боевой эскадры в 20 су-
дов, которая должна была находиться там столько, сколько
нужно стокгольмскому двору. Предусматривались также
свободные вербовки войск, в частности в скором времени и в значительных масштабах в Шотландии. Таким образом, правительство Карла X стремилось создать противовес антишведским планам Нидерландов в виде союза между Швецией и Англией. Переговоры в Лондоне начались позже, в разгар Первой Северной войны. Но фактический от-
каз О. Кромвеля в июле 1655 г. разрешить очень важные для шведов вербовки в Шотландии, содержавшийся в ин-
струкции посланнику в Швецию Э. Ролту, показал, что виды на осуществление в английской столице программы Карла X не были благоприятны. Действительно, крупных результатов не достигли и позже. Такая позиция О. Кром-
веля определялась стремлением сохранить равновесие сил на Балтике и нежеланием ссориться с Нидерландами из-за шведов, особенно в преддверии англо-испайской войны.

Существенными для шведского правительства были контакты с Бранденбургом по политическим и еще более

по военным (курфюрст собрал значительную армию) соображениям. Анализ источников по этому вопросу даст нужный нам сейчас материал о внешнеполитических целях стокгольмского двора. Не останавливаясь на довольно длительной стадии взаимного зондажа, обратимся сразу к моменту, когда во второй половине мая — июне 1655 г. вырабатывались документы для посланцев на переговоры с бранденбургскими представителями в Щецине⁵². Шведские дипломаты рассматривали три варианта: 1) безусловный нейтралитет Бранденбурга, полное невмешательство в войну между Швецией и Речью Посполитой; 2) дружественный нейтралитет Фридриха Вильгельма, возможный на условиях отказа от какой-либо помощи Яну Казимиру, права прохода шведских отрядов через все владения курфюрста и военного использования принадлежавших Фридриху Вильгельму территорий, включая гавани. Наибольшее внимание уделялось третьей возможности — военному союзу против Речи Посполитой. В этом случае берлинский двор предоставлял 8-тысячный корпус, право прохода войск, использования восточнопрусских гаваней, вербовок, а также передавал королю часть собиравшихся в Пилаве и Мемеле (Клайпеде) поплун, руководство войной и мирными переговорами; намечалось, кроме того, заключение выгодного шведским феодалам договора о торговле и судоходстве. Взамен Бранденбург получал в суверенное владение Восточную Пруссию и Вармию без Бранева. Карл X, однако, считал необходимым «остановить» претензии Фридриха Вильгельма на расширение Восточной Пруссии и вообще не давать ему ничего лишнего. Поэтому, видимо, Карл X предлагал послам по возможности добиваться, чтобы курфюрст взял вместо Вармии Самогитию либо части той и другой.

Шведские притязания должны были излагаться без детализации и так, чтобы не связывать короля. Во всяком случае, шведские феодалы хотели получить все побережье и прилегающие земли Польши и Литвы от Померании до Риги, а именно Западную Пруссию, часть Великой Польши вплоть до бассейна Нотеци, Варты и Вислы (видимо, по линии Познань — Торунь), Жмудь, воеводство Инфлянское, Курляндию на ленном праве, Бранево и некоторые другие пункты в Вармии. Предметом дальнейших переговоров оставалась судьба Вармии; король предполагал также выторговать у Фридриха Вильгельма (за компенсацию в ином месте) отдельные места в Восточной Пруссии:

речь шла прежде всего об имевшем большое стратегическое значение выходе из Вислинского залива с Пилавой, т. е. в сущности о контроле над торговлей Кенигсберга. За военный союз с Бранденбургом Карл X готов был согласиться на усиление курфюршества за счет Речи Посполитой, но до определенного предела, стараясь в первую очередь ослабить его роль на Балтике.

Чтобы полнее представить цели войны, преследуемые шведскими феодалами, обратимся к анализу материалов о взаимоотношениях Швеции с Россией. Не позже мая 1655 г. в Стокгольме начали вырабатывать документы для посольства в Москву⁵³. В первом из них, так называемом «Рассуждении о торговле», сформулирована программа торгово-политической экспансии Швеции в отношении Русского государства, связанная главным образом с желанием обеспечить «короны драгоценнейшую жемчужину», свободу коммерции для шведского купечества по всей России и через нее с Персией. Автор документа считал, что с осуществлением этой задачи терял значение архангельский путь и русская торговля с Западом сосредоточивалась в Прибалтике. Это позволило бы шведским феодалам извлекать постоянные прибыли из своей посреднической роли в русско-западноевропейской торговле. В целом при успехе делался важный шаг в осуществлении одной из главных задач внешней политики Швеции в XVII в. Основные указания послам по чисто политическим вопросам содержались в секретном мемориале и дополнительном письме Карла X. Предписывалось прежде всего ехать возможно медленнее и, если удастся, дождаться в Риге вторжения в Речь Посполитую третьей армии во главе с королем⁵⁴, после чего он пошлет своим представителям новые указания; надо было также до приема у царя получить информацию о ходе войны. При переговорах послам следовало выяснить склонность царского двора к военному союзу двух держав против Речи Посполитой. В случае отрицательного ответа надлежало обеспечить нечто вроде взаимного дружественного нейтралитета между действующими на польско-литовской территории армиями обоих государств.

Но основное внимание стокгольмский двор уделял второй возможности — согласию России вступить в союз со Швецией, что, как отмечалось в письме Карла X послам от 17 июля, было желательно шведской стороне. Подробно рассматривался территориальный вопрос. Намечалась линия разграничения взаимных интересов в Речи Пос-

политой, представленная четырьмя основными вариантами. Не вдаваясь в изложение деталей, отмечу главное: Русское государство, согласно шведским предложениям, получало почти всю Украину в ее современных границах и значительную часть Белоруссии, включая бассейны Припяти, Западной Двины (примерно до середины ее течения от верховьев), а в некоторых случаях и низовья р. Дисны. Это было несравненно больше, чем русские приобрели по Андрусовскому договору 1667 г. после долголетней войны. Вполне вероятно, что при решении территориальной проблемы в Стокгольме использовали известный русско-шведский проект союзного договора времени Тридцатилетней войны⁵⁵. Если это предположение справедливо, нельзя не обратить внимание на то, что теперь правительство Карла X предлагало московскому двору больше на Украине, но меньше в Белоруссии. На «украинские» разделы шведского мемориала повлияла, надо полагать, информация, поступившая от казацкого посольства в Стокгольм, и более ранние сведения (эти разделы сходны с требованиями, выдвигавшимися в разное время Б. Хмельницким о границах Украины⁵⁶). Шведские политики учли, конечно, результаты первой кампании русско-польской войны и ближайшие вероятные объекты нового наступления царских войск. Но симптоматично, что в русскую сферу не были включены некоторые пункты в Прибалтике, уже занятые русскими отрядами: Друя на Двине, Режица (Резекне) и Луцин (Лудза) в воеводстве Инфлянском. Следовательно, шведские феодалы желали оставить эти районы за собой. Предложенные линии раздела не были твердо установленными, ибо после выработки текста договора шведские уполномоченные не должны были его подписывать, но предварительно переслать на утверждение королю⁵⁷. Ясно, что окончательный итог в немалой степени зависел от развития событий в Речи Посполитой.

Итак, за военный союз с Россией правительство Карла X готово было признать переход в ее руки существенных позиций в Речи Посполитой. Но оно старалось ограничить русские приобретения, особенно в районах, экономически взаимосвязанных с Балтикой и близких к центру Польши и Литвы (Подвинье, северо-запад и запад Белоруссии; воеводство Инфлянское оно желало получить целиком). Допускался контроль русских феодалов в бассейне Западной Двины вплоть до Полоцка и Дисны⁵⁸, благодаря чему центральные территории государства име-

ли бы удобную связь с Балтикой через Ригу. Однако этот путь на дальнейших участках должен был находиться под властью шведов, а если учесть еще то трудное и неравноправное положение, в которое они ставили в XVII в. русских купцов, то ясно, что львиная доля прибылей от торговли здесь досталась бы шведской стороне, а Россия экономически оказалась бы не вполне самостоятельной. Соглашение с Россией на задуманной стокгольмским двором основе закрепляло ее оттеснение от балтийских берегов, обеспечивало ее невмешательство в желательное шведам урегулирование на осталльной и большей части Речи Посполитой, развязывало им руки для осуществления их широкой экспансионистской программы. Это тем более справедливо, что продвижение русско-украинской границы до линии Днестра, предусмотренное предлагавшимся проектом, неизбежно привело бы к усилению конфронтации Русского государства и Османской империи. Бессспорно, все это, особенно с учетом оттеснения России от Балтики, приводило к значительной перестройке всей внешнеполитической системы Восточной Европы. Россия, надолго увязнув в южном конфликте и лишившись такого естественного союзника в антишведской борьбе, как ослабленная Речь Посполитая, не сумела бы активно развивать балтийскую сторону своей внешней политики. В итоге шведские феодалы, не опасаясь осложнений здесь, могли продолжить свою экспансию в иных направлениях.

Шведская политическая программа в предвоенную пору исходила из реальности серьезных международных осложнений в результате развязывания конфликта с Речью Посполитой. Именно потому столь большое место в политике Швеции заняла дипломатическая активность, охватившая немалый круг европейских стран. Приемлемым политическим решением считались в Стокгольме нейтралитет или дружественный нейтралитет морских держав, Бранденбурга, России и некоторых других в предстоящей войне. Но стокгольмский двор считался с невозможностью широкой нейтрализации столкновения с Речью Посполитой. Отсюда его ориентация на систему союзов: прежде всего оборонительный с Данией и оборонительно-наступательный с Англией, призванные исключить какое-либо влияние голландского флота на события на Балтике и в Речи Посполитой. На востоке важное место предназначалось союзу с Россией. В нем шведские феодалы планировали усилить свои позиции вблизи балтийских берегов и во-

взаимосвязанных с ними экономически районах, оставив России подчиненное место. Взамен ей давалась возможность расширять свое влияние на юге, в борьбе с Портой. Наконец, предусматривался союз с Бранденбургом.

Чтобы понять, зачем правительству Карла X понадобилась обрисованная система союзов, следует поставить вопрос, какие конкретные цели ставило оно перед собой, начиная войну? В полном объеме данная проблема не может быть пока решена, но из проделанного нами анализа источников следует, что шведские политики намечали приобрести Западную Пруссию, часть Вармии с Бранево, либо ее целиком, часть Великой Польши в бассейне Варты, Нотеци и Вислы, вероятно по линии Познань — Торунь, некоторые важные пункты на восточнонемецком побережье (в обмен либо «на время»), Литву, Курляндию (в лен или во «временное подчинение»), всю Лифляндию, скорее всего, северо-запад и запад Белоруссии, включая бассейн Немана. Это была широкая экспанссионистская программа, хотя нельзя исключить, что часть названного стала бы предметом торга при будущих шведских переговорах с Речью Посполитой. Для осуществления изложенных целей шведам и нужна была система союзов в чисто военном смысле и особенно политически. Это была весьма внушительная программа, при ее успехе оказалась бы осуществленной немалая часть основных целей внешней политики Швеции, а ее великодержавие укреплялось и получало солидную материальную базу.

Вопрос о том, насколько реальным было достижение внешнеполитических целей стокгольмского двора даже в более скромных масштабах, решался позже в ходе Первой Северной войны. Но уже к лету 1655 г. появились первые симптомы, заставлявшие сомневаться в их осуществимости: не удалось нейтрализовать Нидерланды; уклончивую позицию заняла Дания; не желала способствовать усиленнию шведской роли на Балтике Англия, да и не могла из-за своего международного положения; требования об уступках в Восточной Пруссии лишь отпугивали Бранденбург; наконец, позже при переговорах в Москве оказалось, что правительство Алексея Михайловича заинтересовали шведские предложения в экономической области, но при соблюдении принципа взаимности в правах и привилегиях для купечества обеих стран ⁵⁹, на что шведские феодалы не хотели пойти. Таким образом, реальность намеченной в Стокгольме системы союзов уже тогда была

поставлена под сомнение. А без этого внешнеполитическая обстановка, в которой развернулась Первая Северная война, оказалась неблагоприятной для Швеции, хотя на первых порах это особенно существенной роли не играло.

2. Замыслы и действия русской дипломатии. Военные успехи России

Подготовка русских феодалов ко второй кампании войны с Речью Посполитой началась с конца 1654 — января 1655 г. Предусматривалась концентрация основных сил для действий на территории Белоруссии и Литвы, с тем чтобы с двух сторон, от Великих Лук и через Борисов — Минск, ударить на Вильно с последующим продвижением к Ковно и Гродно и далее к Бресту. Одновременно имелось в виду развивать наступление на Украине, в юго-западной Белоруссии и в направлении Слуцк — Новогрудок — Брест, а также в воеводстве Инфлянском к Дюнабургу (правда, лишь небольшим отрядом). Последнее показывает, что царские военачальники старались избегать активных боевых действий там, где это могло особенно обеспокоить шведских феодалов. Такое предположение подтверждается и эволюцией русской политики относительно Курляндии: от полунежелания подтвердить ее нейтралитет в январе 1655 г. до согласия на такой статус княжества с февраля — апреля 1655 г. Это произошло под влиянием просьбы Карла X о нейтрализации Курляндии и прямых переговоров с герцогом Яковом, во время которых он обязался ничем не помочь Речи Посполитой⁶⁰. Таким образом, царские власти планировали занять Белоруссию, Литву вплоть до Ковно, еще не приобретенные земли на Украине, включая ее западную часть⁶¹, а при отсутствии заметного сопротивления — и польскую Лифляндию. При этом они явно стремились провести свои военные операции так, чтобы не затронуть шведов. Более того, осторожность по отношению к ним возрастила на протяжении первой половины 1655 г. Обрисованные цели не были окончательными. Насколько можно судить по имеющимся данным, в дальнейшие планы Алексея Михайловича входило вторжение русско-украинских полков в собственно Польшу. Еще в августе — начале сентября 1654 г. посланники И. И. Ржевский и Г. К. Богданов поставили перед Б. Хмельницким вопрос о желательности похода объединенных войск через Луцк к Люблину. Вероятно, в таком случае объектом сле-

дующего удара становилась Варшава, так как к Кракову удобнее было продвигаться через Львов. В декабре 1654 — январе 1655 г. посольство А. С. Матвеева и Ф. Ф. Порощина предложило украинскому гетману идею марша общих сил не только на Минск и Вильно, но и далее на Варшаву⁶².

Растущая настороженность русской дипломатии в связи с планами шведских феодалов объяснялась притоком новой информации о намерениях Карла X. Даже из сохранившихся материалов видно, что сведения о положении Швеции, расчетах ее правительства, о ее взаимоотношениях с Речью Посполитой поступали в Посольский приказ по разным каналам (от пограничных воевод, своих и зарубежных дипломатов, купцов, из иностранных «курантов» — газет того времени — и т. д.), были довольно обильны, точны и приходили с относительно небольшим опозданием. Разумеется, в Москве узнавали о некоторых фактах дипломатического порядка, о военных планах Карла X и пр., но не о тех целях, которые преследовал стокгольмский двор, начиная войну против Речи Посполитой. Так, уже в июле-августе 1654 г. здесь было известно об обострении отношений варшавского двора со стокгольмским в связи с протестом Г. Каназиля против перемены на шведском троне во время коронации Карла X. С июля—ноября 1654 г., но особенно интенсивно с начала 1655 г. и позже в Москву шли данные о широких военных приготовлениях шведского правительства⁶³, о его вероятных оперативных планах нападения на Западную и Восточную Пруссию, блокады Гданьска⁶⁴, вторжения в польскую Лифляндию и Литву⁶⁵. Не позже чем с марта 1655 г. в Посольском приказе были осведомлены о концентрации шведских войск в Прибалтике, а с мая — и в Померании, в начале июня — о первоначальном намерении Карла X открыть боевые действия в мае этого года⁶⁶. В конце июня 1655 г. царские власти располагали еще более определенными сведениями об оперативных планах шведских руководителей⁶⁷. Приблизительно в начале мая 1655 г. поступила информация о провале миссии А. Морштына в Стокгольме, имевшей целью предотвратить войну, несколько позже — о политических решениях риксдага, утвердившего предложение Карла X о войне с Польско-Литовским государством и т. д.⁶⁸ В целом бесспорно, что уже с осени 1654 г., но в особенности с первых месяцев 1655 г., все получаемые Посольским приказом данные говорили о неосуществимо-

сти прежних расчетов на нейтрализацию Швеции в войне между Россией и Речью Посполитой. Приходилось счи-таться с реальной возможностью нападения шведских феодалов на последнюю.

Внимательный анализ действий царских властей в конце 1654 — первой половине 1655 г. показывает, что этот факт был ими осознан и оказал существенное влияние на их политику. Не исключено, что в новой обстановке русские дипломаты стали проявлять больший интерес к эвентуальным переговорам со стокгольмским двором. В данной связи обращают на себя внимание два обстоятельства. Еще в сентябре 1654 г. по специальному распоряжению Посольского приказа в Швецию через Россию было пропущено украинское посольство во главе с Даниилом афинянином и представителем Б. Хмельницкого, имевшее целью — о чем знали в Москве — организовать военный союз против Речь Посполитой⁶⁹. Готовность содействовать этой поездке в разгар боевых операций тем примечательнее, что в 1653 и 1655 гг. русское правительство отказалось пропустить украинских посланцев в Стокгольм⁷⁰. Следовательно, благожелательность, проявленная в 1654 г., приобретает вполне определенную политическую окраску. Другой факт, отмеченный А. С. Каном,— это заметный интерес, вызванный у царских политиков появлением в Москве в январе 1655 г. шведского посланника Удде Эдла. Вероятно, с его приездом связывались расчеты на возможность русско-шведских переговоров, что в обстановке польско-литовского контрнаступления на Украине и в Белоруссии и ухудшения там военной конъюнктуры могло казаться еще более желательным⁷¹. Видимо, осенью 1654 — в начале 1655 г. царь Алексей Михайлович готов был вступить в контакты со стокгольмским двором для координации действий против Речи Посполитой, отказываясь от прежнего курса на нейтрализацию Швеции. Напомним, что уже с конца 1654 г. русские политики намечали в перспективе вторжение русских армий в собственно Польшу и вместе с тем в январе 1655 г. еще не имели достаточной информации об оперативных планах шведского командования в Польско-Литовском государстве, которые стали проясняться для московского двора примерно с марта 1655 г.

Именно последнее обстоятельство вместе с успешным ходом второй кампании войны с Речью Посполитой принесли новые изменения в русской политике. Официально

эта кампания началась 21 марта 1655 г., фактически в апреле-мае велись лишь предварительные операции для подготовки продвижения основных сил, которые постепенно развернули активные и удачные действия в центральной Белоруссии и на Украине с июня 1655 г. Особенно быстро и широко оперировали русские войска в Белоруссии и Литве в июле-августе 1655 г., заняв Минск, Вильно, Ковно, Гродно и выйдя к Неману⁷². Эта поспешность явно была связана с полученными царским командованием в конце июня — начале июля 1655 г. бесспорными данными о предстоящем вскоре вторжении шведских армий не только в польскую Лифляндию, но и в Литву, а затем с самим их нападением. Двор Алексея Михайловича планировал скорое продвижение всех своих войск в собственно Польшу. Мысль о марше их к главным польским городам частично сформулирована в грамоте во Псков от 8 июля 1655 г.; 21 июля патриарх Никон писал царю о надеждах на занятие Минска, Вильно и всей Польши, а 8 августа — о расчетах приобрести Вильно, Варшаву, Краков и Польшу целиком; 22 июля в Борисове объявили о походе армий во главе с царем к Вильно и Варшаве, 9 августа в одном письме царя Алексея говорилось о предстоящем в ближайшее время марше к Варшаве⁷³. Если учесть ту немалую информацию о планах Карла X в Речи Посполитой, которой располагал Посольский приказ, то все эти действия и намерения получали явное антишведское звучание: русские политики бесспорно желали максимально ограничить приобретения шведских феодалов в Польско-Литовском государстве.

В данной связи заслуживают внимания и некоторые факты из сферы дипломатии. Прежде всего это неудавшееся русское посольство в Гданьск. Еще до начала Первой Северной войны, 22 июня 1655 г., была составлена царская грамота жителям города. В ней содержалось предложение принять русское подданство, причем имевшуюся в первоначальном тексте формулировку о «вечном подданстве» заменили на менее обязывающую — «подданство». Взамен давалось обещание утвердить все имевшиеся у Гданьска права. Для конкретных переговоров в царский лагерь приглашались «лучшие люди». Грамоту должен был передать специально для этой цели выбранный посадский человек из Пскова, причем пробраться в Гданьск ему надлежало тайно, в качестве купца, но вручить грамоту публично, «не тайным обычаем»⁷⁴. Бесспорно, данную попытку

договориться с гданьским магистратом следует рассматривать в рамках войны между Россией и Речью Посполитой. Но охарактеризовать ее только так будет совершенно недостаточно, необходимо еще учесть довольно значительную информацию, полученную Посольским приказом в первой половине 1655 г., о шведских планах блокады или даже захвата Гданьска и важности, которую им придавал стокгольмский двор. В такой связи намеченная Посольским приказом акция приобретала совсем иной характер. В самом деле, в конкретной обстановке конца июня 1655 г., когда шведские войска стояли у порога Речи Посполитой, обещанная Гданьску защита имела в виду прежде всего именно их. Русские дипломаты довольно искусно подошли к своей задаче: выбрав более гибкую формулу о «подданстве» вместо «вечного подданства», т. е. прямой инкорпорации в состав России, они сохранили возможность дальнейших переговоров на достаточно широкой базе, вплоть до заключения временного соглашения о гарантии независимости города. В сущности даже простое появление в Гданьске русского посланца и намеченное публичное сообщение о привезенных им предложениях, предусматривавших новые контакты, крайне затрудняли любые враждебные действия шведских феодалов против города, ибо тогда царские власти вполне могли квалифицировать их как недружественные и по отношению к России.

Таким образом, ясна и антишведская направленность обращения к Гданьску. Это был ловкий, но несколько запоздалый ход, тем более что соответствующую грамоту в Псков направили лишь спустя две недели, 8 июля. Для данной миссии там выбрали Никиту Иевлева, одного из представителей верхушки псковского посада, тесно связанного как с внутренней, так и с прибалтийской и шведской торговлей ⁷⁵. Он выехал в Ригу 23 июля, а 14 августа и 4 сентября сообщил, что пробраться в Гданьск ни сушей, ни морем невозможно из-за шведских и бранденбургских войск и морской блокады города, и потому вернулся назад. Этот эпизод подтверждает тезис о стремлении русских политиков в июне—сентябре 1655 г. насколько возможно помешать успехам шведских феодалов в Речи Посполитой.

И еще два факта из дипломатической жизни московского двора, заслуживающих внимания. В начале мая и июля 1655 г. царские дипломаты отклонили просьбы Б. Хмельницкого о содействии его контактам с Карлом X, которые имели целью координацию военных усилий про-

тив Польско-Литовского государства ⁷⁶. Видимо, в это время в отличие от осени 1654 — начала 1655 г. русские политики, получив более полное представление о широких завоевательных планах шведского короля в Речи Посполитой и рассчитывая на дальнейшее продвижение в ее пределы собственных армий, считали нежелательными переговоры с Карлом X о союзе. Показателен и другой факт. 12 июля 1655 г. была послана грамота дворянину И. И. Баклановскому и дьяку И. Михайлову, послам к императору, которые задержались в Новгороде. Грамота требовала поспешить в Москву либо тотчас отправить «наскоро» переводчика с документами посольства ⁷⁷. В Посольском приказе давно знали, что Фердинанд III использовал данную миссию для передачи в Москву предложения о своем посредничестве в деле прекращения войны между Россией и Речью Посполитой. Поэтому интерес, проявленный в Москве к материалам посольства именно тогда, многозначителен. Очевидно, царский двор не исключал теперь возможности выгодного соглашения с Яном Казимиром как одного из средств уменьшить шведские успехи в ходе Первой Северной войны.

Было бы неверно утверждать, что уже тогда произошло изменение внешнеполитического курса Алексея Михайловича в антишведском духе. Но некоторые признаки возможности такого поворота наметились уже в середине 1655 г., и объяснялись они причинами объективного свойства: нежеланием царских политиков допустить чрезмерное усиление Швеции за счет Речи Посполитой, которое они находили не отвечающим интересам Русского государства и не соответствующим реальному соотношению сил в Восточной Европе к тому времени. Практически русские военачальники успели осуществить только ускорение боевых действий в Литве. Но и достигнутые там успехи оказались немаловажным препятствием в осуществлении планов Карла X, в частности были сорваны замыслы совместного захвата частью шведских сил Западной Пруссии в начале осени 1655 г. ⁷⁸

3. Политический курс Османов и их крымских вассалов

Русские и украинские дипломаты придавали важное значение проблеме обеспечения безопасности с юга, т. е. прежде всего отношениям с Крымским ханством, что имело

первостепенное значение для Украины, особенно в условиях польско-литовского контрнаступления зимой 1654/55 г. Чтобы исключить или хотя бы уменьшить помочь крымских орд Речи Посполитой, были использованы военные и дипломатические средства. Как и ранее, из Москвы направили указания донским казакам подготовиться к походу на Крым в случае нападения татарских феодалов на русские или украинские земли, причем подчеркивалось, что ни в коем случае не следует затрагивать турецкие владения; такие распоряжения содержались в грамотах от 25 марта, 12 и 20 апреля, 3 мая 1655 г.⁷⁹ В связи с урегулированием русско-калмыцких взаимоотношений (шертная грамота послов от всех тайшей датирована 14 февраля 1655 г.⁸⁰) возник проект крупного удара по Крыму с суши и моря при участии русских, украинских, донских казацких и калмыцких сил, переговоры о чем усиленно велись с начала 1655 г. между представителями Б. Хмельницкого и донцов, между Москвой и донскими казаками, а также в калмыцких улусах, куда отправились посланцы из Москвы и с Дона. В конечном счете летом 1655 г. удалось организовать лишь морское нападение на Крым донцов при поддержке отряда запорожских казаков. Тем не менее и данная акция, и названные переговоры оказали существенное влияние на позицию Крымского ханства и ногайских мурз. Благодаря этому был сорван планируемый поход всех крымских и ногайских орд на Украину для поддержки наступления польских войск, хан Мехмед Герей с основными силами остался в Крыму, что облегчило ее положение в трудный момент натиска польской армии зимой 1654/55 г.⁸¹

Посольский приказ попытался воздействовать на Крым и дипломатически, поручив посольству Д. Жеребцова и подьячего С. Титова добиваться в Бахчисарае обязательства не нападать на царские владения, включая Украину, и переделки предыдущей шертной грамоты в желательном для московских политиков духе, в том числе с применением новой «украинской» титулатуры Алексея Михайловича⁸². Дополнительно И. И. Ромодановскому указали 11 марта 1655 г. сделать на Валуйке при «размене» посольствами следующее заявление влиятельному крымскому князю М. Сулейшову: выразить «великое подивление» участием татар в боях на Украине на стороне поляков, нарушающим нормальные русско-крымские отношения; «наговаривать» князя, чтобы он обеспечил отказ татарских

руководителей от повторения таких акций летом 1655 г. при возобновлении военных действий и внес в текст шертной грамоты пункт о ненападении на Украину. Соответствующее заявление было оглашено 21 марта. В ответе И. И. Ромодановскому князь подчеркнул, что татары не будут вторгаться в русские пределы, но — характерно! — обошел молчанием вопрос об Украине⁸³. Программа, выработанная Посольским приказом в эти месяцы, примерно соответствовала намеченной уже в грамоте от 14 октября 1654 г. линии и преследовала цель нейтрализовать Крымское ханство. Новое русское посольство встретилось с теми же трудностями в осуществлении поставленных задач, что и предшествующие царские миссии, хотя его усилия поддержала дипломатическая активность украинских представителей в Бахчисарае.

Крымские феодалы, как и в 1654 г., стремились разорвать русско-украинское единение. 11 марта 1655 г. перекопский Карак-бей от имени всех султанов и беев, а фактически и хана предложил Б. Хмельницкому возвратиться к положению, созданному Зборовским договором 1649 г., обещая помочь крымцев против любых неприятелей, в том числе и Речи Посполитой, если она нарушит соглашение. При этом Украина не должна была вмешиваться в войну между Польско-Литовским государством и Россией, оставаясь нейтральной⁸⁴. Напомним, что подобные проекты выдвигались и в 1654 г. В крымском правящем лагере шла борьба вокруг определения дальнейшего курса действий, она продолжалась и после неудачи обращения Карак-бея, но постепенно наметился крен в сторону плана организации крупного польско-татарского похода на Украину. Именно поэтому царским послам не удалось провести в жизнь ту часть своей программы, которая относилась к Украине, и добиться от ханских политиков принятия соответствующих обязательств⁸⁵. По причинам, изложенным выше, а также ввиду неясности военной конъюнктуры и сомнений в способности Речи Посполитой бросить значительные силы против украинских казаков, когда возобновлялось русское наступление в Великом княжестве Литовском, марш татар на Украину откладывался. Тем энергичнее Мехмед Герей старался побудить польскую сторону приступить к боевым операциям на Украине: такую цель (кроме выяснения обстановки) имело крымское посольство Дедеш-аги, отправленное в Варшаву в середине мая 1655 г.⁸⁶

Определенное влияние на позиции противоборствующих сторон оказывала деятельность османской дипломатии. Как и в предыдущие годы, проблемой номер один для султанских политиков оставалась не слишком удачно протекавшая Кандийская война с Венецией, осложнявшаяся напряженной внутренней обстановкой, включая многочисленные восстания в различных частях Османского государства. В этих условиях Порта избегала осложнений на иных направлениях политики, в частности стремилась предотвратить всякую опасность в черноморском бассейне, отвлекавшую туда военные силы. Активизацию действий донских казаков на Черном море стамбульский двор связывал с ухудшением крымско-украинских отношений. В Стамбуле боялись, что дальнейшее развитие событий в таком направлении приведет к включению в эти операции украинских казаков, и потому приблизительно с января-февраля 1655 г. развернули активность с целью изменить столь невыгодную для Порты перспективу. Примерно в середине марта 1655 г. в Бахчисарай прибыл султанский чауш с рекомендацией хану не вмешиваться в войну между Речью Посполитой и Украиной, держать крымские и ногайские орды дома для обороны, ожидать исхода польско-украинской борьбы и, если она не закончится миром, помочь в дальнейшем тому, «кто будет сильнее»⁸⁷. Основы политики Османов по отношению к враждующим сторонам изложены в этих указаниях вполне четко.

Одновременно правительство Мехмеда IV вступило в прямые контакты с Б. Хмельницким, стремясь, в частности, восстановить крымско-украинский союз. Сторонником такого решения был влиятельный Сиявуш, паша силистрийский. В середине марта 1655 г. его посланец убеждал молдавского господаря Георгия Штефана взяться за осуществление столь «важного и выгодного» дела, имеющего первостепенное значение для Порты⁸⁸. Ориентировочно в марте 1655 г. на Украину отправилось посольство от падишаха во главе с Шахин-агой, везшее письма везира и Сиявуша, прибыло в Чигирин 3 апреля. Примерно в середине апреля оно отправилось в обратный путь вместе с украинскими представителями⁸⁹. Переговоры с последними прошли в Стамбуле в конце мая — июле 1655 г., когда там находился и польский «малый посол» каштелян калишский В. Бечиньский⁹⁰. Как и обычно, из-за скучности и противоречивости источников нелегко определить

конкретное содержание и ход бесед в османской столице, а также принятые султанскими властями политические решения. Очевидно, главной задачей украинского посольства было (как и в 1654 г.) повлиять через Порту на позицию крымских и ногайских татар и предотвратить их дальнейшую помощь Речи Посполитой. Судя по ответной грамоте султана, в украинских предложениях речь шла, по сути дела, о номинальной зависимости⁹¹. В данной связи обращает на себя внимание сообщение трансильванского резидента из Стамбула от 14 июня 1655 г. со слов его турецкого информатора, что посол Б. Хмельницкого добивался передачи гетману Каменецкого санджака, видимо, в качестве удельного княжества и на вассальных правах, при выплате крупных сумм, а Львовщины — «иному достойному человеку»⁹². Если учесть, что во время переговоров с А. С. Матвеевым и Ф. Ф. Порошиным в конце 1654 — начале 1655 г. Б. Хмельницкий выдвинул план похода в Западную Украину, а во второй половине 1655 г. осуществил его, то приведенные сведения показутся вполне вероятными.

В. Бечиньский имел поручение мобилизовать влияние османских дипломатов для укрепления союза между Речью Посполитой и Крымом и привлечения к нему Трансильванского и Дунайских княжеств⁹³. Программы, выдвинутые соперничающими сторонами, были несовместимы, что требовало от Порты гибкой реакции. Ее политика в апреле — июле 1655 г.⁹⁴ определялась и рядом конкретных обстоятельств. Во-первых, в Стамбуле испытывали большое недовольство и опасения в связи с русскими успехами и особенно перспективой еще больших успехов в войне с Речью Посполитой. Во-вторых, правительство Мехмеда IV очень беспокоило восстание сейменов в Валашском княжестве весной 1655 г., особенно с учетом их связей с Украиной⁹⁵. Наконец, султанский двор уделил значительное внимание подготавливаемому морскому походу донских казаков (полагали, что в нем будут участвовать и запорожцы в большом числе), организации противодействия ему. В таких условиях политическая линия Порты вырабатывалась, видимо, в борьбе двух влиятельных придворных группировок. Одна, поддерживаемая Сиявшем-пашой, склонялась к договоренности с Украиной, возможно, и к улучшению отношений с Русским государством, как к первоочередному средству обезопасить турецкие владения с этой стороны и таким образом создать

более благоприятную обстановку для продолжения войны с Венецией. Под воздействием данной группы в вышеупомянутой грамоте Мехмеда IV давалось обещание написать вассалам Порты, чтобы они не нападали на Украину, взамен за обязательство не затрагивать их и султанские владения и удерживать донцов от экспедиций на море⁹⁶. В июле 1655 г. к крымскому хану поехал чауш с рекомендацией сохранять мирные отношения с Украиной.

Другая часть османской верхушки считала необходимым прежде всего мешать дальнейшему усилению России и с этой целью предлагала укрепить союз между Речью Посполитой и Крымом и даже расширить его привлечением трех зависимых от Порты княжеств, т. е. принять программу действий, выработанную варшавским двором (отсюда и благоприятный прием в Стамбуле В. Бечинского⁹⁷). Своеобразным компромиссом, способным, вероятно, удовлетворить обе группировки султанских политиков, стало предложение о тройственном альянсе Речи Посполитой, Крыма и Украины, высказанное визиром Мурад-пашой В. Бечинскому. В таком случае Порта становилась гарантом соглашения, ханство получало от Яна Казимира установленные «упоминки», Войско Запорожское добивалось выгодного статуса в составе Речи Посполитой, предотвращались морские набеги казаков, а рост России, хотя она прямо и не называлась, приостанавливался⁹⁸. Впрочем, осуществление данного проекта зависело не только и даже не столько от желаний османских и польских феодалов.

В целом политический курс стамбульского правительства в первой половине 1655 г. был выжидательным, маневренным. Видимо, он повлиял на позицию Крыма, причем двойственно: с одной стороны, налицо сравнительно быстрый уход татарских орд с Украины весной 1655 г.⁹⁹, с другой — неизменный отказ бахчисарайских политиков дать обязательство ненападения на нее. Русско-украинской дипломатии не удалось в это время обеспечить безопасность с юга, но размер угрозы был уменьшен, что, в частности, сыграло положительную роль в трудный момент контрнаступления польских войск зимой 1654/55 г.

**4. Речь Посполитая:
дипломатические и политические акции,
действия разных группировок правящего класса**

Неудача польско-литовских армий на Украине и в Белоруссии определилась, как отмечалось выше, в первые месяцы 1655 г. Она имела тяжелые последствия для Речи Посполитой в разных отношениях, прежде всего в чисто военном. Боевые силы страны оказались недостаточно подготовленными ко второй кампании войны с Россией¹⁰⁰. Другим очень тревожным фактом было явное увеличение угрозы нападения шведских феодалов на Речь Посполитую. В феврале — апреле 1655 г. варшавский двор располагал несколькими достоверными свидетельствами на этот счет. Одно исходило от А. Морштына, который, видимо, в обширных донесениях от 30 января и 6 февраля 1655 г. (к сожалению, не сохранившихся), а также в мартовских недвусмысленно сообщил о данной опасности и о поставленной перед Яном Казимиром альтернативе — неминуемая война или скорое соглашение на жестких условиях. А. Морштын передал требования шведского короля: бесспорно, об отказе польских Ваз от всяких притязаний на его трон, а Речи Посполитой — от потерянной прежде части Лифляндии, может быть, и о других претензиях Карла X¹⁰¹. Второе предупреждение сделал бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм через своего посланника В. Курцбах-Завацкого, соответственно проинформировавшего в феврале 1655 г. Яна Казимира и ряд польских магнатов, а в марте — сенаторскую раду, собравшуюся в Варшаве¹⁰². Курфюрст обратился по этому поводу 13 февраля 1655 г. также к Гданьску¹⁰³. 19 апреля 1655 г. шведский резидент Ю. Кок вручил примасу А. Лещинскому письмо риксрода сенату от 13 марта, которое было расценено в Речи Посполитой как манифест войны¹⁰⁴.

На первых порах правительство Яна Казимира забилось в основном о дальнейшем ведении войны на востоке. Фактически эту цель преследовало посольство В. Бечиньского в Порту в середине февраля 1655 г. В разосланных во второй половине февраля 1655 г. королевских универсалах на сеймики говорилось, что обсуждению подлежат лишь вопросы о выплате денег войску и об изыскании средств для борьбы с Россией и Украиной¹⁰⁵. По сути дела, та же проблема была главной для посланника пол-

ковника дона Д. де Виллалобос, отправленного к императору с письмом короля от 20 февраля 1655 г., в котором содержалась просьба разрешить набор 3000 человек немецкой пехоты в австрийских землях и заключить соглашение о взаимном свободном найме войск во владениях обоих государей¹⁰⁶. Понятно, что такая договоренность имела бы и более широкое политическое значение. Приблизительно с марта 1655 г. под несомненным влиянием новой информации о планах Карла X варшавский двор начал уделять большее внимание проблеме отношений со Швецией. Представление о его политике в то время мы получим, обратившись к материалам о раде коронных сенаторов, заседавшей в Варшаве в предварительном порядке 2 и 4 марта и в расширенном составе — 12—17 марта 1655 г.¹⁰⁷ Важнейшим по-прежнему оставался вопрос о боевых действиях на востоке. Наряду с военной и финансовой, обсуждалась и политическая сторона дела, преимущественно с точки зрения укрепления союза с Крымом, в том числе объединения с ним войск для будущих операций на Украине. С этой целью сенаторы решили интенсифицировать переговоры не только с Портой, но и в особенности с ханством.

Второй комплекс затронутых в раде тем был связан с взаимоотношениями между Речью Посполитой и Швецией. Сенаторы добивались от Яна Казимира отправки в Стокгольм полномочного посольства или высылки А. Морштыну таких документов, которые дали бы ему право вступить в действительные переговоры, отказываясь притом от шведских титулов и печати короля. В данной связи они касались и вопроса о компенсациях польским Вазам, по которому согласия не достигли, так как часть сенаторов считала, что в случае вполне вероятного желания Карла X обсуждать этот вопрос Речь Посполитая не должна была брать на себя обязательства вознаградить королевский дом за «потерю»¹⁰⁸. Вероятно, именно потому Ян Казимир ограничился посылкой А. Морштыну новых исправленных кредитов и инструкции, уполномочивающих его только на предварительные переговоры, что в создавшейся обстановке не имело никакого практического значения. Король не воспользовался в тот момент и предложением о бранденбургском посредничестве между Швецией и Речью Посполитой, сделанным через В. Курцбах-Завацкого. Новым элементом в политике правящих кругов Польско-Литовского государства, возникшим под влия-

нием более реалистической оценки ситуации, стало обсуждение в сенаторской раде вопроса о посредничестве императора в деле урегулирования противоречий с Россией¹⁰⁹. Правда, сенаторы отдавали себе отчет в том, сколь серьезным препятствием на этом пути является союз Речи Посполитой с Крымом. Наконец, Яна Казимира старались побудить к скорейшему созыву сейма для решения всех возникших проблем.

Политические шаги, предпринятые варшавским двором в связи с рекомендациями сенаторской рады, шли по нескольким направлениям. Часть их находилась в рамках прежних усилий по подготовке к новой кампании войны с Россией. В Крым вновь направили послом М. Яскульского с целью обеспечить татарскую помощь для действий на Украине, о том же польские военачальники вели переговоры с крымскими. В результате были получены предварительные заверения, что татарские орды опять появятся на Украине в июне 1655 г., если король также сумеет двинуть туда крупные силы¹¹⁰. Ян Казимир добивался и участия трансильванских отрядов в планируемом походе¹¹¹. Другие из осуществленных королевскими политиками шагов исходили из растущей опасности нападения шведских феодалов либо имели комплексный характер. Показательно, что в дополнительных универсалах о сеймиках от начала апреля 1655 г. наряду с сохранением прежней программы обсуждений рекомендовалось включить и вопрос о «других соседях», явно имея в виду Швецию¹¹².

В письмах императору от 16 и 22 марта 1655 г. Ян Казимир, подтверждая данное ранее поручение Д. де Виллалобосу, вместе с тем сообщил о претензиях Карла Х и грозящей войне со Швецией, указал на тяжелое положение Речи Посполитой, просил совета и поддержки, отметив, что резидент в Вене Д. Б. Висконти имеет полномочия на переговоры. 5 апреля Д. де Виллалобос письменно обрисовал Фердинанду III в несколько преувеличенном виде грозящие Польско-Литовскому государству со всех сторон опасности и попросил разрешения нанимать немецкую пехоту в его владениях, которую хотели использовать на русско-украинском театре войны, а в случае нужды — и против шведов. Д. Б. Висконти получил аудиенцию у императора 4 апреля, затем провел переговоры с ведущими австрийскими политиками. 7 апреля он передал Фердинанду III письмо с просьбой возможно скорее на-

править в Москву ловкого посредника, чтобы выяснить склонность двора Алексея Михайловича к миру с Речью Посполитой, но вместе с тем представить там это обращение продолжением контактов в Вене с посольством И. И. Баклановского, а не инициативой, исходившей от Яна Казимира.

Сама по себе такая форма являлась понятной дипломатической осторожностью, но создавшаяся критическая для Речи Посполитой ситуация требовала от ее руководителей более энергичных и спешных мер. Избранная же ими процедура была слишком медлительной и не могла быстро повлиять на обстановку. Ответ обоим посланцам был дан 12 и 13 апреля 1655 г. В нем выражалось согласие содействовать делу умиротворения России и Речи Посполитой, подчеркивалась выгодность этого для последней, но вместе с тем отмечалась несовместимость посреднической роли с позволением вербовок, просьба о чем таким образом отклонялась. Решение об отказе в найме войск было сообщено и императорскому резиденту в Швеции Г. Плеттенбергу¹¹³. Как и в 1654 г., венский двор уклонился от каких-либо шагов, могущих вызвать недовольство Карла X, и не оказал Речи Посполитой помощи в преддверии Первой Северной войны.

Частично тех же целей, что и в Вене, Ян Казимир добивался и в Берлине, но медлил с обращением к курфюрсту, может быть не желая предоставить посредническую роль польскому вассалу. Лишь во второй половине апреля 1655 г. король направил к Фридриху Вильгельму посланника Я. Таньского с сообщением о предстоящем посольстве Речи Посполитой в Стокгольм для переговоров о «вечном мире» и с просьбой о дипломатической поддержке этой инициативы. Я. Таньскому поручалось также добиваться разрешения на вербовки в бранденбургских владениях, что являлось его главной задачей. Курфюрст проявил готовность к посредничеству и уведомил об этом своего резидента в Стокгольме И. Добченского (инструкция и письмо от 22 апреля), но вопрос о найме войск был на деле заморожен¹¹⁴.

В начале мая 1655 г. Ян Казимир послал в Берлин своего секретаря Б. Раутенфельса с доверительной миссией. В инструкции от 1 мая ему поручалось передать Фридриху Вильгельму, что хотя надежд на договоренность со Швецией мало и реально грозит война, тем не менее король направит к Карлу X посольство для переговоров

и просит посредничества курфюрста, герцогов курляндского и голштинского. Б. Раутенфельс изложил условия соглашения со Швецией, выдвинутые варшавским двором. В свете информации о планах Карла X, которой располагал Ян Казимир, эти условия были совершенно нереалистичны (выделение польским Вазам наследственного владения в Ливонии, выплата им денежной компенсации за отказ от шведских «прав» и т. д.), исключали договоренность со шведским правительством, да и бранденбургскую медиацию. Очевидно, Ян Казимир не стремился в тот момент к этим целям, а хотел в первую очередь выиграть время и обеспечить определенную поддержку со стороны курфюрста на случай войны. Б. Раутенфельс просил Фридриха Вильгельма помешать проходу шведских армий из Померании через бранденбургские земли, передать вскоре польским военачальникам корпус в 2000 человек пехоты (на плохих денежных условиях) для защиты границ Великой Польши и т. д. Переговоры, проведенные Б. Раутенфельсом в Берлине, не дали результатов¹¹⁵.

Ян Казимир попытался также раздобыть деньги для оплаты и найма войск; сразу после сенаторской рады он послал в Гданьск А. Кося с приказом магистрату провести подготовку к возможному шведскому нападению на город, а также с целью достать требуемые суммы. Но если первый пункт встретил полное понимание гданьских властей, то по второму последовал фактически отказ — гданьчане соглашались на дополнительные выплаты, но при условии, что собранные деньги пойдут на организацию обороны только их города. Гданьский патрициат сообщил о своей позиции и властям Торуни в письме от 7 апреля 1655 г. для координации совместных усилий в таком смысле на сейме¹¹⁶.

Естественно поставить вопрос, почему варшавский двор занял столь нереалистическую, пассивную позицию в деле предотвращения или хотя бы замедления угрозы вторжения шведских сил в Речь Посполитую? По-видимому, Ян Казимир исходил из невозможности договориться со стокгольмским правительством, во всяком случае на условиях, в которых были бы в достаточной мере учтены интересы польских Ваз. Нельзя также исключить, что король надеялся на успех переговоров о вводе на Балтику значительного нидерландского флота, которые активизировал его представитель Н. де Биэ не только в Гааге, но в марте-апреле 1655 г. и в Лондоне. Своевременное осуществление

данного проекта бесспорно было бы серьезным ударом для агрессивных планов шведских феодалов, но О. Кромвель, чья политика, как приходилось уже говорить, исключала возможность активного вмешательства на Балтике, уклонился от поддержки всей идеи¹¹⁷.

Возможно, однако, что объяснение действий Яна Казимира следует искать в его украинской политике. Неудача польско-литовского контрнаступления на Украине и в Белоруссии зимой 1654/55 г. привела к тому, что усилились попытки руководителей Речи Посполитой найти выход из положения путем соглашения с украинским казачеством. Они поддерживали таким образом активность крымской дипломатии, старавшейся разорвать русско-украинское единение, рассчитывали и на помощь Дьердя Ракоци II в осуществлении такой линии. В ухудшившейся обстановке к договоренности с Украиной стремились и оппозиционные элементы господствующего класса Речи Посполитой, и королевский лагерь. Так, во второй половине марта 1655 г. Я. Радзивилл направил с подобной целью посланца к Б. Хмельницкому, по меньшей мере дважды писал наказному гетману И. Н. Золотаренко, а также представителю киевского митрополита при последнем, не-жинскому протопопу М. Филимоновичу, имевшему на гетмана большое влияние. В своих письмах Я. Радзивилл указывал на посреднические усилия крымского хана и трансильванского князя, подчеркивал готовность Яна Казимира продемонстрировать казачеству «милость» и «ласку», пытался воздействовать на самого И. Н. Золотаренко и старшину при нем, обещая им особые привилегии и свою личную поддержку. В этих документах нашел выражение прежний курс литовского гетмана на решение украинской проблемы путем соглашения со старшинской верхушкой, с предоставлением ей выгодного статуса в Речи Посполитой, благоприятным разрешением претензий православного духовенства, особенно высшего, а также с улучшением положения более широких слоев реестрового казачества. Как и предшествующие сходные попытки Я. Радзивилла, эта тоже не имела успеха¹¹⁸.

В конце марта 1655 г. к Б. Хмельницкому обратился с письмом воевода черниговский К. Тышкевич. Используя трансильванское посольство И. Луча на Украину, имевшее официальной задачей предложить посредничество Дьердя Ракоци II для замирения Войска Запорожского с Речью Посполитой, воевода представил в общем виде

программу урегулирования. К. Тышкевич предусматривал не только прекращение польско-украинской войны, но и антирусский союз с участием Крыма; на Украине казачество получало «свободу», а крестьянство возвращалось в прежнее положение¹¹⁹. Данный проект, выгодный польским и крымским феодалам, мало учитывал действительную ситуацию на Украине. Нереалистичность его вытекала не только из этого факта, но и из неверной оценки политики намеченного посредника, трансильванского князя. Дьердю Ракоци II пришлось действовать в первой половине 1655 г. в нелегкой обстановке. Польские и крымские дипломаты оказывали на него давление с целью получения военной помощи для операций против Украины¹²⁰. Неясным оставалось, насколько близка опасность шведского нападения на Речь Посполитую¹²¹. Но определяющее влияние на политику не только Трансильванского, но и Дунайских княжеств оказало народное восстание в Валахии, вспыхнувшее весной 1655 г. В частности, оно привело к усилению связей между тремя владетелями, к зависимости Константина Шербана от поддержки соседей¹²². Много внимания уделяли руководители княжеств контактам сейменов с Украиной, в том числе с учетом возможного антитурецкого поворота ее политики в достаточно близком будущем¹²³. В таких обстоятельствах Дьердь Ракоци II отказался от какого-либо вмешательства в восточноевропейский конфликт на стороне Речи Посполитой и выдвинул идею посредничества между нею и Украиной, о чем сообщил в Варшаву и Бахчисарай в марте 1655 г.¹²⁴ Но это была лишь часть предложенной им политической программы; вполне вероятно, что переговоры И. Луча с Б. Хмельницким в апреле 1655 г. касались не столько идеи посредничества, явно бесперспективной в момент нового большого наступления русско-украинских армий в Речи Посполитой, сколько возможности совместных действий против последней¹²⁵.

Польские политики довольно быстро осознали, что контакты с Б. Хмельницким при трансильванском посредничестве не сулят успеха, тем более на выдвигаемой ими основе. Так, К. Тышкевич в письме Дьердю Ракоци II от 11 мая 1655 г. выразил явный пессимизм в оценке вероятных результатов переговоров с украинским гетманом¹²⁶. Естественно поэтому, что политики Речи Посполитой попытались найти другие пути воздействия на украинское казачество. Инициатива на сей раз исходила от

Яна Казимира, который обратился к казацкой старшине, «всем молодцом и черни», не упоминая Б. Хмельницкого, с универсалом от 4 мая 1655 г.¹²⁷ В данном документе излагалась наиболее радикальная программа решения украинской проблемы из всех, до сих пор выдвигавшихся, поскольку в нем учитывались интересы достаточно широких слоев казачества, включая и присоединившиеся к нему в ходе освободительной войны массы сельского и городского населения Украины. Это была попытка, частью демагогическая, найти выход из отчаянного положения, в котором находилась в тот момент Речь Посполитая, на путях компромиссного соглашения с украинским казачеством. Не случайно такой шаг осуществил именно король; в условиях, когда контакты о мире со Швецией казались ему бесперспективными, избранный путь мог явиться достаточно приемлемым решением хотя бы части проблем. Кроме того, предложенная Яном Казимиром программа урегулирования на Украине затрагивала интересы польско-литовской магнатерии и шляхты, а не непосредственно королевской семьи. В универсале давалось обещание полного прощения участникам освободительной войны, с закреплением его обязательной для всех феодалов Речи Посполитой силы в сеймовой конституции и любым другим желательным казачеству способом. Предусматривались также перевод реестровых казаков в шляхетское достоинство, с наделением их владениями из вакансий, а для широких масс показавшегося сельского и городского населения — освобождение от барщины и повинностей, с последующим переводом на легкие оброчные платежи и с сохранением за ними права свободной варки и продажи пива и горилки. Все это намечалось вменить в обязанность панам коронной конституцией.

Из текста универсала ясна цель, которую ставили перед собой его авторы, суля украинскому казачеству столь выгодные перспективы: имелось в виду разорвать русско-украинское единение, изолировать таким путем Россию, чтобы противопоставить скорому наступлению царских армий совместные действия польско-литовских и крымских сил в более выгодной военной обстановке. Намеченный варшавским двором путь и в случае успеха не снимал угрозы нападения шведских феодалов на Речь Посполитую, но существенно облегчил бы ее положение на восточном фронте войны. Универсал был рассчитан на массовую аудиторию, поскольку предусматривалось его

широкое оглашение на Украине. Фактически он не имел там отклика, несмотря на встречающиеся в источниках сведения иного рода, бывшие на деле сознательно распространяемой дезинформацией¹²⁸. Но этот документ вызвал большое беспокойство в магнатско-шляхетских кругах Речи Посполитой, избегавших столь значительных уступок на Украине и в особенности опасавшихся его воздействия на массы в других частях государства. Поэтому дело переговоров с казачеством взял в свои руки сейм, избравший весьма представительную комиссию для выработки соответствующей инструкции. Показательно, что в комиссии, заседавшей во второй половине июня 1655 г., сотрудничали и регалисты, и оппозиционеры, включая Я. Радзивилла. Тем самым господствующий класс Речи Посполитой продемонстрировал единый подход к решению украинской проблемы в своих интересах.

Анализ инструкции помогает воссоздать одну из сторон политического курса польско-литовских феодалов буквально накануне вторжения шведских армий в страну¹²⁹. Авторы ее поручали комиссарам вести переговоры непосредственно с Б. Хмельницким, что было более реальным путем, чем намеченный в королевском универсале от 4 мая 1655 г. Предполагалось осведомить о них крымского хана, подчеркнув, что тем самым выполняется его желание договориться с Украиной, а также просить Мехмед Герея воздействовать со своей стороны дипломатически на казацкого гетмана, дабы побудить его пойти на соглашение с Речью Посполитой. Феодалы Речи Посполитой желали достичь при мирном урегулировании с Украиной трех главных целей. Разорвать русско-украинское единение и организовать совместную, с участием крымских сил, военную акцию против России — это была программа-максимум. При ее неосуществимости польско-литовские феодалы соглашались и на меньшее — своеобразнуюнейтрализацию Украины, когда ликвидировался Переяславский акт, но казачество не участвовало бы в войне с Россией; гетманская администрация разрешала тогда свободный проход польских и татарских войск через украинские земли и присоединение к ним казаков-«охотников». Изложенная программа соответствовала той, которую, как приходилось уже указывать, пытались реализовать и ханские политики.

В подходе к решению (с их точки зрения, конечно) «украинской проблемы» авторы анализируемого документа

псходили из основного принципа — привести положение, насколько возможно, к довоенному состоянию. Но они отдавали себе отчет в нереальности такой задачи и потому соглашались на уступки, стараясь, однако, уменьшить их размеры, для чего намеревались использовать два средства: постараться отделить казачество от его массовой базы — крестьянского и городского населения Украины; разобщить и самих казаков, договорившись со старшинской верхушкой и высшим православным духовенством и выделив наиболее привилегированный слой. Предусматривалось восстановление на Украине прежних феодальных порядков. При переговорах комиссары должны были стараться максимально уменьшить казацкий реестр, прибегнув для этого к вмешательству крымского хана, отстаивая белоцерковское число (20 тыс. человек), а в крайнем случае соглашаясь на зборовское (40 тыс. человек). Казацкая территория ограничивалась королевскими владениями Киевского воеводства (максимально 5 старостами), ни в коем случае не допускалось расселение казаков в шляхетских имениях. Основная масса реестрового казачества получала служило-мелкоземлевладельческий статус, часть его поднималась выше по социальной лестнице в Речи Посполитой: гетман Войска Запорожского становился одновременно воеводой киевским и получал место в сенате, шляхетское достоинство приобретали 6000 казаков. Киевский митрополит также вводился в сенат, положение православной церкви на Украине улучшалось. Гарантами договора становились трансильванский князь и крымский хан, которые должны были обеспечивать его соблюдение дипломатическими средствами.

По сравнению с королевским универсалом от 4 мая 1655 г. в рассматриваемой инструкции размеры предполагаемых «уступок» паселению Украины значительно уменьшались в своекорыстных интересах магнатов и шляхты Речи Посполитой. Впрочем, оба документа практической роли не сыграли. Но показательно, что господствующему классу страны удалось выработать единый подход к решению украинской проблемы; намеченные условия урегулирования были результатом компромисса, в них учитывались и пожелания оппозиции. А вот по другому важнейшему вопросу — взаимоотношениям со Швецией — различные группировки польско-литовских феодалов так и не сумели в предвоенный период согласовать свои позиции. Как уже указывалось, правительство Яна Казимира

фактически избегало действительных переговоров со стокгольмским двором. Даже то посольство во главе с воеводой ленчицким Я. Лепциньским, которое с таким опозданием было отправлено, наконец, в Швецию в июне 1655 г., совсем незадолго до начала войны, не везло предложений, отвечавших остроте ситуации; имелся в виду лишь отказ от шведских прав, титулов и пр. Яна Казимира, а также от Эстляндии¹³⁰. Другие шаги варшавского двора, осуществленные в предвоенные месяцы на международной арене, исходя из угрозы нападения шведских феодалов на Речь Посполитую, свелись, как отмечалось, к поискам помощи в Гааге, Лондоне и Берлине, причем переговоры с бранденбургским курфюрстом развивались очень медленно и на малоудачной основе. Всего этого было явно недостаточно для критического положения, в котором оказалась тогда страна, в чем отдавали себе отчет многие представители ее правящего класса. Отсюда, в частности, их попытки найти другие политические возможности, та еще и сегодня столь мало известная историкам своеобразная сепаратная дипломатия, которую можно отметить в первой половине 1655 г.

Естественно, в первую очередь это относилось к районам, подвергающимся непосредственной военной угрозе. В январе 1655 г. некие представители «сословий» Великой Польши обратились к бранденбургскому курфюрсту с просьбой о военной помощи. В феврале воевода познаньский К. Опалиньский направил к Фридриху Вильгельму для переговоров о принятии великопольских воеводств в протекцию или о заключении между сторонами военного союза своего доверенного человека И. Вольцогена, прибывшего в Берлин 21 февраля. Вопрос обсуждался на заседании бранденбургского Тайного совета 25 февраля, когда берлинский двор решил продолжить контакты об условиях возможного соглашения, но вместе с тем выявились сомнения министров Фридриха Вильгельма в целесообразности отдельной договоренности с Великой Польшей, так как нет уверенности в готовности самих этих воеводств к обороне¹³¹. В то время курфюрст считал желательным соглашение с Гданьском о совместных мерах защиты против шведов. В феврале — апреле 1655 г. шли оживленные переговоры на сей счет, включая вопрос о вводе бранденбургских гарнизонов в города Западной Пруссии в случае угрозы нападения на последние шведских феодалов, но в мае они окончились безрезультатно,

главным образом потому, что Гданьск предпочитал опираться на собственные силы, а также из-за недоверия к действительным намерениям курфюрста¹³².

Приближение Первой Северной войны активизировало политические контакты правительства Фридриха Вильгельма с Великой Польшей. В апреле 1655 г. на сеймик воеводств Познанского и Калишского был послан В. Курцбах-Завацкий с целью выяснить, готовы ли они к военному сотрудничеству с Бранденбургом и не согласятся ли на размещение войск курфюрста в ряде пограничных пунктов Великой Польши на пути возможного вторжения шведов, с частичной оплатой расходов польской стороной. В ответ сеймик направил 30 апреля просьбу в Берлин о присылке боевого отряда в 2—3 тыс. человек и занятии силами курфюрста переправ через Нотець и Вислу, выделив на эти цели средства, хотя и значительно меньше, чем желал Фридрих Вильгельм, а К. Опалинский в письме от 4 мая пошел дальше, поставив вопрос о бранденбургской защите и протекции для названных воеводств. 24 мая западнопруссский генеральный сеймик письменно просил курфюрста о помощи и запрещении прохода шведских армий через его владения¹³³.

В инструкции В. Курцбах-Завацкому от 4 июня 1655 г. определялись весьма жесткие условия, на которых берлинский двор, используя трудное положение Речи Посполитой, готов был заключить военное соглашение с властями Познанского и Калишского воеводств: предусматривался ввод бранденбургских гарнизонов в 10 важнейших городов, начиная от Устья и кончая Познанием, которые одни и должны были ими защищаться, причем содержание войск должна была обеспечивать польская администрация. Переговоры остались безрезультатными, тем более что шляхта начала проявлять опасения, не собирается ли курфюрст под предлогом совместной обороны Великой Польши просто занять ее целиком или частично. Такие подозрения особенно усилились после временного ареста бранденбургского офицера Я. Хольста, который во время поездки по провинции тайно составлял чертежи великопольских крепостей и собирая другую разведывательную информацию¹³⁴. Таким образом, попытка магнатов и шляхты Великой Польши в первой половине 1655 г. найти военный и политический противовес угрозе шведского нападения путем активизации переговоров с Бранденбургом оказалась безуспешной. Может быть, именно поэтому

в Великой Польше еще до начала Первой Северной войны наметилось стремление вступить в прямые контакты со стокгольмским двором. Известно, что к середине мая 1655 г. в Стокгольме получили сведения, видимо через Я. А. Коменского, о желании властей ряда городов этой провинции близ померанской границы перейти под шведскую протекцию в случае войны и дали спешный ответ о готовности Карла X предоставить защиту не только им, но и другим городам¹³⁵.

Особенно важны были поиски поддержки за рубежом для феодалов тех районов Речи Посполитой, которым предстояло вскоре встретить повторный удар русских армий, а именно для Великого княжества Литовского и воеводства Инфлянского. Одновременное нападение шведских войск сделало бы их положение безнадежным. На предыдущих страницах уже приводились некоторые сведения о стремлении властей польской Лифляндии получить военную помощь шведов при возобновлении наступления царских сил. Напомним высказывания на декабрьском риксроде 1654 г. или соответствующее место в докладе И. Мейера Карлу X в феврале 1655 г. Ш. д'Авогур сообщил 5 июня из Стокгольма своему двору на основе информации, доставленной из воеводства Инфлянского, о возможном переходе последнего под шведскую протекцию¹³⁶. Правители Великого княжества Литовского также старались в первой половине 1655 г. получить поддержку извне, причем в их усилиях контакты со Швецией были существеннейшими, хотя и не единственной стороной. Это относилось и к антирадзивилловской группе господствующего класса княжества, которая концентрировалась тогда вокруг подканцлера литовского К. Л. Сапеги и воеводы витебского П. Сапеги. Как отмечалось, К. Л. Сапега уже в конце 1654 г. либо начале 1655 г. завязал связи со стокгольмским двором, имевшие целью выяснить возможность литовско-шведского соглашения, во всяком случае о военной помощи, а может быть, и более широкого характера¹³⁷.

Несколько больше, хотя тоже совершенно недостаточно известно историкам о позиции другой группировки литовских феодалов, возглавляемой Радзивиллами, особенно биржанскими, накануне Первой Северной войны. О политических планах Я. Радзивилла некоторое представление дает его письмо от 20 марта 1655 г. своему доверенному человеку К. Д. Стрижке, сообщившему ранее

гетману результаты переговоров с курляндским канцлером М. Фёлкерзамом, позднейшим послом в Швецию¹³⁸. Оно было отправлено в момент, когда в лагере под Mogilevom располагали данными о благоприятном приеме в Стокгольме А. Морштына, фактически неверными. Дипломаты герцога Якова, возможно и по просьбе Я. Радзивилла, провели зондаж в шведской столице, получили один из вариантов возможных условий мира и союза с Речью Посполитой, выдвигаемых правительством Карла X, и часть их передали гетману через К. Д. Сtryжку. В письме Я. Радзивилл подчеркнул важность мирного договора и приязни со Швецией для Речи Посполитой в целом и своих сторонников в частности. Видимо, он имел в виду и военный союз, нацеленный против России, в заключении которого инициативная роль принадлежала бы феодалам княжества. Гетман затронул также некоторые вопросы, связанные с переговорами (место, посредники, комиссары с польско-литовской стороны). Он считал желательным включить в будущий договор статьи, обеспечивающие положение религиозных меньшинств в Речи Посполитой, прежде всего кальвинистского вероисповедания, считая, что в перспективе это увеличит шансы возможной шведской кандидатуры на польско-литовский трон. Судя по письму, Я. Радзивилл находил необходимым решить при переговорах спорные вопросы о претензиях Яна Казимира и о Инфляндии.

Курляндские политики коснулись и проблемы принадлежности воеводства Инфлянского, выдвигая на него собственные претензии. Не исключено, что они действительно рассчитывали на его приобретение как плату за посредничество между Речью Посполитой и Швецией. Но, может быть, это была попытка довести до сведения гетмана действительный масштаб шведских притязаний, которые герцогу Якову к тому времени были довольно хорошо известны¹³⁹. Из ответа Я. Радзивилла видно, что он не отвергал переговоров о судьбе польских Инфлянтов, хотя и желал сохранить их в составе Речи Посполитой. Другой доверенный человек князя, Я. Меженский, пересыпая его письмо К. Д. Сtryжке из Вильно, в своем дополнении от 10 апреля 1655 г. настойчиво подчеркнул, что единственное спасение страны в соглашении со Швецией и получении ее помощи, а это могут устроить правители княжества. Видимо, он не исключал и сепаратной литовско-шведской договоренности¹⁴⁰. Таким образом, в первые месяцы 1655 г. пред-

ставители различных группировок правящего класса Великого княжества Литовского видели наиболее желательной политической альтернативой ускорение, в том числе и благодаря их собственной инициативе, переговоров со Швецией, надеясь в результате их создать противовес угрозе наступления русских армий.

О дальнейших политических планах феодалов княжества до вторжения шведских войск в Речь Посполитую можно судить, хотя и в самом общем виде, по донесению бранденбургского представителя в Варшаве И. Ховербека от 13 июня 1655 г.¹⁴¹ Важнейшим фактором тогда были успешные операции царских сил в Белоруссии, создававшие реальную угрозу и собственно Литве. Контакты со Швецией по государственной линии (посольство во главе с Я. Лещиньским) явно запаздывали. Видимо, не дали результатов попытки литовских политиков наладить связи со стокгольмским двором, используя курляндское посредничество. Во всяком случае, герцогский посол М. Фёлкерзам, отправившийся в Швецию 22 июня 1655 г., не вел там переговоров о княжестве¹⁴². И. Ховербек сообщил, что литовские феодалы очень опасаются скорого подхода царских армий и занятия ими всего княжества. Чтобы избежать этого, они готовы были подчиниться шведской власти. В частности, епископ виленский Г. Тышкевич вел усиленную переписку на сей счет с герцогом курляндским, одновременно выдвигая его кандидатуру в короли Речи Посполитой при будущих выборах¹⁴³. По данным И. Ховербека, Я. Радзивилл был склонен принять протекцию курфюрста Фридриха Вильгельма от имени княжества. Бранденбургский посланец писал, что гетман и другие магнаты, в том числе примас А. Лещиньский, считают Фридриха Вильгельма наиболее подходящим претендентом на польско-литовский трон в перспективе. Но они желали знать, захочет и сможет ли курфюрст столь далеко вмешаться, чтобы удалось оттеснить других конкурентов, в особенности шведского¹⁴⁴. Очевидно, в условиях быстро развивающегося наступления русских армий наметившаяся ранее в политике руководителей Великого княжества Литовского тенденция к ускорению переговоров с правительством Карла X получила дальнейшее развитие: теперь они готовы были и к сепаратному литовско-шведскому соглашению. Они искали и другие возможности, в том числе в рамках договоренности с бранденбургским курфюрстом, может быть потому, что контакты

со стокгольмским двором находились еще на предварительной стадии. Литовские и польские магнаты пытались также использовать вопрос о кандидатуре при избрании в будущем короля Речи Посполитой для получения помощи извне (от Бранденбурга, Курляндии), которую они намеревались обратить и против шведов.

Итак, в первой половине 1655 г. разные группировки господствующего класса Речи Посполитой выдвигали и старались осуществить далеко не одинаковые программы урегулирования противоречий со Швецией, причем официальная политическая линия в этом вопросе особенно заметно отличалась от иных предложений. Отсутствие единого подхода затрудняло действия польско-литовской дипломатии по разрешению данной проблемы. Казалось, консолидация правящего класса страны могла наступить на последнем до начала Первой Северной войны сейме (19 мая — 20 июня 1655 г.)¹⁴⁵. Действительно, на нем и сразу после него, как отмечалось, общими усилиями была выработана инструкция для переговоров с Б. Хмельницким, а также назначено и отправлено посольство к Карлу X. Кроме того, приняли решение в случае нарушения Швецией мира вступить в переговоры с Россией и Украиной о прекращении войны на востоке. Наконец, наметили ряд мер для формирования и пополнения армии, удовлетворения ее финансовых претензий и т. п. Все это могло улучшить положение государства, но слишком сильно запоздало. Претворение в жизнь решений военного и финансового характера требовало не только одобрения их сеймиками, но и, главное,спешных и напряженных усилий на местах, в воеводствах. Мы видели, однако, сколь значительной была разница взглядов на разрешение главных внешнеполитических проблем между правительством Яна Казимира и оппозиционными магнатско-шляхетскими кругами в отдельных районах Речи Посполитой, проявившаяся в предшествующие месяцы. Этот фактор оказал весьма неблагоприятное воздействие на практическое осуществление постановлений сейма. К началу июля 1655 г. в Речи Посполитой сложилась крайне тяжелая ситуация: быстро развивалось наступление русско-украинских армий, начиналось шведское вторжение в страну, усиливавшееся разброд в ее господствующем классе.

- ¹ Заборовский Л. В. Политика Швеции накануне Первой Северной войны (вторая половина 1654 — середина 1655 г.).— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М.: Наука, 1973, с. 221—229; Stade A. Geneza decyzji Karola X Gustawa o wojnie z Polską w 1655 r.— In: Studia i materiały do historii wojskowości, 1973, t. XIX, cz. 2, s. 58—91; Tersmeden L. Karola X Gustawa plan kampanii polskiej 1655 r.— Ibid., s. 93—123; Åsard B. Upptakten till Karl X Gustafs anfall mot Polen 1655: Till frågan om krigets mål och medel.— KFÅ, 1970, s. 24—56.
- ² Stade A. Geneza..., s. 60—63, 65.
- ³ Б. Кентржинский (*Kentrschynskyj B. Karl X Gustav inför krisen i öster 1654—1655.*— КFÅ, 1956, с. 78—80) впервые ввел в научный оборот часть протокола этого заседания риксрода.
- ⁴ В письме Яна Казимира императору от 16 марта 1655 г. со ссылкой на донесения А. Морштына говорилось о подобных требованиях (Жерела, т. XII, с. 343—344).
- ⁵ Требование о передаче шведам территории выдвигалось, видимо, как гарантия выполнения условий соглашения польской стороны. Ср. обсуждение на риксроде в декабре 1654 г.
- ⁶ 28 января Карл X дал игумену Даниилу прощальную аудиенцию. См.: грамоты на Украину — от 29 января (Архив ЮЗР, ч. 3, т. VI, с. 73—75, 80; Документы, с. 426—429).
- ⁷ 30 января 1655 г. И. Добченский сообщил в Берлин, что растущие шведские вооружения направлены против Речи Посполитой. Об этом знали и в Амстердаме (UA, Bd. 4, S. 115; Bd. 6, S. 669).
- ⁸ Не исключено, что в Стокгольме подумывали о союзе с Россией. О такой возможности писал в марте-апреле 1655 г. Г. Бриенн, очевидно, в ответ на поступившие от Ш. д'Авогура сведения об этом (*Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa: Die französisch-russischen Beziehungen von 1648—1689.* Wiesbaden, 1968, S. 14, 15).
- ⁹ Kentrschynskyj B. Karl X..., s. 91—92; Stade A. Geneza..., s. 86. Информация не соответствовала действительности, но, как и подобная позднее, несколько месяцев играла важную роль при выработке курса шведской внешней политики.
- ¹⁰ Kentrschynskyj B. Karl X..., s. 75—76.
- ¹¹ Сходное задание король дал и Э. Оксеншерне в письме от 5 февраля (*Fries E. Erik Oxenstierna: Biografisk studie.* Stockholm, 1889, с. 350).
- ¹² Kentrschynskyj B. Karl X..., s. 92.
- ¹³ Stade A. Geneza..., s. 60—67, 69, 72—74.
- ¹⁴ Г. Горн — Карлу X, 11 февраля 1655 г. с сообщением о приказе царя своим войскам избегать действий около шведских рубежей, в том числе у Дюнабурга (*Lindqvist Å. Politiska förbindelser mellan Sverige och Danmark 1648—1655.* Lund, 1944, с. 237).
- ¹⁵ Stade A. Geneza..., s. 83, przyp. 290.
- ¹⁶ Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 1—2; Кан А. С. Швеция и начало Первой Северной войны (1654—1655). М., 1949, с. 156—158. Рукопись. Хочется поблагодарить автора за предоставленную возможность использовать эту неопубликованную работу.
- ¹⁷ Tersmeden L. Armia Karola X Gustawa — zarys organizacyjny.— In: Studia i materiały do historii wojskowości, 1973, t. XIX, cz. 2, s. 127—128.

- ¹⁸ Stade A. Geneza..., s. 46, 83; Tersmeden L. Karola X Gustawa..., s. 96.
- ¹⁹ Molbech C. Bidrag til Dronning Christinas, det svenske Hofs og Corfitz Ulfelds Historie, i Aarene 1651—1655, af Peder Juuls utryckte Breve til Charisius.— (Dansk) Historisk tidskrift, 1844. t. 1.5, s. 370; Stade A. Geneza..., s. 61—62, 80; Tersmeden L. Karola X Gustawa..., s. 101.
- ²⁰ Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 7; UA, Bd. 4, S. 112—114; Bd. 6, S. 670—671; Stade A. Geneza..., s. 87, прзрп. 308.
- ²¹ Формулировка Э. Оксеншерны (*Stade A. Geneza...*, s. 66.).
- ²² Akta poselstw Morstina oraz Leszczyńskiego i Naruszewicza do Szwecji w roku 1655.— Teki archiwalne, 1957, t. 5, s. 91; Stade A. Geneza..., s. 61—62, 68—69.
- ²³ Svea Rikes drotset grefve Per Brahes tänkebok, utg. af D. Krutmer. Stockholm, 1806, s. 100—101; Stade A. Geneza..., s. 67—70.
- ²⁴ UA, Bd. 7, S. 341—346, 358—359. См. также: Akta poselstw..., s. 91—92.
- ²⁵ Stade A. Geneza..., s. 360. Вероятно, имелся в виду конец января по ст. ст.
- ²⁶ Кроме того, вернувшись в марте 1655 г. из России Уддэ Эдла привез сообщение о согласии царя на нейтралитацию Курляндии при условии ее отказа от всякой помощи Речи Посполитой (Грамота царя — Карлу X, 30 января 1655 г., получена в Стокгольме 15 марта; ДАИ, т. VI, с. 437—443. См. также: Fem breve fra Residenten i Stockholm Peder Juel til den Kongl. danske Resident Charisius i Haag, 1651—1654.— Nye Danske Magazin, 1836, Bind VI, s. 74—75; Akta poselstw..., s. 90—92; Stade A. Geneza..., s. 87).
- ²⁷ Damus R. Der erste nordische Krieg bis zur Schlacht bei Warschau.— Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins, 1884, H. XII, S. 15, 17—19; Fem breve..., s. 74—75; Johan Ekeblads bref, I, s. 388—390; UA, Bd. 4, S. 117—118; Bd. 7, S. 336—356; Bd. 23, Т. 1, S. 175—178, 185; Akta poselstw..., s. 87—90, 93—97; Stade A. Geneza..., s. 67, 75.
- ²⁸ Akta poselstw..., s. 81—87; Stade A. Geneza..., s. 71—72, 74.
- ²⁹ Так его расценили в Польше (Jakuba Michałowskiego, s. 755; Kubala L. Wojna szwecka w roku 1655 i 1656. Lwów etc., 1913, s. 39—40).
- ³⁰ О такой возможности см.: Damus R. Der erste nordische Krieg..., S. 18—19; Akta poselstw..., s. 93—97.
- ³¹ Akta poselstw..., s. 87—90; Stade A. Geneza..., s. 80.
- ³² UA, Bd. 6, S. 669—670; Bd. 23, Т. 1, S. 173—174.
- ³³ См. донесения Ш. д'Авогура от конца мая и 17 июля 1655 г. (Carlson F. F. Sveriges historia under konungarne af Pfalziska huset. I d.; Carl X Gustaf. 2 uppl. Stockholm, 1883, s. 228—229). Учитывалось и наличие у шведов сторонников в Речи Посполитой.
- ³⁴ SRAP, d. 5. 2, s. 222—224; Stade A. Geneza..., s. 20—21, 74—77. А. Стаде выделяет Россию и пишет о плане войны с ней после завершения борьбы с Речью Посполитой. Но это был один из вероятных вариантов, хотя в тот момент и первостепенной важности, на случай враждебного шведским феодалам вмешательства Русского государства в предстоящий конфликт.
- ³⁵ Вероятно, это имел в виду король, выступая втайной комиссии риксдага 31 марта 1655 г. (SRAP, d. 5.2, s. 219).

- ³⁶ *Landberg H.* Kungamaktens emancipation: Statsreglering och militärorganization under Karl X Gustav och Karl XI.— *Scandia*, 1969, H. 1, s. 94—103; *Idem.* Statsfinans och kungamakt: Karl X Gustav inför polska kriget. *Kristianstad*, 1969; *Idem.* Krig på kredit: Svensk rüstningsfinansiering våren 1655.— *Studia Historica Upsaliensis*, 1971, t. 36, s. 1—111.
- ³⁷ *Carlson F. F.* Sveriges historia..., 1 d., 2 uppl., s. 227, 231. См. также: Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 116; Biblioteka starożytnych pisarzy polskich/Zebr. K. Wł. Wojcicki. Wyd. 2. Warszawa, 1854, t. 5, s. 81—86; UA, Bd. 2, S. 38—39.
- ³⁸ *Tersmeden L.* Karola X Gustawa..., s. 96—98. В августе 1655 г. шведы выставили в поле около 34 тыс. войск, а всего имели примерно 52 тыс.
- ³⁹ *Dahlgren S.* Karl X Gustav och reduktionen. Uppsala, 1964, s. 114—119.
- ⁴⁰ Важность второго обстоятельства отметил Ш. д'Авогур в донесении своему двору от 19 июня 1655 г., говоря о потере драгоценного времени, которое могут использовать другие (*Carlson F. F.* Sveriges historia..., 1 d., 2 uppl., s. 228, not. 1).
- ⁴¹ *Stade A.* Geneza..., s. 82—83, 86—87.
- ⁴² Такая возможность учитывалась, например, в письме короля Г. Горну от 31 мая 1655 г. и в инструкции М. Г. де ла Гарди от 10 июня (*Tersmeden L.* Karola X Gustawa..., s. 102—103, 108; *Åsard B.* Upptakten..., s. 47).
- ⁴³ См. письма Карла X от 3 июля 1655 г. (UA, Bd. 23, т. 1, S. 214—215; *Tersmeden L.* Karola X Gustawa..., s. 106, 107, 109, 110, 112). В любом случае нет оснований считать целью правительства Карла X только «окружение» Западной Пруссии, как это сделал Л. Терсменен.
- ⁴⁴ *Tersmeden L.* Karola X Gustawa..., s. 110—112.
- ⁴⁵ В полном объеме эта дипломатическая акция Швеции не проанализирована до сих пор в историографии.
- ⁴⁶ UA, Bd. 4, S. 123—124; Bd. 23, т. 1, S. 192; *Kubala L.* Wojna szwecka..., s. 377; *Lindqvist Å.* Svenskarna och de Byes beskickningar 1654—1655.— KFÄ, 1941, s. 16—24.
- ⁴⁷ *Aitzema L. van.* Historie, t. III, p. 394, 466; *Secrette Resolutien*, 1, p. 173—182; UA, Bd. 3, S. 81—82; *Lindqvist A.* Politska förbindelser..., s. 162.
- ⁴⁸ Brieven, d. III, p. 96; *Thurloe J.*, v. 3, p. 494—495, 551, 615; UA, Bd. 3, S. 86; Bd. 4, S. 112—120, 123—142; Bd. 23, т. 1, S. 192; *Carlboom L. J.* Magnus Dureels negotiation i Kopenhamn 1655—1657. Göteborg, 1901, s. 27—29, 53.
- ⁴⁹ Инструкция послу от 14 апреля 1655 г., переговоры прошли в июне (UA, Bd. 4, S. 128—131; *Carlboom L. J.* Magnus Dureels..., s. 44; *Carlson F. F.* Sveriges historia..., 1 d., 2 uppl., s. 222).
- ⁵⁰ *Carlboom L. J.* Magnus Dureels..., s. 6—7, 19—39, 44, bil. 1, s. I—VI; *Lindqvist Å.* Politiska förbindelser..., s. 162.
- ⁵¹ *Carlboom L. J.* Sverige och England 1655-aug. 1657. Göteborg, 1900, s. 34—40, 43—45, bil., s. I—VI; *Jones G.* The diplomatic relations between Cromwell and Charles X Gustavus of Sweden. Lincoln, 1897, p. 23—25, 28—30, 36.
- ⁵² Инструкция и полномочия Б. Оксеншерне и Ю. Лильештрёму, 29 мая 1655 г. Вторая инструкция и письмо короля им от 26 июня. UA, Bd. 23, т. 1, S. 195—196, 208—213.
- ⁵³ Наиболее ранний из этих документов — «Рассуждение о торгов-

ле» от 13 мая (название условно) — составлено, вероятно, фактическим руководителем коммерц-коллегии К. Бонде. 11 июня, 10 июля — грамоты Карла X царю; 13 июня — официальная инструкция с общей целью подтверждения Столбовского договора 1617 г. и полномочия; 13 июля — секретный мемориал, 17 июля — дополнительное письмо короля членам посольства. См.: Шведские грамоты, оп. 2, № 117, 118; *Форстен Г. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648—1700). — ЖМНП, 1898, II, с. 231—241 (опубликованы тексты). В историографии, вплоть до новейшей, данное посольство часто характеризуется как имевшее лишь цели отвлечения (см., например: *Tersmeden L. Karola X Gustawa...*, с. 95). Но источники не дают оснований для такого вывода.

⁵⁴ Отправка третьей армии из Швеции — 20 июля 1655 г., посольство покинуло Стокгольм 30 июля.

⁵⁵ *Поршинев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976, с. 316—322, 372—374.

⁵⁶ *Голобуцкий В.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев: Госполитиздат Украины, 1962, с. 168, 206.

⁵⁷ Эта, как и ранее указанные оговорки в мемориале и письме Карла X, заставляют историков сомневаться в действительном его желании заключить союз с Россией. Но едва ли это основательно: до начала вторжения в Речь Посполитую стокгольмские политики лишь приблизительно могли представить себе масштабы будущих успехов. Между тем именно от этого в немалой мере зависели окончательные шведские условия проектируемого соглашения с Россией. Отсюда понятное стремление Карла X дождаться сначала выяснения ситуации в Речи Посполитой. Кроме того, король, как мы видели и при изучении шведско-бранденбургских контактов, хотел сохранить в своих руках территории, важные с точки зрения интересов шведских феодалов, что было легче осуществить после начала боевых действий.

⁵⁸ Напомним, что эти места были уже заняты царскими отрядами.

⁵⁹ Шведские дела, 1655 г., № 3, л. 540—577; КМФ-9 (Швеция), ЗА-11, № 39, ч. II; *Форстен Г. В.* Сношения Швеции..., с. 253—254.

⁶⁰ *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1974, с. 76—81; *Рухманова Э. Д.* К истории переговоров о принятии Курляндии в подданство России в 1658 г.—История СССР, 1975, № 1, с. 158. Обязательство дано в грамотах герцога от 23 февраля и 4 мая 1655 г., царский ответ на первую—от 20 марта. Курляндские дела, 1655 г., № 1, л. 17—23; № 2, л. 1—5; Грамоты, № 1. См. также: Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 1—2.

⁶¹ Характерно, что в августе 1654 г. ко всему православному населению и церковным иерархам Брацлавского, Подольского и Русского воеводств были направлены специальные возвзвания с призывом переходить в русское подданство (АЮЗР, т. XIV, с. 199—203). Поскольку главной боевой силой в операциях на Украине неизменно являлись казацкие полки, то очевидно, что Западную Украину предполагалось включить в основную украинскую территорию на базе Переяславского акта 18 января 1654 г.

⁶² Сибирский приказ. Столбцы, № 1471, л. 55—61; АЮЗР, т. XIV,

с. 1—6, 18; Документи, с. 378—380; *Грушевський М.* Історія України-Руси. Київ: Пролетар, 1931, т. 9, 2-я половина, с. 1028—1031; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия..., с. 45—47. В этой связи показательно, что в первой половине 1655 г. царские дипломаты не реагировали на настойчивое предложение императором своего посредничества между Россией и Речью Посполитой, хотя располагали соответствующими документами уже в феврале 1655 г. (Киев. Памятники, т. III, с. 175—182).

⁶³ Малороссийские столбцы, № 13, л. 6—8, 30, 40—42, 74, 168; Шведские дела, 1654 г., № 1, л. 138—139; № 3, л. 141—142; № 4, л. 31—34; 1655 г., № 1, л. 25—26, 82, 87—88.

⁶⁴ Приблизительно с марта 1655 г. (Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 7, 30, 49—50, 78—79, 82, 87).

⁶⁵ Некоторые, хотя и путанные сведения на этот счет поступали уже с октября 1654 г., более определенные — примерно с марта — мая 1655 г. (Шведские дела, 1654 г., № 3, л. 141—142; 1655 г., № 1, л. 25—26, 49—50, 87). Данными о возможности перехода Я. Радзивилла и Литвы под шведский протекторат в Москве располагали еще осенью 1654 г. (*Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия..., с. 93).

⁶⁶ Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 25, 50; АЮЗР, т. XIV, с. 643; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия..., с. 80.

⁶⁷ В отписке из Новгорода от 23 июня (дата получения) говорилось о доставленной 9 июня русскими разведчиками за рубежом информации о предстоящем вскоре вторжении шведских войск в Польшу и Литву. В письмах шведского ассессора А. фон Бюлова А. Л. Нацокину от 24 и 25 июня не только подтверждалась эти данные, но и проявлялся весьма прозрачный интерес к действиям царских армий в бассейне Западной Двины и в направлении Вильнюса (Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 40—42, 49, 138—141).

⁶⁸ Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 30, 76—77, 82.

⁶⁹ Грамота о немедленном пропуске посланников получена в Новгороде 12 сентября 1654 г., а 5 октября пришло сообщение, что они поехали из Ругодива в Стокгольм (Шведские дела, 1654 г., № 1, л. 144—145).

⁷⁰ Воссоединение, т. III, с. 256—287, 304, 314; Документы, с. 418—420, 426—429.

⁷¹ *Кан А. С.* Швеция и начало Первой Северной войны..., с. 137—144.

⁷² *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия..., с. 86—92, 95—98.

⁷³ Польские дела, 1655 г., № 6, л. 6; Записки/Императорское Русское археологическое общество, отделение русской и славянской археологии, 1861, т. 2, с. 591—592; Письма царя Алексея Михайловича. М., 1896, с. 42; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия..., с. 91.

⁷⁴ Польские дела, 1655 г., № 6, л. 1—11; Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 152.

⁷⁵ Русско-шведские экономические отношения в XVII в.: Сб. документов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 249, 324, 334; Чистякова Е. В. Псковский торг в середине XVII в.— Ист. записки, 1950, № 34, с. 210, 224, 226.

⁷⁶ Сибирский приказ. Столбцы, № 1636, ч. II, л. 406—413, 432—443, 447, 482—509, 519—521, 525—526; Документы, с. 418—420, 426—429.

⁷⁷ Шведские дела, 1655 г., № 1, л. 54.

- ⁷⁸ Carlson F. F. Sveriges historia..., 1 d., 2 uppl., s. 238—240, 243, 250—251.
- ⁷⁹ Донские дела, кн. 4, с. 904—908, 922—924, 927—928
- ⁸⁰ ПСЗ. Собр. первое, т. 1, с. 343—345.
- ⁸¹ Материал по этим вопросам см.: Крымские книги, № 37, л. 39, 121, 124; Приказ тайных дел, № 100-а, л. 2—5; АЮЗР, т. XIV, с. 561; Документы, с. 416—417; Донские дела, кн. 4, с. 902—904, 919—921, 925—930, 936—943, 947—948; кн. 5, с. 5—8, 40—55, 67—70; Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия..., с. 79, 100.
- ⁸² Наказ от 23 декабря 1654 г., грамоты от 16 февраля 1655 г. (Крымские дела, 1654 г., № 13, л. 1—79).
- ⁸³ Крымские дела, 1654 г., № 7, л. 44—56.
- ⁸⁴ Малороссийские грамоты, № 59; Сибирский приказ. Столбцы, № 1636, л. 421—423; Документы, с. 418—420.
- ⁸⁵ Решающие переговоры с Сефером Гази-агой и М. Сулешовым прошли 12 мая 1655 г. (Крымские книги, № 37, л. 85 и сл.).
- ⁸⁶ Крымские книги, № 34, л. 170—172; № 37, л. 39, 121, 124, 157; Грушевський М. Історія України-Руси, с. 1100; Polska w okresie, t. 1, s. 467. Дедеш-ага прибыл в Варшаву во второй половине июня 1655 г., вернулся в Крым в конце июля — начале августа. Результаты его переговоров оказались во время шведского вторжения в Речь Посполитую.
- ⁸⁷ Крымские книги, № 37, л. 123.
- ⁸⁸ Георгий Штефан — С. Потоцкому, 18 марта 1655 г. (Грушевський М. Історія України-Руси, с. 1063).
- ⁸⁹ Сибирский приказ. Столбцы, № 1636, л. 428; АЮЗР, т. XIV, с. 559—564; Документы, с. 418—420; Грушевський М. Історія України-Руси, с. 1063—1064. См. также: С. Ренигер — Фердинанду III, 24 апреля 1655 г., Стамбул (Жерела, т. XII, с. 346).
- ⁹⁰ Инструкция ему от 16 февраля 1655 г. По приказу из Стамбула посланец был задержан в Силистре до выяснения перспектив крымско-украинского сближения (М. де Турра — папе Александру VII, 28 мая 1655 г., Рагуза (на основе письма из Стамбула от 5 мая). Dujčev J. Avvisi di Ragusa: Documenti sull' Impero Turco nel sec. XVII a sulla guerra di Candia. Roma, 1935, p. 185—188).
- ⁹¹ Грушевський М. Історія України-Руси, с. 1098—1099, 1539—1544, 1549 (автор использовал публикации данных документов Я. Рипкой).
- ⁹² Okmánytár, 23 köt., 190—191 l.
- ⁹³ Kubala L. Wojna a szwecka..., s. 30—31.
- ⁹⁴ Источники, на основе которых решается далее эта проблема, см.: Крымские книги, № 37, л. 164—169; Д. Балларино — дожу Венеции, 3, 14 июня, 1 августа 1655 г., Адрианополь; Б. Нани — сенату Венеции, 24, 29 апреля, 20 мая, 1 июля, Вена; М. Нейман — Фридриху Вильгельму, 9 августа, Варшава; С. Ренигер — Фердинанду III, 24 апреля, 3 июня, Стамбул; М. де Турра — Александру VII, 28 мая, 1 июня, 8, 22 июля, Рагуза (Жерела, т. XII, с. 346, 349; Acte, v. I, p. 244; Documente, v. V, part. 2, p. 17—19; v. IX, part 1, p. 61—64; Dujčev J. Avvisi..., p. 185—194). Часть их собрал М. Грушевский (Історія України-Руси, с. 1064—1065, 1097—1100), но не подверг анализу.
- ⁹⁵ Ценный материал на эту тему привела Л. Демени (Demény L. Освободительная война..., с. 512—521).
- ⁹⁶ М. С. Грушевский (Грушевський М. Історія України-Руси,

- с. 1549) датирует грамоту около 18 июля 1655 г. В сентябре ее привез Шахин-ага.
- ⁹⁷ Polska w okresie..., t. 1, s. 467. Ответные грамоты султана и великого везира от июня 1655 г. см.: Zetterst  en K. V. Türkische, tatarische und persische Urkunden..., S. 1—2, 24—25, 60.
- ⁹⁸ Д. Балларино — дожу Венеции, 1 августа 1655 г., Стамбул (Documente, v. V, part. 2, p. 18—19).
- ⁹⁹ См.: Грушевський М. Історія України-Руси, с. 1063.
- ¹⁰⁰ См. также характерные оценки гетмана великого коронного С. Потоцкого от февраля — апреля 1655 г. (Киев. Памятники, 2-е изд., т. III, с. 219—221; Jakuba Micha owskiego, s. 747—751).
- ¹⁰¹ Akta poselstw..., s. 87—97; Damus R. Der erste nordische Krieg..., S. 16; Jakuba Micha owskiego, s. 748—750, 755; UA, Bd. 6, S. 691—692; Kubala L. Wojna szwecka..., s. 31; Stade A. Geneza..., s. 61—63; Walewski A. Geschichte Leopold's I..., Th. 2, Abt. I, bil. XXVII; АЮЗР, т. XIV, с. 643.
- ¹⁰² Damus R. Der erste nordische Krieg..., S. 15—19; UA, Bd. 7, S. 359—362.
- ¹⁰³ Rocznik Gda ski, 1968, t. 27, s. 7—8.
- ¹⁰⁴ Akta poselstw..., s. 81—87; Jakuba Micha owskiego, s. 755; Kubala L. Wojna szwecka..., s. 381—383; Stade A. Geneza..., s. 71—72.
- ¹⁰⁵ АВАК, т. XXXIV, с. 33—35; Kubala L. Wojna szwecka..., s. 31.
- ¹⁰⁶ Walewski A. Geschichte Leopold's I..., Th. 2, Abt. I, S. 334—336.
- ¹⁰⁷ Damus R. Der erste nordische Krieg..., S. 17—19; Jakuba Micha owskiego, s. 748—750; Kubala L. Wojna szwecka..., s. 30—36.
- ¹⁰⁸ Сенаторы не договорились тогда окончательно о признании перехода к Швеции части Лифляндии.
- ¹⁰⁹ Напомню, что перемирие и переговоры с Россией рекомендовали К. Тышкевич и примас А. Лепчицкий.
- ¹¹⁰ Jakuba Micha owskiego, s. 752—755; Грушевський М. Історія України-Руси, с. 1055—1059, 1097, 1099.
- ¹¹¹ Жерела, т. XII, с. 340—341.
- ¹¹² АВАК, т. XXXIV, с. 36—37.
- ¹¹³ Жерела, т. XII, с. 343—346; Lisola F., S. 13—14; Walewski A. Geschichte Leopold's I..., Th. 2, Abt. I, S. 45, bil. XXVII.
- ¹¹⁴ Я. Таньский получил аудиенцию 22 апреля 1655 г. (UA, Bd. 6, S. 670—671; Bd. 23, T. 1, S. 185).
- ¹¹⁵ UA, Bd. 7, S. 366—369; Damus R. Der erste nordische Krieg..., S. 19.
- ¹¹⁶ Damus R. Der erste nordische Krieg..., S. 17—18.
- ¹¹⁷ Kubala L. Wojna szwecka..., s. 377; Lindqvist Å. Svenskarna och De Byes beskickningar..., s. 17—23.
- ¹¹⁸ АЮЗР, т. XIV, с. 535—540, 546—550.
- ¹¹⁹ Грушевський М. Історія України-Руси, с. 1074—1075, 1093.
- ¹²⁰ ЕОЕ, 11 köt., 36 l.; Erd  ly, 1 köt., 360, 380—382 l.; Okm  nyt  r, 23 köt., 161—162, 175, 599 l.
- ¹²¹ Обширное донесение К. Шаума о ходе его переговоров в Стокгольме от середины марта 1655 г. (ЕОЕ, 11 köt., 208—223 l.).
- ¹²² DAMT, v. X, p. 288—294; Erd  ly, 1 köt., 394—410 l.; Okm  nyt  r, 23 köt., 180—187 l.
- ¹²³ Dem  ny L. Освободительная война..., с. 512—519.
- ¹²⁴ Жерела, т. XII, с. 341—343, 343, 347—349; ЕОЕ, 11 köt., 205—

- 208 l.; Erdély 1 köt., 360—361, 383—384 l.; Okmánytár, 23 köt., 174—176 l.
- ¹²⁵ Okmánytár, 23 köt., 234—236 l.; Грушевський М. Історія України-Руси, с. 1075—1076.
- ¹²⁶ Okmánytár, 23 köt., 176—177 l.
- ¹²⁷ Універсал известен во многих копиях, неоднократно публиковался. Одна из копий была доставлена в царский лагерь в начале июня 1655 г. (АЮЗР, т. XIV, с. 623—626; Грушевський М. Історія України-Руси, с. 1091—1093).
- ¹²⁸ Польские дела, 1655 г., № 4, л. 36, 43, 63, 64, 77; Грушевський М. Історія України-Руси, с. 1092—1093.
- ¹²⁹ Volumina legum, t. 4, s. 230—231; Грушевський М. Історія України-Руси, с. 1093—1097. Инструкция от конца июня 1655 г.
- ¹³⁰ Кредитив послам от 29 мая 1655 г.; покинули Польшу 24 июня, прибыли в Стокгольм 30 июня, переговоры прошли в первой половине июля (Akta poselstw..., s. 57—129; Melchior von Foelckersahmbs, S. 8, 17—29; Polska w okresie, t. 1, s. 135—136). Возможно, предусматривалось и закрепление за Швецией всей занятой ею прежде части Прибалтики при условии военного союза против России.
- ¹³¹ UA, Bd. 7, S. 359—361.
- ¹³² UA, Bd. 23, T. 1, S. 175—178, 185; Rocznik Gdańsk, 1968, t. 27, s. 7—8.
- ¹³³ UA, Bd. 7, S. 362—365; Kubala L. Wojna szwecka..., s. 43—46, 195—199.
- ¹³⁴ UA, Bd. 6, S. 694, 697—699; Bd. 7, S. 365—366, 369—373.
- ¹³⁵ Kentschynskyj B. Karl X..., s. 114; Carlson F. F. Sveriges historia..., I d., 2 uppl., s. 228; Göransson S. Den europeiska konfessions-politikens upplösning 1654—1660: Religion och utrikespolitik under Karl X Gustav. Uppsala; Wiesbaden, 1956, s. 79—80.
- ¹³⁶ Kubala L. Wojna szwecka..., s. 38.
- ¹³⁷ Carlson F. F. Sveriges historia..., 1 d., 2 uppl., s. 176; Acta Baltico-Slavica, 1977, t. XI, s. 83.
- ¹³⁸ Kotłubaj E. Życie Janusza Radziwiłła. Wilno; Wit. bsk, 1859, s. 374—376. Odrodzenie i reformacja w Polsce, 1970, t. X \ s. 126—127; 1973, t. XVIII, s. 133—134.
- ¹³⁹ См. донесение О. Х. Шшарра от 27 марта 1655 г. пруссому совету для передачи бранденбургскому курфюрсту о недавней беседе с курляндским герцогом (UA, Bd. 7, S. 358—359).
- ¹⁴⁰ Rocznik białostocki, 1976, t. 13, s. 59.
- ¹⁴¹ UA, Bd. 7, S. 370—371.
- ¹⁴² Melchior von Foelckersahmbs, S. 2—7, 11—21, 29—32.
- ¹⁴³ Этот вопрос получил определенную актуальность после смерти 9 мая 1655 г. младшего брата короля, Карла Фердинанда, которого рассматривали как наиболее вероятного кандидата (UA, Bd. 6, S. 693).
- ¹⁴⁴ См. также: Kubala L. Wojna szwecka..., s. 44—45; Lekus M. Der grosse Kurfürst und polnische Thron. Berlin, 1929, S. 13.
- ¹⁴⁵ Damus R. Der erste nordische Krieg..., S. 18, 21—23; Kubala L. Wojna szwecka..., s. 42—53; Wojna polsko-szwedzka 1655—1660. Warszawa, 1973, s. 60—67.

Итоги исследования

Рассмотренные в книге события дают возможность сформулировать некоторые выводы об особенностях первого этапа международного и военного кризиса в Восточной Европе середины 50-х годов XVII в., о внешней политике главных его участников — России, Речи Посполитой и Швеции.

Кризис возник, когда ведущие державы остальных частей континента были заняты взаимной борьбой, собственными острыми внутри- и внешнеполитическими проблемами. Эти страны оказывали тогда сравнительно слабое влияние на восточноевропейские события, оно сводилось преимущественно к дипломатическим средствам. Поэтому конфликт в Восточной Европе развивался более свободно, так сказать в чистом виде. Очень важной чертой ситуации было значительное ослабление Речи Посполитой, ставшее особенно заметным в ходе освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Соседи Польско-Литовского государства были весьма полно информированы об этом, налицо даже переоценка ими действительной его слабости, в наибольшей степени характерная для шведских правящих кругов.

Освободительная война украинского народа стала предварительной фазой восточноевропейского кризиса. В это время, в частности, совместно с Украиной выступило Крымское ханство, ставшее использовать ситуацию в интересах татарских феодалов. Новым этапом кризиса явилось возникновение войны между Россией и Речью Посполитой. Он был открыт решением Земского собора от 11 октября 1653 г. и актом Переяславской рады 18 января 1654 г., хотя к прямым боевым действиям приступили лишь в июне 1654 г. Царское правительство стремилось сохранить двусторонний характер конфликта, избежать вмешательства в него других держав, нейтрализовать их. Именно это стало одной из главных целей крупномасштабной дипломатической акции, охватившей немалую часть

европейских государств, которую осуществили русские политики в конце 1653—1654 г. Пожалуй, впервые в истории русской дипломатии было проведено столь значительное по числу затронутых стран политическое мероприятие. Оно подчеркнуло, сколь важное значение для истории не только Украины и России, но и Восточной Европы, более того — континента в целом имел Переяславский акт 18 января 1654 г. о воссоединении Украины с Россией.

Лишь в одном русская и действовавшая с ней в тесном взаимодействии на южном фланге украинская дипломатия отступили от курса на нейтрализацию, попытавшись с февраля — марта 1654 г. заключить с Крымским ханством союз, направленный против Речи Посполитой. Но этот шаг объяснялся преимущественно тактическими соображениями. Во всяком случае, в Москве мало рассчитывали на его успех, а старались прежде всего затормозить сближение между Крымом и Речью Посполитой. Когда определилась неприемлемость для бахчисарайских политиков предложения о союзе, царские дипломаты в октябре 1654 г. вернулись к требованию невмешательства ханства в конфликт.

Московский двор избрал линию на локализацию войны с Речью Посполитой на начальном этапе восточноевропейского кризиса по нескольким причинам. Во-первых, из-за учета общеевропейской политической обстановки, не позволявшей ряду стран вмешаться в дела Восточной Европы. Во-вторых, вследствие некоторой переоценки реального ослабления Речи Посполитой, дававшего, казалось бы, шансы достичь своих целей собственными силами. Вполне вероятным союзником против Польско-Литовского государства выглядела Швеция, поскольку в Москве хорошо знали о противоречиях двух держав. Отказ от переговоров со Швецией на эту тему объяснялся, в числе других причин, негативным опытом русско-шведского сближения времени Смоленской войны. Повлияло, видимо, вначале также неверное представление русских политиков о том, что внутренние и международные трудности, действительно переживаемые тогда Швецией, делали маловероятным ее вмешательство в восточноевропейский конфликт. Наконец, важным обоснованием общего курса на нейтрализацию русско-польской войны было и мнение царских дипломатов об отрицательном отношении ряда государств, особенно соседних, к усилению России после

воссоединения Украины и тем более при осуществлении других ее внешнеполитических акций.

Историки лишены возможности дать полное представление о конкретных целях, поставленных русским двором в первый период войны с Речью Посполитой. Ведь каких-либо переговоров тогда не происходило, а начало Первой Северной войны приостановило боевые действия царских войск. Планировалось прежде всего возвращение потерянных в начале XVII в. русских территорий и закрепление воссоединения Украины с Россией, включая западноукраинские земли. Предусматривалось также приобретение Белоруссии со включением некоторых областей в бассейне Западной Двины, во всяком случае вплоть до Друи, и в польской Лифляндии. В связи с удачным исходом первой кампании войны с Речью Посполитой в порядок дня было поставлено занятие Литвы вплоть до Ковно. Такие планы означали стремление закрепиться на балтийской периферии, важной в стратегическом и экономическом отношении, т. е. к частичному решению балтийского вопроса. Уже в августе 1654 г.—начале 1655 г. выяснилось, что Алексеем Михайловичем намечалось дальнейшее продвижение русско-украинских войск в собственно Польшу, но остается неизвестным, имелось ли в виду таким путем добиться скорейшего завершения войны на выгодных условиях или преследовались иные цели. В любом случае, даже если принадлежность какой-то части указанных территорий стала бы предметом обсуждений на переговорах с Яном Казимиром, претворение в жизнь очерченной программы означало бы решительное изменение соотношения сил в Восточной Европе в пользу России. Господствующий класс Речи Посполитой не мог принять такие условия.

Московский двор придавал важное значение позиции Швеции, новой информации о планах правительства Карла X, поступавшей в Посольский приказ. Показательно, что в первую кампанию войны с Речью Посполитой и позже царские военачальники оперировали в воеводстве Инфлянском очень осторожно и небольшими силами, а Курляндию, в соответствии с просьбой шведского короля, не затрагивали. Следовательно, русские политики понимали, сколь болезненно воспринимали шведские феодалы любое продвижение в этом районе царских полков, старались по возможности не тревожить стокгольмский двор, бесспорно, избегали тогда столкновения со Швецией. Воз-

можно, что под влиянием сведений о растущей вероятности шведского нападения на Речь Посполитую русские дипломаты начали считать желательными переговоры с Карлом X относительно союза, но ждали первого шага от короля. Есть некоторые, хотя и косвенные свидетельства того, что такой вариант учитывался в Москве в сентябре 1654 — начале 1655 г.

Польско-литовской дипломатии пришлось действовать в очень трудной обстановке. Нелегким было внутреннее положение Речи Посполитой. Она имела дело с освободительной войной украинского народа, а затем с неудачно для страны протекавшим конфликтом с Россией. Кроме того, неурегулированными оставались отношения со Швецией, что создавало реальную опасность возобновления противоборства с нею. Особенностью политики правительства Яна Казимира в 1653 — первой половине 1655 г. был явный приоритет военных методов решения стоявших перед государством проблем над дипломатическими, особенно заметный до воссоединения Украины с Россией, но сохранявший силу и позже. До воссоединения варшавский двор полагал, что такой курс в случае планируемого крупного успеха на украинских полях затормозит вступление России в войну и окажет благоприятное воздействие на позицию Швеции. После Переяславского акта надеялись на удачу контрнаступления зимой 1654/55 г., которое позволило бы вернуть часть потерянного и таким образом создало более выгодную обстановку для переговоров с Карлом X.

На международной арене Ян Казимир неоднократно, но безуспешно пытался добиться помощи от императора и Священной Римской империи. Не была использована возможность сближения с Крымским ханством летом — в начале осени 1653 г., когда под влиянием известий о предстоящем воссоединении Украины с Россией появились признаки изменения его политики. Лишь после неудачи Жванецкого похода в конце 1653 г. и в особенности после Переяславского акта 18 января 1654 г. королевские дипломаты предприняли в 1654 — начале 1655 г. крупную внешнеполитическую акцию, имевшую целью создать лигу с участием Речи Посполитой, Крыма, Трансильванского и Дунайских княжеств (при благожелательной поддержке Османской империи), направленную против России и Украины. Ближайшей задачей Речи Посполитой стало получение широкой военной помощи для зимнего конт-

наступления 1654/55 г. в Белоруссии и на Украине. Эта программа была противопоставлена курсу русско-украинской дипломатии на нейтрализацию ближайших соседей.

Стремление Порты и Крымского ханства помешать усилению России и, следовательно, изменению выгодного им положения в Восточной Европе, привело к новой расстановке политических сил на юго-востоке. Правда, государство Османов из-за своих военных и внутриполитических трудностей сохранило формальный нейтралитет, зато Крым пошел на антирусский и антиукраинский союз с Речью Посполитой (лето и конец 1654 г.). Варшавскому двору удалось, таким образом, достичь поставленной цели, хотя и не полностью. Во-первых, крымские феодалы избегали борьбы на два фронта и потому не согласились на открытый разрыв с Россией, что привело к выгодному для нее неполному функционированию союза между ханством и Речью Посполитой. Во-вторых, усилия бахчисарайских и польских политиков организовать более широкий альянс остались безуспешными, ибо Трансильванское и Валахское княжества придерживались в это время курса на невмешательство в восточноевропейский конфликт. Достигнутый дипломатией Речи Посполитой успех был частичным и не мог оказать решающего влияния на ход событий в Восточной Европе.

Новые союзники попытались воздействовать на Украину, чтобы разорвать русско-украинское единение. Но если правительство Яна Казимира видело основное средство для решения такой задачи в военном давлении, то татарские феодалы использовали, кроме того, дипломатические методы, стараясь либо привлечь Б. Хмельницкого к союзу против России, либо добиться благожелательного нейтралитета Украины в этой войне. Сходную программу пробовали осуществить также некоторые неправительственные группировки господствующего класса Речи Посполитой, которые в значительно большей степени, чем регалисты, ориентировались на политические, а не военные пути решения украинской проблемы. Они имели в виду договоренность с казацким гетманом и старшинской верхушкой при помощи значительных уступок, но с сохранением нерушимыми основ прежнего социально-экономического порядка на Украине. Оппозиционные круги правящей элиты Речи Посполитой (например, биржанские Радзивиллы) не прочь были в случае успеха изложенных

планов использовать эту новую силу для укрепления своих политических позиций в стране. Но подобная модель урегулирования на Украине отвечала интересам польско-литовских феодалов в целом, поэтому с ухудшением положения государства ее принял и королевский лагерь в первой половине 1655 г. Однако такой курс, игнорировавший общенародный характер освободительной войны на Украине, не дал практических результатов.

Союз между Речью Посполитой и Крымским ханством показал, что локализовать русско-польскую войну не удалось. Но он лишь частично изменил характер восточноевропейского кризиса тех лет как по преимуществу двустороннего столкновения. Дальнейшее развитие кризиса определялось позицией не государств Юго-Восточной Европы, а других европейских держав. Страны Центральной, Западной, частью Северной (Дания) Европы, которые оказались в сфере воздействия царской дипломатии и где побывали русские посольства, выказали неодинаковое отношение к войне между Россией и Речью Посполитой, но по разным причинам многие из них уклонились в 1654—1655 гг. от активного вмешательства в конфликт на востоке. Иную позицию заняли шведские феодалы, и это имело возраставшее значение для развития кризиса в Восточной Европе. На внешнюю политику Швеции оказывали немалое влияние такие факторы, как острая внутренняя обстановка в стране и недостаточная (разумеется, для наступательных операций) военная подготовка. Сложным являлось положение в западном секторе шведской внешней политики из-за англо-голландской морской войны 1652—1654 гг. и конфликта с г. Бременом, чреватого опасностью обострений с Нидерландами и в Империи. Вместе с тем растущее внимание стокгольмского двора привлекало приближавшееся столкновение между Россией и Речью Посполитой.

Правительство Яна Казимира учитывало важность нормализации взаимоотношений со Швецией. Развивались дипломатические контакты между сторонами, обсуждался вопрос о шведской помощи Речи Посполитой, а с лета 1654 г. и об антирусском союзе двух держав. Однако политики Польско-Литовского государства не спешили принять шведские условия урегулирования, в которые безусловно входили уступка польской ветви династии Ваза своих призрачных прав на трон Швеции и признание совершившегося ранее перехода части Лифляндии в руки шведских феода-

лов. В подобном варианте при отказе Яна Казимира и Речи Посполитой от того, что на деле им давно не принадлежало, мирный договор двух держав был реален в правление Кристины. Несколько причин вызвали избранную варшавским двором линию: расчеты на изменение к лучшему военной конъюнктуры на востоке, что создало бы более благоприятную обстановку для переговоров со Швецией; регалисты надеялись также, что нелегкое внутреннее и международное положение Швеции помешает ей выступить против Речи Посполитой — ошибка, подобная той, которую допустили вначале и царские дипломаты. Наконец, правительство Яна Казимира, видимо, рассчитывало создать противовес шведской угрозе, ведя переговоры о вводе в Балтийское море голландской эскадры, что на деле случилось только после начала Первой Северной войны.

В такой ситуации шведская внешняя политика в восточном секторе в первой половине 1654 г. была выжидательной и исходила из следующих оснований: желания сохранить хорошие отношения с Россией; склонности к соглашению с Речью Посполитой, но одновременно и выяснения нацеленных против нее возможностей из-за неуверенности в готовности варшавского двора вскоре заключить мирный договор. Все это сопровождалось усилением боевой подготовки. С лета 1654 г. под влиянием русско-польской войны восточное направление во внешней политике Швеции стало главным. Видимо, вскоре после своего появления на троне, летом — в начале осени 1654 г., новый король стал ориентироваться на необходимость вмешательства Швеции в восточно-европейский конфликт весной 1655 г., но оставалось неясным, против кого оно будет направлено. Дело в том, что все большее влияние на политику Карла X стало оказывать новый фактор — растущие успехи русско-украинских армий в войне с Речью Посполитой. С конца лета — осени 1654 г. в Стокгольме всерьез считались с вероятностью полного разгрома Речи Посполитой, которым могли воспользоваться не только Россия, но и другие польские соседи. Это повело бы к их значительному усилению, тогда как Швеция, не готовая еще в военном отношении, осталась бы ни при чем. Не допустить такого развития событий и одновременно извлечь максимум выгод из ситуации, созданной прогрессирующими ослаблением Речи Посполитой, — вот что являлось главными целями выработанной правительством Карла X программы действий. Она предусматривала максимально бы-

струю военную подготовку, а в остальном оставалась непределившейся и имела три основные стороны.

Во-первых, стремление к соглашению с Речью Посполитой, но при двух условиях — скорых переговорах и значительных ее уступках. В последние входил по меньшей мере отказ от претензий на шведскую корону и шведскую Лифляндию без всяких компенсаций, а с конца 1654 г. — и передача Западной Пруссии как эквивалента за военные расходы (может быть, на оговоренный срок). Требование о Западной Пруссии по сути дела исключало возможную договоренность, так как варшавский двор не мог его принять. Но стокгольмское правительство думало иначе, исходя из своей оценки положения Речи Посполитой как катастрофического, а также надеясь, надо полагать, на прошведские силы в королевской Пруссии. Во-вторых, антирусские планы, включая возможность союза между Швецией и Польско-Литовским государством. Они могли стать реальностью при чрезмерных, с точки зрения шведских феодалов, приобретениях русских в Речи Посполитой и при любых их попытках прорваться к балтийским берегам, не только в польско-литовские пределы, но и в Курляндию и Восточную Пруссию. В-третьих, нацеленные против Речи Посполитой расчеты, предусматривавшие прямую интервенцию для захвата польско-литовских земель, прежде всего находившихся, как полагал Карл X, под угрозой вторжения царских армий. В данном варианте существенное значение приобретали сепаратные контакты с отдельными деятелями, городами, воеводствами, даже частями Речи Посполитой.

Соглашение между стокгольмским и варшавским дворами было еще возможно и в первые месяцы после коронации Карла X, так как шведские феодалы более всего опасались значительного усиления России за счет Речи Посполитой. К тому же внешнеполитическое положение Швеции в западном секторе тогда еще не вполне нормализовалось. Появление в Стокгольме полномочного посла Польско-Литовского государства с согласием принять два первых из отмеченных выше шведских условий урегулирования даже в конце 1654 — начале 1655 г. могло еще, может быть, отсрочить войну. В частности, это укрепило бы позиции противников войны с Речью Посполитой, действовавших в риксроде и риксдаге. Но правительство Яна Казимира упустило эту благоприятную возможность улучшить международное положение страны — по тем же причинам,

которые отмечены выше. Такой курс дипломатии Речи Посполитой был крупной ошибкой, имевшей тяжелые последствия для государства.

Господствующий класс Речи Посполитой не имел единого подхода к проблеме взаимоотношений со Швецией. Более того, с течением времени расхождения по этому пункту между различными группировками не слаживались, а усиливались. Особую значимость придавали в 1654—1655 гг. «шведскому вопросу» политики Великого княжества Литовского, исходившие из невозможности одновременной борьбы с Россией и Швецией. Для предотвращения конфликта с последней неправительственные группы правящей элиты Речи Посполитой предлагали первоначально интенсифицировать двусторонние переговоры, пойти на уступки в вопросах титулатуры и претензий польской королевской семьи, мало затрагивавших реальные интересы Польско-Литовского государства. Приблизительно с конца 1654 г. часть польско-литовских феодалов проявляла готовность признать и переход к Швеции занятых ею прежде районов Лифляндии.

Под влиянием неудач в первой кампании русско-польской войны они все настойчивее защищали необходимость не только урегулирования противоречий, но и антирусского военного союза между Речью Посполитой и Швецией. Такой подход был особенно характерен для многих феодалов Великого княжества Литовского. Затяжка варшавским двором действительных переговоров двух держав стала одной из вероятных причин развития с осени 1654 г. в политике неправительственных групп правящего класса Речи Посполитой тенденции к сепаратным контактам со шведскими верхами. Она усилилась после неудачи зимнего контрнаступления 1654/55 г. на Украине и в Белоруссии, когда стала ясной военная неподготовленность страны в преддверии второго мощного удара русско-украинских армий, а также выявились все более реальная угроза шведского нападения и недостаточность попыток ее предотвращения двором Яна Казимира. Собранные историками сведения об указанных контактах, реальных и, что не менее важно, планируемых, отрывочны и далеко не всегда доказательны. Неясны конкретный круг влиятельных магнатов, проявивших еще до войны склонность к политическим связям со шведскими властями, степень развития таких контактов и цели их с польско-литовской стороны. Видимо, одной из задач было ускорение переговоров о мирном до-

говоре и союзе Речи Посполитой со Швецией. Возможно, некоторые польско-литовские феодалы не исключали при этом новых уступок, например отдачи польской Лифляндии. Оппозиционные элементы правящего класса Речи Посполитой, к примеру биржанские Радзивиллы, надеялись использовать планируемое соглашение и для укрепления своего политического влияния в государстве.

Судя по ряду данных, в политике части польско-литовских феодалов, некоторых воеводств и городов страны в конце 1654 — первой половине 1655 г. проявилось желание не только получить шведскую военную помощь и защиту в случае наступления русских армий либо заключить с Карлом X сепаратный союз, но и обеспечить «протекцию», «опеку» шведского короля и даже перейти под его власть. Одной из главных причин такого политического курса были расчеты восстановить прежнее положение на востоке.

Тот факт, что господствующему классу Речи Посполитой не удалось выработать общую линию во взаимоотношениях со Швецией, крайне отрицательно повлиял на положение Польско-Литовского государства в 1654 — первой половине 1655 г. и особенно после шведского вторжения в страну. Выявившиеся еще до начала войны и не устранные серьезные разногласия различных группировок правящего класса по указанному вопросу стали одной из немаловажных причин тяжелых событий второй половины 1655 г. Сепаратные контакты, завязанные отдельными группами польско-литовских феодалов со стокгольмским двором, как и проявленная ими склонность к таким связям, оказались для шведских политиков одним из существенных доводов в пользу целесообразности нападения на Речь Посполитую.

Приблизительно с середины февраля 1655 г. под влиянием информации о фактическом нежелании правительства Яна Казимира вести серьезные переговоры со Стокгольмом, а также новых свидетельств о наличии в Речи Посполитой группировок, склонных к сепаратным контактам с Карлом X, произошло важное изменение в шведской внешней политике. Из трех ее составляющих практически исчезло одно звено — расчеты на быструю договоренность с варшавским двором. Шведы нацелились на военное решение споров с Речью Посполитой. Эту дату можно считать завершением первого этапа политического и военного кри-

зиса в Восточной Европе, хотя Первая Северная война началась на рубеже июня-июля 1655 г.

Предвоенные политические планы шведских феодалов ориентировались на обширные территориальные приобретения в Речи Посполитой. Имелось в виду занять по меньшей мере не только все ее балтийское побережье, но и прилегающие части Великой Польши до линии Познань — Торунь, воеводство Инфлянское, Литву, видимо, северо-запад и запад Белоруссии, некоторые пункты в восточно-прусском приморье (в обмен), а также получить лен на Курляндию. В чисто военном смысле стокгольмский двор считал эти цели легко достижимыми, не предвидя серьезного сопротивления Речи Посполитой и рассчитывая также, вероятно, на сепаратные контакты. Основное и немаловажное препятствие для осуществления своих надежд он видел в возможных международных осложнениях, враждебном вмешательстве других держав. Чтобы помешать такому неблагоприятному развитию событий, стокгольмские дипломаты наметили и осуществили крупную внешнеполитическую акцию, охватившую ряд европейских столиц. Шведские политики имели в виду две возможности: нейтрализацию соответствующих государств, что было предложено Англии, Нидерландам, России, Бранденбургу, частью Курляндии; либо систему союзов, которая связала бы Швецию с Данией, Англией, Россией и Бранденбургом. За союзы Карл X хотел заплатить Английской республике предоставлением особых выгод в торговле и судоходстве на Балтике. Данию привлечь ролью партнера в совместной защите Балтийского моря, России и Бранденбургу предложить соглашение по территориальному вопросу за счет Речи Посполитой. Взамен, в случае успеха своей программы, Карл X получал свободные руки для проведения экспансии шведских феодалов и решения балтийского и польского вопросов в их интересах, создавая солидную материальную базу для великодержавия Швеции. Программа эта была по внешнему виду грандиозной, а по внутренней сути хрупкой конструкцией; слишком многое в ней зависело от договоренности со странами, которые вовсе не были заинтересованы в дальнейшем усилении Швеции и имели с ней (кроме Англии) серьезные противоречия. Несколько осуществима была шведская политическая программа, решалось в ходе Первой Северной войны. Но еще до ее начала выяснилось, что на международной арене возникали трудности: в Гааге, Лондоне, Копенгагене не

шли навстречу шведским предложениям, колеблющейся оставалась политика Бранденбурга и, что особенно важно, не слишком благоприятной была позиция России.

Нараставшая информация о предстоявшем нападении шведских феодалов на Речь Посполитую, шедшая в Польский приказ в первой половине 1655 г., свидетельствовала о том, что прежние расчеты русской дипломатии на нейтрализацию Швеции оказались нереальными. Более того, еще до начала Первой Северной войны в Москве получили достаточно полное представление о тех элементах шведских оперативных планов, которые вступали в противоречие с целями царского двора в Речи Посполитой. Они были учтены русскими политиками, в их планах и действиях проявилось стремление ограничить предстоящие шведские завоевания в Польско-Литовском государстве. Весной — летом 1655 г. не было еще речи об изменении внешнеполитического курса России, его антишведском повороте, но некоторые признаки такой перемены наметились уже тогда. Даже практически осуществленное ускорение боевых операций русских полков в Литве помешало проведению в жизнь планов Карла X в Речи Посполитой в полном объеме и оказало немалое влияние на ход последующих событий в ней.

Со второй половины 1654 г., но особенно с конца 1654—первых месяцев 1655 г. международная обстановка для России ухудшилась. Полная нейтрализация войны с Речью Посполитой оказалась неосуществимой, а отсутствие союзников становилось важной помехой в достижении внешнеполитических целей Алексея Михайловича. Программы изменения в свою пользу ситуации в Восточной Европе, выдвинутые русскими и шведскими феодалами на первом этапе кризиса в этом районе, в ряде пунктов противоречили друг другу, не мог их принять и господствующий класс Речи Посполитой. Определенные шансы на претворение в жизнь данных программ давал союз между Россией и Швецией в той или иной форме, но он требовал серьезных взаимных уступок. Правящие круги обоих государств не пошли таким путем. Поэтому со второй половины 1655 г. начались поиски других возможностей политического урегулирования. Возобновлялись старые проекты избрания на трон Речи Посполитой или Великого княжества Литовского представителей шведской и русской династий, а также государственных уний, одновременно выдвигались планы создания антишведской коалиции держав и т. д.

Список сокращений

Архивные материалы

ЦГАДА -- Центральный государственный архив древних актов
(г. Москва)

Дела Посольского приказа и Коллегии иностранных дел по сношениям России с иностранными государствами

Австрийские грамоты — ф. 32. Сношения России с Австроией и Германской империей. Грамоты.

Голландские дела, грамоты — ф. 50. Сношения России с Голландией. Дела. Грамоты.

Датские дела — ф. 53. Сношения России с Данией. Дела.

Крымские дела, книги — ф. 123. Сношения России с Крымом. Дела. Книги.

Курляндские дела, грамоты — ф. 63. Сношения России с Курляндией. Дела. Грамоты.

Малороссийские дела, грамоты — ф. 124. Малороссийские дела. Грамоты.

Польские дела, книги — ф. 79. Сношения России с Польшей. Дела. Книги.

Прусские дела, грамоты — ф. 74. Сношения России с Пруссией. Дела. Грамоты.

Французские дела, книги, грамоты — ф. 93. Сношения России с Францией. Дела. Книги. Грамоты.

Шведские дела, грамоты -- ф. 96. Сношения России со Швецией. Дела. Грамоты.

Фонды бывшего Государственного архива Российской империи

Приказ тайных дел — Разряд XXVII (ф. 27). Приказ тайных дел

Фонды Разрядно-Сенатского отдела

Малороссийские столбцы — ф. 229. Малороссийский приказ. Столбцы.

Сибирский приказ, столбцы — ф. 214. Сибирский приказ. Столбцы.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (г. Москва)

*Хранилище микрофотокопий документальных материалов,
полученных из иностранных архивов, библиотек, музеев*

- КМФ 9 (Швеция), ЗА — 11, № 39 — Riksarkivet Stockholm. Muscovitica I. Svenska beskickningars till Russland brev och arkiv, N 39. 1655.
КМФ 16 (Дания), ЗА — 73, № Riksarkivet, København. Danske Kancellis Udenrigske Afdeling.

Публикации документов, издания XVII—XVIII вв.

- ААЭ, т. IV — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией имп. Академии наук. СПб., 1836, т. IV.
АВАК, т. XXXIV — Акты, издаваемые Виленскою комиссию для разбора древних актов. Вильно, 1909, т. XXXIV.
АИ, т. IV — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб., 1842, т. IV.
АМГ, т. II — Акты Московского государства, изданные имп. Академио наук под ред. Н. А. Попова. СПб., 1894, т. II.
Архив ЮЗР, ч. 3, т. VI — Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссию для разбора древних актов. Киев, 1908, ч. 3, т. VI.
АЮЗР, т. VIII, X, XIV — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб., 1875, 1878, 1889, т. VIII, X, XIV.
Воссоединение, т. III — Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. В 3-х т. М., 1953, т. III.
ДАИ, т. III, VI — Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссию. СПб., 1848, 1857, т. III, VI.
Документи — Документи Богдана Хмельницького 1648—1657. Київ: Видавництво АН УРСР, 1961.
Документы — Документы об освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. Киев: Наукова думка, 1965.
Донские дела, кн. 4,5 — Русская историческая библиотека. СПб., 1913, 1917, т. XXIX, XXXIV.
Жерела, т. XII, XVI. 1 — Жерела до історії України-Руси. Львов, 1911, 1919, т. XII, XVI, 1.
Исторические связи, т. II — Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.: Документы и материалы в трех томах. М.: Наука, 1968, т. II.
Киев. Памятники, т. III — Памятники, изданные Киевскою комиссию для разбора древних актов. Киев, 1898. 2-е изд., доп. т. III.
Памятники, т. III — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб, 1854, т. III.
ПСЗ. Собр. первое, т. 1 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830, т. 1.
РИБ, т. XVI — Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссию. СПб., 1897, т. XVI.
Acte, v. I — Acte și fragmente cu privire la istoria Românilor. Adunata de N. Jorga. București, 1895, v. 1.

- Aitzema L. van. *Historie*, t. III — *Aitzema L. van. Historie of Verhael von Saken van Staet en Oorlogh in ende omtrent de Vereenigde Nederlanden 1621—1668.* Graven Haghe, 1669, t. III.
- ASWKr., t. II, f. 2 — Akta sejmikowe województwa Krakowskiego. Wrocław, 1955, t. II, fasc. 2.
- Brieven, d. III, V — Brieven geschreven ende gewisselt tusschen den Heer Johann de Witt ende de gevollmaghtigden van den Staedt der Vereenigde Nederlanden (1652—1669). Den Haag, 1724, 1726, D. III, V.
- DAMT, v. X — Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei, și Tării-Românești. Publ. de A. Veress. București, 1938, v. X.
- Documente, v. V, part 1, 2; v. IX, part. 1; suppl. II, v. III, f. 1 — Documente privitoré la istoria Românilor culese de E. Hurmuzaki. V. V, part. 1, 2. București, 1885—1886; v. IX, part. 1, 1897. suppl. II, v. III, f. 1, 1900.
- Johan Ekeblads bref, I — Johan Ekeblads bref/Utg. af N. Sjöberg. I. Från Kristinas och Cromwells hof. Stockholm, 1911.
- EOE, 11 köt.— Erdélyi Orszaggyülesi Emlékek. Szerk. Szilágyi S. Budapest, 1886, 11 köt.
- Erdély, 1 köt.— Erdély és az Eszakkeleti háború. Levelek és okiratok... Közz. Szilágyi S. Budapest, 1890, 1 köt.
- Melchior von Foelckersahmbs — Melchior von Foelckersahmbs Relation über seine Sendung nach Stockholm im Sommer 1655. Mitau, 1906 (Auftrage der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst/Hrsg. von H. Diederichs).
- Kraus G., I Theil — Siebenbürgische Chronik des Schässburger Stadtschreibers Georg Kraus. 1608—1665. Wien, 1862, I Theil.
- Linage de Vauciennes, t. III — *Linage de Vauciennes P. Memoires de ce qui s'est passé en Suède et aux provinces voisines, depuis l'année 1645 jasques en l'année 1655. Ensemble de demêlé de la Suedev aec la Pologne, tires des depeches de Monsieur Chanut ambassadeur pour le Roy en Suede.* Cologne, 1677, t. III.
- Lisola L. — Die Berichte des kaiserlichen Gesandten Franz von Lisola aus den Jahren 1655—1660. Hrsg. A. F. Pribram.— In: Archiv für österreichische Geschichte, Bd. 70. Wien, 1887.
- Stefana Medekszy — Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy sekretarza Jana Kazimierza... księga pamiątkowa wydarzeń zaszych na Litwie 1654—1668/Wyd. W. Seredyński. Kraków, 1875 (Scriptores Rerum Polonicarum. T. III).
- Jakuba Michałowskiego — Jakuba Michałowskiego wojskiego lubelskiego a później kasztelana bieckiego Księga pamiątkowa... Wyd. A. Z. Helcel. Kraków, 1864.
- Ojczyste spominki, t. 1 — Ojczyste spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Dyaryusze, relacje, pamiętniki... Zebr. przez A. Grabowskiego. Kraków, 1845, t. 1.
- Okmánytár, 23 köt.— Magyar Történelmi Emlékek. Első osztály: Okmánytár. Köt. 23. Okmánytár II. Rákóczi György diplomacziái összeköttetéseihez. Szerk. Szilágyi S. Budapest, 1874.
- Pufendorf S. Commentariorum — *Pufendorfi S. Commentariorum de rebus Suecicis libri XXVI. Ab expeditione Gustavi Adolphi regis in Germaniam ad abdicationem usque Christinae. Ultrajecti, 1686.*
- Pufendorf S. Sieben Bücher — *Pufendorf S. Sieben Bücher von denen Thaten Carl Gustavs Königs in Schweden.* Nürnberg, 1697.

- Quellen, Bd. VI — Quellen zur Geschichte der Stadt Brassó. Bd. VI.
(Chroniken und Tagebücher. Bd. III). Kronstadt-Brassó, 1915.
- Radziwiłł A. S., t. IV — *Radziwiłł A. S. Memoriale rerum gestarum in Polonia 1632—1656*. Wrocław etc., 1974, t. IV. 1648—1656.
- Recueil, II — Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités des Westphalie jusque'a la revolution française. II. Suède. Avec une introduction et des notes par A. Geffroy. Paris, 1885.
- Rudawski W. J.— *Rudawski W. J. Historia Polska od śmierci Władysława IV aż do pokoju Oliwskiego czyli dzieje panowania Jana Kazimierza od 1648 do 1660*. Petersburg; Mohylew, 1855, t. I—II.
- Secrete Resolutien, 1 — *Secrete Resolutien van de Heeren Staten van Holland en Westvriesland 1653—1668*. I. Utrecht, 1717.
- SRAP, d. 5.1; 5.2 — *Sveriges rikes ridderskaps och adels riksdagsprotokoll*. D. 5: 1; 5 : 2. Stockholm, 1873.
- SRP, d. XII, XVI — *Svenska riksrådets protokoll*. D. XII, XVI. Stockholm, 1910, 1923.
- Stanisława Temberskiego roczniki — Stanisława Temberskiego roczniki 1647—1656/Wyd. W. Czermak. Kraków, 1897 (*Scriptores Rerum Polonicarum*. T. XVI).
- Thurloe J., v. 3 — *A Collection of the State Papers of John Thurloe*. Ed. T. Birch. London, 1742, vol. 3.
- UA, Bd. 2, 3, 4, 6, 7, 23, T. 1 — Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Bd. 2. Berlin, 1865; Bd. 3. B., 1866; Bd. 4, B., 1867; Bd. 6. B., 1872; Bd. 7. B., 1877; Bd. 23, Teil 1. B. und Leipzig, 1929.
- Volumina legum, v. 4 — *Volumina legum. Prawa, konstytucje y przywileje Królestwa Polskiego i Wielkiego Księstwa Litewskiego... v. 4. Ab anno 1641 ad annum 1668*. Warszawa, 1737.
- Vorbek-Lettow M.— *Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci. Pamiętnik lekarza króla Władysława IV*. Wrocław, 1968.
- Whitelocke B., v. II.— *Whitelocke B. Journal of the Swedish Embassy in the Years 1653 and 1654*. London, 1855, v. II.

* * *

- KFÅ — «Karolinska Förbundets Årsbok». Lund. Stockholm.
- Polska w okresie, t. 1 — *Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655—1660*. Warszawa, 1957, t. 1.

Оглавление

I. Задачи исследования. Обзор источников и литературы	3
II. Политическая ситуация в Европе в начале 50-х годов XVII в. Балтийский вопрос	16
III. Военные и дипломатические неудачи Речи Посполитой. Конфронтация королевской власти и магнатско-шляхетской оппозиции (1648—1653 гг.)	21
IV. Начало международного кризиса в Восточной Европе	30
1. Деятельность русской дипломатии на Западе	30
2. Дипломатическая борьба России и Речи Посполитой в странах Юго-Восточной Европы	39
3. Политика Швеции накануне русско-польской войны	55
V. Первая кампания русско-польской войны и европейские государства (вторая половина 1654 — начало 1655 г.)	71
1. Русско-украинская и польская дипломатия в поисках союзников, в усилиях понейтрализации возможных противников на Юго-Востоке	72
2. Шведские политики на перепутье	78
3. Речь Посполитая в начале войны с Россией	95
4. Новая расстановка политических сил	100
VI. Дипломатическая предыстория Первой Северной войны (январь — июль 1655 г.)	115
1. Швеция на пути к войне	115
2. Замыслы и действия русской дипломатии. Военные успехи России	129
3. Политический курс Османов и их крымских вассалов	134
4. Речь Посполитая: дипломатические и политические акции, действия разных группировок правящего класса	140
VII. Итоги исследования	164
Список сокращений	176

ЛЕВ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЗАБОРОВСКИЙ

Россия,
Речь Посполитая
и Швеция
в середине XVII в.

Из истории международных отношений
в Восточной и Юго-Восточной Европе

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Редактор А. М. Орехов

Редактор издательства Г. В. Шелудько

Художник В. А. Шорц

Художественный редактор Н. А. Фильчагина

Технические редакторы Т. А. Калинина,

С. Г. Тихомирова

Корректоры Н. Г. Васильева, Т. С. Козлова

ИБ № 22194

Сдано в набор 13.03.81.

Подписано к печати 27.05.81

Т-02780. Формат 84×108^{1/32}.

Бумага типографская № 2.

Гарнитура обыкновенная.

Печать высокая.

Усл. печ. л. 9,66. Усл. кр.-отт. 10,09.

Уч.-изд. л. 11,2

Тираж 4750 экз. Заказ № 744

Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюз-
ная ул., 90

Набрано в Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени

Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.

Москва, М-54, Валовая, 28

Отпечатано во 2-ой типографии
издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер. 10

В издательстве «Наука»
в 1981 г. выйдут в свет:

ПАРСАДАНОВА В. С.

Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)

18 л., 2 р. 10 к.

В монографии исследуются межгосударственные отношения СССР и Польши в 1941—1945 гг.; рассматриваются связи правительства СССР с польским эмигрантским правительством и с революционным лагерем Польши; анализируется исторический перелом, который произошел в годы второй мировой войны и привел к установлению дружбы и сотрудничества между СССР и Народной Польшей; раскрываются политическая, дипломатическая, военная, экономическая помощь СССР Польше, общественные и культурные связи между братскими народами, связи КПСС и ПОРП.

Славяноведение и балканистика за рубежом

10 л., 1 р. 20 к.

Сборник содержит историографические статьи и обзоры, освещающие современное состояние славяноведения и балканистики в зарубежных странах. Включенные в сборник материалы касаются деятельности международных организаций и национальных научных центров в названных областях науки, характеризуют отдельные издания и разработку некоторых важных проблем в специальной зарубежной литературе, преимущественно за последние годы.

В издательстве «Наука»

в 1982 г. выйдут в свет:

Балканские исследования, вып. 8

20 л., 2 р. 50 к.

В выпуске впервые публикуются документы, освещающие взаимоотношения национально-освободительных движений балканских народов и европейских держав в XIX в., обращения населения Дунайских княжеств к правительству России с просьбой о покровительстве, раскрываются новые стороны русско-греческих связей в начале XIX в., русско-сербских отношений накануне и в период Восточного кризиса 70-х годов. В ряде материалов освещаются политика Великобритании, Австрии, Франции на Балканах, кроме того, помещена библиография новейшей советской литературы по балканистике.

Славяноведение и балканистика в зарубежных странах

20 л., 2 р. 50 к.

Книга содержит статьи, рефераты и другие материалы, освещающие вопросы международного сотрудничества советских ученых, состояние славянских и балканских исследований, разработку за рубежом конкретных проблем истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Значительное место занимает критический анализ «восточноевропейских исследований», ведущихся на Западе (США, ФРГ, Франции и др.). Во многих статьях дана критика современной буржуазной историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга-почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-410, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
192104 Ленинград Д-120, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142292 Пущино, Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

«Академкнига»

1 p. 20 K.

331